THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

1 (4) 2014
march

Frequency: 4 times a year

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)
Editorial address: 620041, Ekaterinburg,
3, Zheleznodorozhnikov st., office 207
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Editor-in-Chief
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Zaks

The editorial board:
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. L. A. Myasnikova
(Deputy Editor-in-Chief)
Candidate of Engineering, Associate Prof. A. V. Agenosov
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. S. D. Balmayeva
Doctor of Philological Sciences, Prof. I. N. Borisova
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. A. Brandt
Doctor of Political Sciences, Associate Prof. S. I. Glushkova
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. A. V. Drozdova
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. O. Y. Zotova
Candidate of Historical Sciences, Associate Prof. K. I. Zubkov
Doctor of Psychological Sciences, Associate Prof. I. S. Krut'ko
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. S. A. Mitsek
Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. E. B. Mitsek
Doctor of Psychological Sciences, Prof. E. B. Perelygina
Candidate of Sociological Sciences S. A. Ramzina
Candidate of Pedagogical Sciences L. V. Rosnovskaya
Doctor of Legal Sciences A. P. Semitko
Doctor of Legal Sciences, Prof. M. N. Semyakin
Doctor of Economic Sciences N. V. Khmelkova
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Prof. G. A. Yamaletdinova

The editorial Council
Doctor of Historical Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences V. V. Alekseev
prof. Ives Hamant (France)
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. V. Boldygin
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof. G. E. Burbulis (Moscow)
Candidate of Arts, Prof., Member of the Russian Academy of Arts S. V. Golynets
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. G. Y. Zborovskiy
E. Kiseleva–Castells, Ph. D (Spain)
Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences V. N. Rudenko
Doctor of Philosophical Sciences, Prof. A. M. Rutkevich (Moscow)
Doctor of Physical and Mathematical Sciences A. M. Taras'ev

Head of Editorial Office
M. M. Volkova

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1 (4) 2014
март

Выходит 4 раза в год

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)
Учредитель: НОУВПО Гуманитарный университет (Екатеринбург)
Адрес редакции: 620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Главный редактор
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
(заместитель главного редактора)
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
д-р филол. наук, проф. И. Н. Борисова
д-р филос. наук, доцент Г. А. Брандт
д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова
канд. филос. наук, доцент А. В. Дроздова
д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
д-р психол. наук, доцент И. С. Крутько
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р экон. наук, доцент Е. Б. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перелыгина
канд. социол. наук С. А. Рамзина
канд. пед. наук Л. В. Росновская
д-р юр. наук А. П. Семитко
д-р юр. наук, проф. М. Н. Семякин
д-р экон. наук Н. В. Хмелькова
д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова

Редакционный совет
д-р ист. наук, проф., академик РАН В. В. Алексеев
проф. Ив Аман (Франция)
канд. филос. наук, доцент Г. В. Болдыгин
канд. филос. наук, доцент Г. Э. Бурбулис (Москва)
канд. искусствоведения, проф., академик РАХ С. В. Голынец
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
Э. Киселева–Кастельс, Ph. D (Испания)
д-р юр. наук, проф., член-корреспондент РАН В. Н. Руденко
д-р филос. наук, проф. А. М. Руткевич (Москва)
д-р физ.-мат. наук А. М. Тарасьев

Заведующая редакционно-издательским отделом
М. М. Волкова

ББК 60
В 38

В 38 Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 1 (4) / Редкол. : Л. А. Закс, Л. А. Мясникова и др. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2014. – 210 с.

ISSN 2308-8117

ISSN 2308-8117

© Вестник Гуманитарного университета, 2014
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2014

Содержание

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом) ……..9
Овчинникова Г. Г.
Эволюция сознания человека
в безопасном пространстве психотерапевтической практики …….10
Яворский А. А., Яворский Р. А.
Гетероагрессия и самосознание ……..17

«Молодые голоса»……...25
Мостиков С. В.
Специфика психологической поддержки клиентов
при посттравматическом стрессовом расстройстве ……..26
Бурашникова А. В.
Оценка влияния миграционных процессов на экономический рост ……...31
Масленникова Л. А.
Проблемы реформирования российской пенсионной системы ……....37

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии) ……..43
Мецгер А. А.
Региональные аспекты развития индустрии инвестиционных фондов
в современной России ……..44
Харитонов В. В.
Авторское право: проблема экономической эффективности ……...52

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история) ……63
Денисов С. А.
Особенности преподавания прав человека в административном обществе ……...65
Егоров К. И.
Обеспечение прав и свобод человека и гражданина
как основная функция судебной власти ……73
Еникеев Е. В., Бурков А. Л.
Без меня меня судили ……...77
Крылатова И. Ю.
Современные проблемы и задачи обучения реализации
и защите прав человека в РФ ……..80
Термачич Т.
Роль Совета Европы – «принести права человека домой» ……...84
Абрамов С. М.
Дипломатия как эффективный ресурс решения геополитических проблем:
на примере внешней политики СССР и США
в период арабо-израильской войны 1973 года ……...90
Комлева Е. В.
Утилизация ядерных отходов как мировая и региональная проблема ……101

Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм) ……...123
Звиревич В. Т.
Философствующий ритор Дион Хрисостом ……124
Лучанкин А. И., Базаров Е. Ю., Кадырова Л. А.
Тропою доверия ……..129
Закс Л. А.
На перекрестке времен и культур: случай «Турандот» Дж. Пуччини ……..137
Мугиништейн М. Л.
«Турандот» – опера Джакомо Пуччини ……...138
Порфирьева А. Л.
Туранское приданое ……...142
Севастеенко А. В.
Театральный перформанс нового поколения: экранизация как кинематографизация (на примере спектакля московского театра им. М. Н. Ермоловой «Портрет Дориана Грея» в постановке Александра Созонова) ……149
Курюмова Н. В.
Современный танец как культурный микрокосм: телесные модели на рубеже модернистской/постмодернистской культур ……..165
Батюта Е. А., Каменский С. Ю., Рамзина С. А.
«Музейная антропология»: конструирование идентичности посетителя во взаимодействии с новым музеем ……...177
Росновская Л. В.
Учебно-проектная деятельность студентов в формате компетентностно-ориентированного обучения ……189

Научные события ……195

О редколлегии ……...200

Требования к оформлению и порядку предоставления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета» ……...202

Contents

Social, psychological and personal foundations of social relations, communication and social management (Psychology, Advertising and PR, HR Management) ……9
Ovchinnikova G. G.
Evolution of Consciousness in the Safe Space of Psychotherapeutic Practice ……..10
Yavorskiy A. A., Yavorskiy R. A.
Heteroagression and Self-Awareness ……17

«Young voices»……...25
Mostikov S. V.
The Specific Psychological Support for Clients with Posttraumatic Stress Disorder …26
Burashnikova A. V.
The Assessment of Migration Processes Impact on Economic Growth ……..31
Maslennikova L. A.
The Problems of the Russian Pension System Reform ……..37

The optimization of Russia's Economy Management: finance, economic, mathematical and computer models (Economics, Information Technologies) ……43
Metzger A. A.
Regional Aspects of the Investment Funds Industry Development in Modern Russia ……44
Kharitonov V. V.
Copyright and the Problem of Economic Efficiency ……...52

Legal and political culture in social, state, military history of Russia and the world (Jurisprudence, Political Studies, Area Studies, History) ……63
Denisov S. A.
Specifics of Human Rights Teaching in Administrative Management Society …….65
Egorov K. I.
Ensuring Rights and Freedoms of a Man and a Citizen as the Main Function of the Judiciary ……73
Yenikeyev Y. V., Burkov A. L.
The Absent Party's Fate is Great ……77
Krylatova I. Y.
Problems and Goals of Human Right Studies in Russia ……80
Termacic T.
The Council of Europe Role: «Bringing Human Rights Home» ……84
Abramov S. M.
Diplomacy as an Effective Resource for Geopolitical Problem-Solving: the Example of the USSR and the USA Foreign Policy during the 1973 Arab-Israeli War ……...90
Komleva E. V.
Utilization of Nuclear Waste as World and Regional Problem ……101

The world of Culture: subjects, institutions, practices
(Philosophy, Culturology, Arts, Physical Culture,
Journalism, Fashion Design, Service and Tourism)…….123
Zvirevich V. T.
Dio Chrysostom: Rhetorician on Philosophy ……...124
Luchankin A. I., Bazarov E. Y., Kadyrova L. A.
Path of Trust …….129
Zaks L. A.
At the Crossroads of Times and Cultures: the G. Puccini's «Turandot» case ……..137
Muginshtein M. L.
«Turandot», Giacomo Puccini's Opera ……138
Porfir'yeva A. L.
Turanian Dowry ……142
Sevasteyenko A. V.
A New Generation of the Theatre Performance:
Silver Screening as Cinematographization
(Aleksandr Sozonov's Staging of «The Picture of Dorian Gray»
in Moscow Theatre named after M. N. Ermolova) ……...149
Kuryumova N. V.
Contemporary Dance as Cultural Microcosm:
Corporeal Models on the Threshold of Modernist and Postmodern Cultures ……..165
Batyuta Y. A., Kamenskiy S. Y., Ramzina S. A.
Museum Anthropology:
Visitor's Identity Constructing through New Museum Relationships …….177
Rosnovskaya L. V.
Students' Learning and Project Activities in Competence-Oriented Teaching ……189

Scientific Events……...195

About Editorial Board…….200

Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors……...202

Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления

УДК 159.98

Овчинникова Галина Герольдовна
канд. психол. наук, доцент,
завкафедрой психологии личности
и психологического консультирования,
руководитель программы профессиональной
переподготовки по специализации
«Психологическое консультирование»
факультета социальной психологии,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: okgala@gmail.com

Ovchinnikova Galina Gerol′dovna
Candidate of Psychology,
Assistant Professor at Personality Psychology
and Counseling Chair,
Director of Professional Retraining Course on
Psychological Counseling, Department of Social
Psychology, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В БЕЗОПАСНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

EVOLUTION OF CONSCIOUSNESS IN THE SAFE SPACE OF PSYCHOTHERAPEUTIC PRACTICE

Аннотация
Психологическое состояние безопасности рассмотрено как компромисс между ощущениями защищенности, новизны в неопределенности. Показано значение безопасного пространства психотерапевтической практики и сорезонирующего поля сознаний для эволюции современного человека в процессе перехода на новые уровни сознания и скорости принятия решений.
Ключевые слова: психотерапевтическая практика; безопасное пространство перехода в неопределенность; сорезонирующее поле сознания; эволюция сознания; скорость событийных потоков.

Abstract
Psychological safety is viewed as a compromise between the feelings of being protected and novelty in ambiguity. The article underlines the meaning of safety space created by psychotherapeutic practice and of resonating fields of consciousness for the evolution of modern men in the process of shifting to the new levels of consciousness and new speed of decision-making.
Key words: psychotherapeutic practice; safe space of entering ambiguity; resonant field of consciousness; evolution of consciousness; stream of events speed.

В современной психологии активно обсуждается процесс эволюции сознания человека. Мы можем видеть, с одной стороны, высокую зависимость человека от социальных отношений и влияния взрывообразно нарастающей информации. Другая сторона вопроса – воздействие на человека двух параллельно существующих устаревших систем психики, цель которых состоит в нахождении компромисса в выборе безопасного поведения. И с третьей стороны – высокая потребность человечества и каждого человека эволюционировать в новые уровни сознания и справляться с новыми скоростями современного мира.

Для того чтобы в этих условиях полноценно развиваться, своевременно адаптироваться к меняющимся социальным контекстам и организовывать свою жизнедеятельность, человек должен ощущать психологическую безопасность. Однако старые способы психологических и социально-психологических защит, которые обеспечивали безопасность человека в прежние времена, перестают действовать в

© Овчинникова Г. Г., 2014

современных условиях. Поэтому особенно актуальными становятся исследования, способные осуществить теоретическую рефлексию способов создания безопасных пространств и процессов перехода на новый уровень сознания и эмпирическую фиксацию их функционирования. На наш взгляд, важнейшим пространством такого рода в современном мире является пространство психотерапевтической практики.

Каждый новый уровень сознания связан с различными возможностями биологического и социального функционирования, ценностей, целей и самосознания. Переход с одного уровня на другой – долгий процесс в эволюции человечества и каждого отдельного человека. Состоит он из многочисленных частных переходов от состояний стабильного функционирования психики с хорошо отлаженной системой защит к новому состоянию, неструктурированному и неопределенному. В этой статье мы хотим обсудить проблемы, связанные с переходами от одного состояния к другому и значение пространства безопасности для эволюционного перехода, создаваемого в психотерапевтической и психологической практике.

Одной из отличительных черт разных уровней сознания является скорость и объем обработки информации и принятия решений. За время своего существования человечество освоило, по крайней мере, три ступени бытия, каждая из которых имеет свою скорость реагирования и принятия решений [5. С. 149]: 1) низкие скорости проживания физических состояний и эмоционального восприятия мира прошлых веков. Тогда людям достаточно было ходить на церковные службы и исповедь, чтобы поддерживать свое психическое здоровье и развитие; 2) скорость интеллектуальной мысли. В прошлом столетии психологическое консультирование и психотерапия, стремясь удовлетворить потребности человека, предлагали линейные когнитивные схемы для расширения поведенческого репертуара и стабилизации эмоциональной сферы; 3) уровень событийных потоков, системного мышления и восприятия, когда несколько процессов осуществляются синхронно, а решения возникают как точное знание даже в ситуации стресса и отсутствия ментальной информации. Этот новый уровень мышления позволяет человеку (в частности, психологу) осознать себя как часть целостной системы и опираться на подсознательные символы.

Появление новых направлений в психологии – экзистенциального, трансперсонального, процессуального – явилось в некотором смысле ответом на появление новых скоростей и необходимость обработки многочисленных тонких сигналов сознания и соответственно проявлению новых свойств сознания самих психологов.

В 2011 году журнал института ИОНС (www.noetic.org) опубликовал статью «Трансформация мировоззрения и развитие социального сознания» [8. С. 22]. В этой работе описываются пять ступеней развития социального сознания. Рассказать о них здесь представляется важным, в силу того что психологи работают с сознанием людей через свое собственное сознание, создавая некое «пространство перехода» между предыдущим уровнем сознания человека и возможным (открывающимся) уровнем его сознания.

Авторы выделяют следующие пять уровней социального сознания:

1. Включенное социальное сознание без осознания влияния среды, общих ценностей, стереотипов и установок на свое мировоззрение. Уровень включенного сознания расширяется благодаря открытию творческих способностей и рефлексии. 2. Саморефлексирующее социальное сознание – благодаря наблюдению и размышлению люди обретают осознание того, что их опыт обусловлен социальным миром. Способность отсоединяться от опыта позволяет стимулировать процесс трансформации мировоззрения, способность видеть множественность точек зрения и представлений. 3. Вовлеченное социальное сознание, когда люди не только осознают социальную среду, но и мобилизуют намерение привнести поль-

зу. Когда человек осознает свое индивидуальное Я и свои отношения с другими и с миром, пассивное осознание может смениться желанием участвовать в улучшении благополучия других и мира. 4. Сотрудничающее социальное сознание, когда люди видят себя частью сообщества и начинают сотрудничать с другими, совместно формируя социальную среду общими действиями. Ключевой механизм – это диалог. Возникает равенство, принятие друг друга, совместный поиск без оценок и заранее известных схем. 5. Резонантное социальное сознание, когда человек ощущает сущностную связанность с другими, входит в поле общего опыта, дающее жизнь новому уровню проживания. Здесь рассматривается наличие трех необходимых компонентов для возникновения резонантного сознания: разделенное внимание, положительные чувства и синхрония, или высокая степень соотнесенности. Находясь в таком состоянии сознания, люди ведут себя свободно и спонтанно отвечают на стимулы из окружения.

Переходя от одного уровня сознания к другому, человек превосходит предыдущий уровень и затем включает его; таким образом все виды социального сознания активно функционируют у зрелых и развитых личностей. Продвижение по уровням сознания можно осуществлять в процессе намеренной практики и обучения. Одной из наиболее перспективных в этом смысле нам видится психотерапевтическая и психологическая практика.

Идея развития через качественную трансформацию, т. е. изменение по вертикали и за пределы известного измерения, значима для процесса психологического консультирования.

Переход с одного уровня на другой – процесс достаточно долгий в эволюции человечества и каждого отдельного человека. Состоит он из многочисленных частных переходов от состояний стабильного функционирования психики с хорошо отлаженной системой защит к новому состоянию, не закрепленному структурно и, как людям представляется, в силу этого весьма опасному. Поэтому для человека, переживающего трансформацию и достигающего нового уровня сознания в процессе психотерапии и психологического консультирования, важно создание обстановки безопасности, некоего пространства, внутри которого он осмелится рискнуть на переход к новому измерению личности.

Безопасность – это и ощущение, и реальность. Реальность безопасности основана на вероятности возникновения рисков и способности человека эффективно справиться с ними. Безопасность – это компромисс. Мы идем на компромиссы в области безопасности интуитивно. Этот интуитивный выбор очень важен для жизни на нашей планете и эволюции человечества. Любое живое существо постоянно идет на компромиссы в безопасности и эволюционирует в одном направлении, а не в другом благодаря этому.

Человек поставлен перед выбором из двух вариантов эволюции: в новое состояние сознания или в горизонтальную вариативность, обеспечивающую социально-психологическую адаптацию и выживание. Важно и то и другое. Проблема состоит в нахождении баланса между стабильностью и трансформацией в неопределенное новое состояние. Как отмечают авторы современных исследований в области психологической устойчивости, которая лежит в основе состояния и ощущения безопасности, следует рассматривать соразмерность, равновесие постоянства и изменчивости личности. «Речь идет о постоянстве главных жизненных принципов и целей, доминирующих мотивов, способах поведения, реагирования в типичных ситуациях. Изменчивость проявляется в динамике мотивов, появлении новых способов поведения, поиске новых способов деятельности, выработке новых форм реагирования на ситуации. При таком рассмотрении в основе психологической устойчивости личности лежит гармоническое (соразмерное) единство постоянства личности и динамичности, которые дополняют друг друга. На фундаменте

постоянства выстраивается жизненный путь личности, без него невозможно достижение целей жизни. Оно поддерживает и укрепляет самооценку, способствует принятию себя как личности и индивидуальности. Динамичность и приспособляемость личности теснейшим образом связаны с самим развитием и существованием личности. Развитие невозможно без изменений, которые происходят в отдельных сферах личности и в личности в целом, они обусловлены как внутренней динамикой, так и средствами воздействия» [9. С. 89].

Чтобы достичь состояния и ощущения безопасности, человек сотрудничает с другими людьми. Он объединяется для защиты от угроз своей жизни, для обеспечения безопасного существования – эта задача формирует потребности в постоянных связях с окружающим миром и, как их следствие, – потребность идентификации себя с определенной общностью, потребность избежать одиночества. «Чувство полного одиночества, – отмечает Э. Фромм, – ведет к психическому разрушению. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту. Индивид может быть физически одинок, но при этом связан с какими-то идеями, моральными ценностями или хотя бы социальными стандартами – и это дает ему чувство общности и принадлежности» [7. С. 23].

Эти эволюционные переживания и постоянные компромиссы в выборе поведения, определяющего состояние безопасности, приводят к психологической зависимости человека от социальных сообществ и высокой подверженности информационно-психологическому воздействию. Одной из основных причин повышения психической напряженности и неадаптивного социального поведении является блокирование удовлетворения потребности в безопасности, которое возникает в отсутствие достаточных возможностей для социальной ориентировки человека в окружающей ситуации и направлениях ее развития. В исследованиях проблем безопасности отмечается, что «явление безопасности не только входит в число глобальных проблем человечества, но и выступает основой сохранения и развития любого социального организма. В общественной организации и человеческих отношениях безопасность имеет существенное значение» [1. С. 104].

Невозможность получения социально значимых данных в обрушившемся информационном потоке усугубляется тем, что нередко информация используется для манипулирования людьми и их поведением. Это приводит к тому, что большинство людей стремится удержаться в старых моделях поведения, на привычном уровне сознания и в системе привычных психологических защит.

Изучение вопросов социально-психологической безопасности показывает, что «с позиции рефлексивного статуса безопасность личности – это не столько действительное положение человека, сколько отражение его субъективных представлений о безопасности. Установление личностью своей безопасности определяется в большей мере субъективными психологическими критериями, чем объективным, реальным положением» [6. С. 113].

Если человек считает, что риск гораздо серьезнее, чем он есть на самом деле, то на уменьшение риска он тратит больше энергии, чем нужно. Если он думает, что риск существует, но он касается только других людей, то затраты будут недостаточными. Если неточно определена суть компромисса, то человек не сможет правильно сбалансировать затраты.

В сегодняшнем мире причины неправильного восприятия рисков состоят в том, что новые ситуации возникают с опережением скорости эволюционного процесса. Живое существо постоянно оценивает риск и реагирует на него, и это важнейшие действия, которые совершает человек повсеместно в своей жизни, и за это отвечает примитивная часть его мозга. Именно эта часть является источником выброса адреналина и других гормонов в кровь и активирует реакцию борьбы или бегства. Человек овладел эволюционным преимуществом – возможностью при-

держать рефлексивную реакцию борьбы или бегства, чтобы произвести точный анализ ситуации и способов выхода из нее.

У людей многоуровневый анализ риска. Рассуждающая часть головного мозга, которая развилась не так давно, присутствует только у млекопитающих. Она отвечает за интеллект и аналитику и может тонко выбирать компромиссы. Но ей сложно сопротивляться миндалевидному телу. Эвристика нашего мозга, которая имеет дело с безопасностью, очень древняя, а миндалевидное тело еще старше. Но и аналитическая часть стремительно устаревает. Новым в эволюционном процессе является огромное человеческое сообщество, в среде которого появилась необходимость для новых компромиссов в области безопасности.

Психологическая безопасность обычно рассматривается во взаимосвязи с психологической защитой человека и обеспечивающими ее механизмами. Ощущение психологической безопасности возникает, когда человек осознает возможность удовлетворения своих потребностей и реализацию прав и испытывает положительные эмоциональные переживания по поводу этого, даже если ситуация неблагоприятна, а возникающие обстоятельства могут блокировать или затруднять их удовлетворение или реализацию. Основным механизмом, обеспечивающим психологическую безопасность, выступает психологическая защита. Это одна из ведущих регулятивных систем, стабилизирующих личность. Ее задача – устранить или свести к минимуму чувство тревоги, связанное с осознанием конфликта.

К основным показателям нарушения психологической безопасности на уровне личности можно отнести потерю ощущения ценности жизни, потерю смысла жизни, дезинтегрированность образа «Я» и картины мира, неадекватные способы удовлетворения потребностей, снижение волевого потенциала, отсутствие автономности личности, негативный эмоциональный фон, особенности социальных связей, нарушающие социальную адаптацию. Именно эти показатели имеют значение в процессе психотерапии и психологического консультирования в моменты, когда вызов к эволюционному переходу на новый уровень личности для человека блокируется ощущением опасности и активизацией системы защит.

Очевидно, что поддержка эволюционирующей части в этом контексте может быть оказана как создание безопасного пространства взаимодействия между психотерапевтом и клиентом, сорезонирующего поля сознаний (включая все уровни бессознательного), в котором процесс перехода осуществляется совместно. Как пишет Дж. Бьюдженталь, «нужно быть открытым для интуитивного ощущения того, что происходит внутри клиента, что лежит за его словами и за пределами его осознания» [2. С. 21].

Сейчас, как мы уже обсуждали выше, человечество осваивает третью ступень существования системы психики, обеспечивающей компромисс в выборе поведения и принадлежности новым уровням сознания и социально-психологической адаптации. В наше время человек живет в событийных потоках. Это похоже скоростью на решения водителя в потоке машин: каждое решение должно быть принято мгновенно и окончательно. Такие решения не обдумываются; они являются в виде точного знания. Кроме того, современный человек постоянно перемещаются между уровнями социального сознания.

В этой ситуации от любого человека требуется высокий уровень внутренней скорости и силы, который в былые времена достигался лишь немногими людьми; решения и знание приходили к ним во время молитвы или медитации. Наши современники, не склонные опираться на эти методы, говорят об озарении или интуиции.

Поэтому старые способы психологических и социально-психологических защит, которые обеспечивали безопасность человека в прежние времена, перестают действовать в современных условиях. Обучение человека новым блокам инфор-

мации и чувственного опыта в современном мире выглядит бесперспективно, а на первый план выдвигаются задачи развития социально-психологического потенциала человека и его системного мышления и способности спокойно продвигаться в зонах неопределенности.

В контексте вышесказанного становится важным понять роль психотерапии и позицию психологов в этом процессе. Современная жизнь с ее постоянно меняющимися ценностями и отсутствием традиционных, а значит, готовых решений для нравственного выбора часто ставит человека в экзистенциальную ситуацию, когда этот выбор необходимо совершать, не располагая необходимой информацией. Обратившись за помощью к психологу-консультанту или психотерапевту, человек надеется на сопровождение в процессе выбора и на создание защищенного поля сознания, аналогом которого раньше (да, впрочем, и сейчас) выступали молитвы и медитации.

Наши исследования [4. С. 127] показали, что более 50 % психологов и психотерапевтов критерием эффективности терапии считают «нахождение в поле взаимодействия». Значение для них имеет открытие точки роста и расширения во всех направлениях. Изменения у клиента ожидаются как в горизонтальном (расширение диапазона поведенческих стратегий и развитие социально-психологических навыков), так и в вертикальном и трансформационном (личностный рост, увеличение самоосознания, познание себя на границе неизвестного) векторах. Можно предположить, что попавшие в эту группу респонденты обладают сотрудничающим и резонантным социальным сознанием.

Таким образом, психолог-консультант постоянно находится в двойственной ситуации: он помогает переживать опыт, смысл которого находится для человека за пределами его личностной традиции. Практически он создает новое поле опыта для клиента и разделяет с ним, договариваясь, этот опыт, как имеющий право на существование. Он проживает вместе с человеком его выбор, побуждая к большей свободе и большей ответственности, и становится человеком, ассистирующим выбор другого и принимающим на себя часть ответственности за сам процесс выбора.

Так создается безопасное пространство эволюции личности, в котором клиент начинает проявлять интерес ко всему уникальному, к пустотам, к тому, чего еще нет, разрушает норму, включает в сюжет своего Я различные точки зрения, играет с ним. Он создает, в конце концов, разветвленное, открытое, поливариативное описание новых возможностей своей жизни и переходит в новые пространства сознания, осваивая системный способ восприятия реальности.

Психолог, психотерапевт в этом процессе постоянно пребывают в пространстве за пределами нормы, они порождает смысл (или принимают его) там, где его еще нет, пребывая в неопределенности пустоты.

В проведенных нами исследованиях [3. С. 27] мы выявили, что практикующие психологи и психотерапевты, совершив выбор в пользу ценностей самостоятельности и веры (в этой статье мы не обсуждаем мотивы этого выбора), обозначают его в понятных для клиентов категориях: «повысить ответственность за выбор», «расширить поле выборов», «взять ответственность за свою жизнь на себя», «стать толерантным к неопределенности», т. е., по существу, верить в неведомое. Мы считаем, что благодаря именно этой внутренней работе происходит создание смыслового поля, в котором ценности порождают выборы и становятся жизненными историями людей.

Современный человек сейчас должен позаботиться о собственном развитии, научиться новому (системному) способу взаимодействия с миром и осознанной самотрансформации. Формирование личной ответственности за результат своих выборов и свою безопасность, самообразование и свою жизнь в дальнейшем является важной задачей общего развития человека. При таком понимании решение проблемы, связанной с безопасностью, возникает спонтанно, как естественная ре-

акция на проблемный контекст, а поиск необходимой информации и овладение навыками любого дела осуществляется постоянно в процессе самообразования и контакта с общим информационным пространством.

В своей работе мы показали значение безопасного пространства, создаваемого в процессе психотерапевтической практики для эволюции современного человека. Переход на новый уровень сознания и освоение скорости обработки информации на уровне событийных потоков предполагает переживание опыта, смысл и содержание которого находятся за пределами личной традиции человека, способов его социально-психологической адаптации и психологических защит. Поддержка эволюционирующей части со стороны психотерапевта может быть оказана как создание безопасного пространства взаимодействия между психотерапевтом и клиентом, сорезонирующего поля сознаний (включая все уровни бессознательного), в котором процесс перехода осуществляется совместно.

В современном мире на первый план выдвигаются задачи развития социально-психологического потенциала человека, его системного (событийного) мышления и способности спокойно продвигаться в зонах неопределенности. В психотерапевтической практике клиент и психолог создают пространство перехода в новое поле опыта и разделяют, договариваясь, этот опыт, как имеющий право на существование, через сорезонирующее сознание. Психотерапевт в этом процессе помогает людям взять ответственность за свою жизнь на себя, стать толерантными к неопределенности и научиться верить в неведомое.

Литература

1. Бусыгина И. С. Международная корпоративная безопасность в условиях глобализации // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 3.

2. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. – М., 2008.

3. Овчинникова Г. Г. Смыслообразующий выбор психологов-консультантов и психотерапевтов в процессе жизненного пути // Человеческий капитал. – 2011. – № 8(32).

4. Овчинникова Г. Г. Создание безопасного пространства в психотерапевтической практике как необходимое условие эволюции личности // Феномен безопасности: от социальной психологии до макропсихологии : материалы III Международного симпозиума. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2012.

5. Пальчик М. Квантовая модель эволюции личности. – Новосибирск, 2007.

6. Психологическое состояние современной России // Макропсихологические аспекты безопасности России / Ю. П. Зинченко и др. – М., 2012. – Гл. 2.

7. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 2009.

8. Schlitz M. M., Vieten C., Miller E. M. Worldview Transformation and the Development of Social Consciousness // Journal of Consciousness Studies. – 2010. – 17 (7–8). – Pp. 18–36. – URL: http://media.noetic.org/uploads/files/JCS_17_7-8_018-036.pdf

9. Sekach M. F., Perelygina E. B., Zotova O. Y. Intensity of Psychological Health and Personality Psychological Resistance // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – October. – V. 86.

УДК 159.97

Яворский Анатолий Анатольевич
д-р мед. наук, профессор кафедры психологии личности и психологического консультирования, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)

Yavorskiy Anatoliy Anatol'evich
Doctor of Medicine, Professor at Personality Psychology and Psychological Counseling Chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Яворский Руслан Анатольевич
врач-психиатр первой категории, полковник медицинской службы, начальник психиатрического отделения, ФКУЗ 5 военный клинический госпиталь внутренних войск МВД России (г. Екатеринбург)

Yavorskiy Ruslan Anatol'evich
Psychiatrist of Category I, Chief Medical Officer, the Colonel of Medical Service, Head of Psychiatric Wards at Russian Interior Ministry Forces Military Hospital #5 (Ekaterinburg)

ГЕТЕРОАГРЕССИЯ И САМОСОЗНАНИЕ

HETEROAGRESSION AND SELF-AWARENESS

Аннотация
В статье рассматривается вопрос гетероагрессивных действий и их связь с самосознанием. Установлено, что гетероагрессивные действия проявляют лица на фоне аномалий психической деятельности. Указывается, что у лиц с психическими аномалиями имеют место изменения самооценки и в целом деформация самосознания.
Ключевые слова: агрессия; адаптация; Я-концепция; аномалии психики; адекватность самооценки.

Abstract
The paper explores the theme of heteroagressive actions in their relations to self-awareness. The authors postulate that heteroagression manifests a person in the context of psychic anomalies. Persons with the psychic anomalies, as the authors stress, have some shifts in self-evaluation and self-awareness deformation in a whole.
Key words: aggression, adaptation, Self-concept, psychic anomalies, self-evaluation adequacy.

Конфликты и насилие относятся к числу наиболее серьезных проблем, перед которыми сегодня оказалось человечество. Знание истоков и природы агрессивных действий позволит предотвратить или взять под контроль подобное деструктивное поведение. Несмотря на значительные разногласия относительно определения агрессии, многие специалисты склоняются к следующей дефиниции: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [4. С. 25–26].

Связь расстройств психической деятельности с агрессивным поведением постоянно привлекает внимание исследователей. Психические аномалии, как одна из причин совершения преступлений, и вопросы уголовной ответственности субъектов, страдающих ими, широко исследовались криминалистами и криминологами еще в XIX веке. П. Н. Тарновская (1902) писала, что «даже при беглом знакомстве с населением тюрем бросается в глаза, что число нервнобольных, слабоумных, паралитиков, эпилептиков, истеричных среди заключенных несравненно больше, чем среди трудящегося населения, пользующегося свободой» [12. С. 50–52]. Еще один знаменитый отечественный юрист, Д. А. Дриль (1882), отмечал, что «преступ-

© Яворский А. А., Яворский Р. А., 2014

ность возникает обыкновенно на почве болезненной порочности и исцеляется или медицинским лечением, или благоприятным изменением жизненной обстановки. Эта болезненно-порочная природа передается далее путем унаследования различных дефектов» [6. С. 100–101].

Агрессивность как вид поведения всегда социально значима. Ее субъектом может быть только личность, ибо только она обладает сознанием. При этом существуют косвенные признаки нарушения самосознания, которые свидетельствуют о наличии еще недостаточно изученных, кратковременных, преходящих дискретных изменений самосознания, не укладывающихся в общеизвестные нарушения. Об этом свидетельствуют: снижение критики и неполное восприятие и оценка конфликтной ситуации, затруднение поиска выхода из этой ситуации, когда она оценивается как безвыходная, хотя выходы из ситуации в памяти заложены. При этом плохо прогнозируются последствия своих поступков, снижается волевая регуляция поведения, исчезает механизм личностной защиты, угнетается инстинкт самосохранения, затрудняется использование интеллектуальных возможностей для оценки ситуации и поиска выхода из нее, появляется аффективная напряженность.

А. П. Корнилов (1996) отмечает, что в основе синдрома нарушения адаптации оказываются не сами по себе эмоциональные явления, переживания или особенности мышления, а самосознание личности и индивидуально-стилевые особенности саморегуляции, которые структурируют целостные системы поведенческих проявлений в ответ на тяжелый стресс [7. С. 37–41]. При этом характер поведения, как правило, определяется функцией самосознания. Важнейшую роль в достижении внутренней согласованности личности и социальной адаптации играет Я-концепция, на формирование которой оказывают влияние как индивидуальные факторы, так и значимая среда. В случае, когда давление среды вынуждает личность прибегать к защитным формам реагирования, изменяется ситуация и формирование Я-концепции, изменяется ее структура и отдельные элементы, а следовательно, нарушается система интерпретации опыта, саморегулирования и личностного роста [9. С. 77–78].

Агрессивный поступок, как акт человеческого поведения, при рассмотрении его в неразрывном единстве субъективных побуждений и социально значимых последствий, отражает функцию сознания и самосознания, его уровни, особенности функционирования [15. С. 92–101; 16. С. 39–45].

Агрессивность – одна из важнейших характеристик человеческого поведения, которая определяет взаимоотношения с окружающими и эффективность личностного развития. Различают ситуационную агрессивность, которая возникает как реакция на ситуацию, в основе которой лежит мотивация и цель нанести вред участнику этого взаимодействия, вызвавшего неблагоприятную ситуацию, и агрессивность как личностную черту, выражающуюся в готовности к агрессии, которая проявляется в виде доминанты враждебного насилия, определяя устойчивую субъективную готовность индивида при межличностном взаимодействии.

При изучении самосознания сделан акцент на содержательной стороне образа «Я», который включает аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, находящиеся в разных соотношениях с уровнем адекватности самооценки. Под адекватностью самооценки имеется в виду соответствие самооценок целостного образа «Я», отдельных его частей и социальных ролей испытуемого «объективным» оценкам, даваемым экспертом. В нашем исследовании эту роль выполняли характеристики руководства, акты расследования нарушения поведения и материалы дознания причин и мотивов агрессивных действий, а также характеристики воспитателей и военных психологов. Связь самооценки и поведения опосредована обобщенной самооценкой. Эта самооценка как бы определяет собствен-

ные возможности, отношение к себе, степень принятия самого себя как личности; она отражает степень уверенности в себе и самоуважение.

К. Ясперс выделяет четыре типа сознания «Я», а именно: 1) чувство деятельности – осознание себя в качестве активного существа; 2) осознание собственного единства: в каждый данный момент я осознаю, что един; 3) осознание собственной идентичности: я остаюсь тем, кем был всегда; 4) осознание того, что «Я» отлично от остального мира, от всего, что не является «Я» [17].

Аномалии сознания собственного «Я» в типичных случаях выражаются в отсутствии того или иного из перечисленных признаков. Любое внешнее воздействие определяет психическое явление и собственное поведение, лишь опосредованно преломляясь через внутренние индивидуальные свойства и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается. Поворотные события в жизни человека вызывают изменение социальной ситуации развития личности и ведут к смене ролей, которые человеку приходится играть, к изменению круга лиц, включенных во взаимодействие с ним, спектра решаемых проблем и образа его жизни. Такие этапные события, как позитивные, так и негативные, приводят к личностному изменению, перестройке всей системы «Я» и весьма болезненно переживается личностью. Приоритет в изучении проблемы «Я» в социально-психологическом аспекте принадлежит У. Джемсу [5. С. 32–40]. Его представления о самосознании основываются на том факте, что в самосознании представлены две стороны – эмпирическое «Я», или личность, которая состоит из физического, социального и духовного «Я»; и чистое «Я» – как познающий элемент, т. е. состояние сознания или мысль – познающее «Я». В психоанализе достаточно интенсивно рассматривается самосознание в аспекте «Я как субъект». В теории К. Юнга Эго – это сознательный разум, состоящий из осознанных ощущений, мыслей и чувств. Но им вводится новое понятие «Я» как центральной точки всей личности, равноотстоящей от сознательного и бессознательного. Функцией «Я» является обеспечение равновесия и стабильности личности, что проявляется в стремлении к единству и целостности [14]. А. Адлер вводит понятие «творческое Я», которое, по его мнению, является единым внутренне согласованным высшим звеном в структуре личности. В современных представлениях преобладает концептуальная схема изучения рефлексивного «Я» [1. С. 28–34]. М. Розенберг указывает на некоторые параметры, характеризующие уровень развития самосознания личности. Образ «Я» рассматривается в виде сложной системы конструктов, функционирующих в динамическом единстве. Ее элементы:

1. Степень когнитивной сложности и дифференцированности образа «Я». Низкая дифференцированность характеризуется качеством и его оценками, что делает образ «Я» чрезмерно «пристрастным», а это обусловливает легкость его дестабилизации и искажения под влиянием разного рода факторов. При этом определяется, способна ли самооценка субъекта отстраняться, эмансипироваться от оценок других; в какой мере собственная самооценка субъекта является системой эталонов, определяющих отношение к жизненному опыту и саморегуляции поведения. 2. Степень внутренней противоречивости или гармоничности. Это, во-первых, степень отчетливости образа «Я», его субъективной значимости для личности. Во-вторых, это степень внутренней цельности и последовательности образа «Я». Мотивация и целеполагание субъекта в его реальной жизнедеятельности, качества его личности могут обладать «нейтральностью» или личностным смыслом, переходя в сознание. При этом личностный смысл выражается в значениях, т. е. когнитивно и в переживаниях. 3. Степень устойчивости стабильности образа «Я» во времени. Устойчивость личности, ее «Я-концепция», является для человека одним из наиболее ценных качеств. При угрозе нарушения устойчивости срабатывают многообразные защитные механизмы, в частности: феномен защиты позитив-

ного «Я», который проявляется в том, что начинает преобладать положительное оценивание себя – завышенная самооценка с образованием фальшивого «Я»; феномен объективационной ригидности, который характеризуется неспособностью увидеть в возникшей ситуации реальную проблему, и, наконец, третий феномен – феномен мотивационной ригидности, проявляющийся в действиях с фиксированной установкой, которая была успешной в прошлом, но неадекватна в настоящем [10. С. 27–38; 11. С. 105–107; 19. С. 8–50]. В структуре самосознания различают образ физического «Я» как когнитивного образования и эмоционально-ценностного отношения (самооценки) как аффективного образования. Самосознание является сложным динамическим единством знаний и отношения интеллектуального и аффективного. «Я-концепция» – это совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой. Эта совокупность представлений о себе имеет две составляющие: описательную и оценочную. Описательную составляющую часто называют образом «Я», а оценочную составляющую называют самооценкой, или принятием себя. Выделение описательной и оценочной составляющих «Я-концепции» позволяет рассматривать ее как совокупность установок, направленных на самого себя. Следовательно, самосознание, рассматриваемое со стороны своей структуры, представляет собой установочное образование, состоящее из трех компонентов: когнитивного, аффективного и поведенческого, которые имеют относительно независимую логику развития, однако в своем реальном функционировании обнаруживают взаимосвязь. Важным и первичным в формировании самосознания является осознание человеком своей телесной сущности, причем этот процесс познания идет параллельно познанию объектов внешнего мира и других людей. Известен факт, что люди с заметными отклонениями в физическом развитии в большей степени подвержены неблагоприятному влиянию социально-психологической среды, которая способствует формированию негативной «Я-концепции» и проявляется в зависимости от окружения или бунте против него. Схема образа тела является как бы начальной точкой в развитии самосознания, однако и формирующееся самосознание, в свою очередь, оказывает влияние на представление о своем телесном облике [3. С. 101–106; 10. С. 27–38; 18. P. 60–63; 19. P. 8–50; 20. С. 120–128].

Объект, организация и методы исследования

Целью исследования явилось изучение клинико-психологических феноменов нарушений самосознания у юношей с психическими аномалиями, совершивших агрессивные действия.

Ю. М. Антонян, С. В. Бородин (1987) как психические аномалии рассматривают «все расстройства психической деятельности, не достигшие психотического уровня и не исключающие вменяемости, но влекущие личностные изменения, которые могут привести к отклоняющемуся поведению. Такие аномалии затрудняют социальную адаптацию индивида и снижают его способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими» [2. С. 69–74]. Нами рассмотрены случаи агрессивного поведения у юношей с непсихотическими расстройствами, которые проявлялись в виде глумления, издевательства, словесного и физического оскорбления и рукоприкладства.

Исследованием были охвачены 100 юношей в организованном коллективе, в возрасте 18–20 лет, совершивших агрессивные действия. Категория обследованных по клинико-психологическим диагностическим критериям МКБ-10 отнесена к пограничным психическим расстройствам и по нозологической принадлежности представлена: специфические расстройства личности – 37 чел. (37 %); непсихотический посттравматический синдром – 19 чел. (19 %); психогенное смешанное расстройство эмоций и поведения – 44 чел. (44 %). Из всей группы обследованных 8 юношей, что составляет 8 %, привлекались к уголовной ответственности и

имели судимость. Контрольная группа представлена юношами в количестве 100 человек. При их отборе учитывались: положительные характерологические качества, успешная социальная адаптация, отсутствие психических и соматических расстройств.

Для решения поставленных задач использовались различные методы, которые позволили провести анализ формирования и динамики агрессивных действий у юношей с пограничными психическими расстройствами (психические аномалии) в условиях организованного коллектива, а также изучить особенности их самосознания: структурно-динамический анализ психопатологии; экспериментально-психологический – ЛД, MPPI, ПДО, опросник Кеттела; статистический. Функция самосознания и его динамика у обследованных юношей с агрессивной формой поведения изучалась с помощью модифицированной (Кржечковский А. Ю., 1997) методики ЛД, основанной на определении адекватности самооценки.

Уровень самосознания при этом определялся как выражение степени адекватности самооценки испытуемым различных свойств своей личности с учетом данных служебной и медицинских характеристик, актов и заключений психологов и психоневрологов в сопоставлении с оценкой эксперта. Методика состоит из двух частей. Первая часть исследования основывается на сопоставлении самооценок испытуемыми различных свойств своей личности в количественном выражении с оценками тех же параметров личности испытуемых, даваемых окружающими. При обработке полученных данных определяется интегральный показатель – адекватность самооценки (АСО). Для этого вначале определяется величина самооценки каждого параметра личности (С); она равняется алгебраической сумме баллов по альтернативным признакам каждой пары. Вторым этапом исследования являлось определение величины экспертных оценок (ЭО), которая проводилась аналогичным образом на бланках. Третий этап заключался в вычислении алгебраической разницы между самооценками испытуемых и экспертными оценками (d = С - ЭО). Таким образом определялась величина расхождения между представлениями испытуемого о каком-то своем качестве и мнением по этому поводу окружающих [8].

Результаты исследования и их оценка

При клинико- и патопсихологическом анализах установлено, что нарушения самосознания обследованных затрудняют их социальную адаптацию и обусловливают совершение агрессивных действий. Неблагоприятные факторы, способствовавшие формированию нарушения самосознания, по обстоятельствам жизни у юношей с агрессивными действиями имеют достоверные различия по форме воспитания (у агрессоров – гипоопека с жесткими формами взаимодействия между членами семьи). В преморбиде у юношей, совершивших агрессивные действия, на первый план чаще выступают аффективные нарушения, возбудимость, неустойчивость интересов и настроения, расторможенность биологических влечений, истерические компоненты, черты стеничности. Обращает на себя внимание, что, в целом, у исследованной группы отмечается повышенная аффективность при сравнительно невысоких интеллектуальных запросах, которая приводит к снижению порога социальных запретов и создает иллюзию вседозволенности с формированием асоциальных установок, которые в состоянии декомпенсации психической деятельности могут реализовываться в виде агрессивных действий. В группе юношей, совершивших агрессивные действия, девиантно-делинквентные формы поведения установлены у исследуемых со специфическими личностными расстройствами в 67,5 % случаев; у лиц с непсихотическим посттравматическим синдромом – в 84,2 %; и у лиц с психогенным смешанным расстройством эмоций и поведения – в 31,8 % случаев.

Анализ медицинских документов, информации родителей, характеризующих документов школьного периода позволяет утверждать, что истоки формирования асоциальных установок уходят своими корнями в ранние периоды жизни и связаны, в основном, с условиями неблагоприятного воспитания, как правило в социально дезорганизованных родительских семьях. При этом часто встречающаяся у обследованных юношей конституционально-биологическая неполноценность зачастую сочеталась с неблагоприятными экзогенными влияниями, что в целом благоприятствует и предрасполагает к формированию личностных аномалий с копированием привычных, в том числе отклоняющихся, патологических стереотипов отношений в родительских семьях и микросоциальных группах. Сформированные агрессивные тенденции стереотипно проявлялись в конфликтных ситуациях в период коллективного функционирования, а мотивами агрессивных действий являлись: стремление к подавлению окружающих, враждебность, которые сочетались с дефицитом морально-этических представлений. У юношей со специфическими расстройствами личности, совершивших агрессивные действия, в характере преобладали вспыльчивость, подозрительность, завышенная самооценка, дисфоричность и аффективные разряды с внешне обвинительными формами отношений. Для нарушения самосознания характерны активация чувства деятельности, незрелость собственной идентичности и единства, при этом осознание собственного «Я» представлено феноменом мотивационной ригидности с образованием фальшивого «Я», что проявляется как деперсонализационно-дереализационные элементы в поведении. При психологическом исследовании с использованием теста ЛД получены следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Показатели по тесту ЛД у лиц с эмоционально неустойчивым и истерическим расстройством личности, совершивших агрессивные действия

Показатели ЛД	Гетероагрессоры
1	2
Количество названных пар	15–22
Самооценка – С	91–111
Экспертная оценка – ЭО	28–47
Д = С - ЭО	55–80
Адекватность самооценки (АСО)	0,48–0,58
Контрольная группа АСО	0,82–0,99

У юношей с непсихотическим посттравматическим синдромом, совершивших агрессивные действия, отмечались вспыльчивость, тревожность, дисфоричность, импульсивность, колебания настроения с аффективными разрядами, повышенная утомляемость. Изменения самосознания выражались в изменчивости и нестабильности чувства деятельности, в размытости осознания собственного единства, незрелости личностной идентичности, в проявлении осознания «Я» преобладает феномен защиты позитивного «Я», который представлен завышенной самооценкой с образованием фальшивого «Я», а также неспособностью увидеть в возникшей ситуации реальную проблему, что можно оценить как элементы деперсонализации. Данные по тесту ЛД у юношей с непсихотическим посттравматическим синдромом представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели по тесту ЛД у юношей с непсихотическим посттравматическим синдромом

Показатели ЛД	Гетероагрессоры
1	2
Количество названных пар	15–22
Самооценка – С	83–111
Экспертная оценка – ЭО	27–47
Д = С - ЭО	51–69
Адекватность самооценки (АСО)	0,48–0,64
Контрольная группа АСО	0,82–0,99

У юношей с психогенным смешанным расстройством эмоций и поведения, совершивших агрессивные действия, поведение характеризовалось конфликтностью, вспыльчивостью, демонстративностью, враждебностью с активным подавлением окружающих и навязыванием грубых форм взаимоотношений. Изменения самосознания представлены кратковременной генерализацией чувства деятельности, расплывчатостью осознания собственного единства, внутренней рассогласованностью собственной идентичности, осознанием «Я» с преобладанием феноменов мотивационной и ситуационной ригидности, а также устойчивой тенденцией к формированию завышенной самооценки и образованию фальшивого «Я», что нужно расценивать как элементы деперсонализации. В таблице 3 представлены результаты исследования по тесту ЛД у данной группы.

Таблица 3

Показатели по тесту ЛД у лиц с психогенным смешанным расстройством эмоций и поведения, совершивших агрессивные действия

Показатели ЛД	Гетероагрессоры
1	2
Количество названных пар	17–22
Самооценка – С	79–101
Экспертная оценка – ЭО	27–45
Д = С - ЭО	49–62
Адекватность самооценки (АСО)	0,59–0,64
Контрольная группа АСО	0,82–0,99

Анализ исследованных групп юношей, совершивших агрессивные действия, проведен по группам признаков, имевших место как до коллективного функционирования, так и в период этого функционирования. Установлено, что по всем социально-психологическим признакам и изменениям самосознания юноши, совершившие агрессивные действия, отличаются от юношей контрольной группы.

Типичное поведение у исследованной группы юношей, в целом, характеризуется полиморфизмом психических нарушений с доминированием на разных этапах психопатоподобных синдромов и психопатических состояний, с частыми состояниями дисфории, которые сочетались с морально-этической деградацией, нарушением самосознания, склонностью к быстрой генерализации аффекта и его направленностью на окружающих лиц [16. С. 39–45].

Заключение

В результате проведенного исследования установлен относительно низкий процент лиц с пограничными психическими расстройствами, совершивших агрессивные действия, способных понять и практически применить для оценки тех или иных свойств личности необходимые термины, особенно если эти личностные качества характеризуются абстрактными понятиями. Незнание разнообразных осо-

бенностей личности не позволяет определить их не только у себя, но и у других. Низкий уровень адекватности самооценки отражает транзиторное снижение психического функционирования, проявляющегося в инфантильных механизмах саморегуляции. Эти механизмы характеризуются импульсивными формами реагирования. Показатели адекватности самооценки у юношей со специфическими расстройствами личности, с непсихотическим посттравматическим синдромом, психогенным смешанным расстройством эмоций и поведения, совершивших агрессивные действия, в два раза ниже, чем в контрольной группе. У агрессоров исследуемой группы изменения в аффективном компоненте самосознания явились причиной напряжения когнитивного компонента. Чувство деятельности проявлялось в активации с вынашиванием планов мести, оценка ситуации была пристрастной и зависимой от эмоциональных переживаний. Осознание собственного единства расплывчато. А мотивы и целеполагание отражают рассогласованность идентичности личностного смысла «Я», в осознании образа «Я» имелись элементы деперсонализации. Полученные данные при изучении изменения самосознания у юношей, совершивших агрессивные действия, указывают на необходимость комплексного и одновременно максимально дифференцированного подхода к социально-психологическому и медикаментозному воздействию для коррекции их поведения.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. – СПб., 1997.

2. Антонян Ю. Н., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. – М. : Наука, 1987.

3. Бернс Р. Б. Развитие Я-концепции и воспитание : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1986.

4. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия : пер с англ. – СПб. : Питер, 1997.

5. Джемс У. Психология. – Петроград, 1922.

6. Дриль Д. Преступный человек // Юридический вестник. – 1882. – Т. 1.

7. Корнилов А. П. Стресс и проблемы адаптации у военнослужащих // Социальная и судебная психиатрия: история и современность. – М., 1996.

8. Крежчковский А. Ю. Самосознание подростков с адаптированным, девиантным и делинквентным поведением: (Медико-психол. и клинич. аспекты) : автореф. дис. … д-ра мед. наук. – СПб., 1997.

9. Овчинникова Г. Г. Становление Я-концепции у подростков с девиантным поведением в процессе социально-психологической адаптации // Вестник Гуманитарного ун-та. – Серия : Психология. –2001. – № 1(1).

10. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М. : Изд-во МГУ, 1989.

11. Столин В. В. Самосознание личности. – М., 1983.

12. Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. – СПб. : Товарищество Художеств. печати, 1902. – VII.

13. Фрейд З. О психоанализе : авториз. пер. с нем. – М. : Наука, 1911.

14. Юнг К. Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. – М. : Кентавр, 1995.

15. Яворский А. А. Социально-психологический аспект агрессивных действий и самосознание у военнослужащих // Вестник Гуманитарного ун-та. – Серия : Психология. – 2004. – № 1(3).

16. Яворский А. А. Суицид и агрессия в армии: социальные и клинико-психологические особенности агрессивного и суицидального поведения у военнослужащих. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007.

17. Ясперс К. Общая психопатология : пер. с нем. – М. : Практика, 1997.

18. Kelly J. A. A theory of personality: psychology of personal constructs. – NY. : Norton, 1963.

19. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. – P.U.P., 1965.

20. Samueles S. C. Enhancing self-concept in early childhood: theory and practice. – NY. : Haman Sci, Press, 1997.

«Молодые голоса»*

* В рубрике «Молодые голоса» редакция дает возможность опубликовать работы начинающим исследователям в различных отраслях науки.

УДК 159.96

Мостиков Сергей Владимирович
магистрант 2-го курса, факультет социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет; ГБУЗ СО ПБ № 6, психотерапевтическое отделение, психолог (г. Екатеринбург)
E-mail: smostikov@ya.ru

Mostikov Sergey Vladimirovich
Master Student, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities; Psychologist at Psychotherapy Division of the City Psychiatric Clinic #6 (Ekaterinburg)

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ КЛИЕНТОВ ПРИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ СТРЕССОВОМ РАССТРОЙСТВЕ

THE SPECIFIC PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR CLIENTS WITH POSTTRAUMATIC STRESS DISORDER

Аннотация
В статье приводятся критерии посттравматического стрессового расстройства, описывается патокинез и особенности протекания, уделяется внимание способам совладания и доминирующим психологическим защитам в случае психологической травмы. Рассматриваются способы психологической помощи и реабилитации жертв насилия, указаны основные методы работы психолога-консультанта. Проводится анализ наиболее распространенных ошибок в работе психолога с данной категорией клиентов.
Ключевые слова: посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР); стадии горя; реабилитация жертв насилия; психологическая травма.

Abstract
The article provides the criteria for post-traumatic stress disorder, describes its pathokinesis and peculiarities, draws attention on the ways of coping and dominant psychological defense in case of psychological trauma. Three methods of psychological assistance and rehabilitation of violence victims are discussed, as well as main techniques of psychologist-consultant work. The author analyses typical mistakes of the psychologist with this category of clients.
Key words: posttraumatic stress disorder; PTSD; stages of grief; rehabilitation of victims of violence; psychological trauma.

События в Волгограде и расстрел в московской школе, повлекшие человеческие жертвы среди ни чем не повинных людей, тематизируют одну из актуальных задач современной психологии: поиск адекватных способов психологической помощи, реабилитации и адаптации лиц, перенесших физическое и психологическое насилие. Подобные ситуации, сопровождающиеся витальной угрозой, разрушают привычную картину жизни человека и служат мощным стрессогенным фактором, «разделяя жизнь на два неравнозначных отрезка: до и после события» [1. С. 68], индуцируя утрату базового доверия к людям и миру, нарушение ощущения стабильности и преемственности «Я». Так, по мнению А. Л. Иванова, «более 58 % находящихся на реабилитации комбатантов нуждаются в целенаправленных психокоррекционных мероприятиях» [2. С. 48]. Интересно, что при этом «наиболее выраженные негативные психологические изменения отмечаются у военнослужащих, находившихся в условиях боевых действий более трех месяцев» [3. С. 54], диапазон симптоматики достаточно велик, в зависимости от степени стресса и преморбида: от невротических расстройств до психозов.

© Мостиков С. В., 2014

Жертвами психологического и физического насилия могут быть не только участники боевых действий, но и обычные люди. Согласно данным исследований ВОЗ, в разных странах «процент женщин в возрасте 15–49 лет, подвергшихся физическому и/или сексуальному насилию колеблется от 15 до 17 %» [4].

Травматические события бывают различными по продолжительности, силе воздействия, они могут носить разовый характер либо встречаться с определенной частотой, например у работников силовых структур, вынужденных в силу специфики своей работы постоянно сталкиваться с угрозой жизни. Интенсивный и/или продолжительный стресс может привести к развитию посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). В последнем случае психологическая защита, привычные копинг-стратегии и внутренний потенциал личности оказываются неспособными эффективно противостоять складывающимся обстоятельствам. Травмирующая ситуация не может быть переработана, проанализирована и прожита клиентом в полной мере, человек оказывается застрявшим на определенном событии, стадии проживания горя и т. д.

Описанию данного типа реакции личности на стресс посвящено значительное количество литературы, особенно в последние годы (Н. В. Тарабрина; М. М. Решетников; В. Н. Абрамова; Е. О. Александров; Е. Б. Шустов), но, к сожалению, большая часть из этих материалов носит теоретический характер и оставляет открытым вопрос адекватной психологической поддержки: что надо делать психологу при оказании помощи и сопровождении людей, ставших жертвами насилия, а чего следует избегать?

Впервые о ПТСР заговорили еще в начале XX в. при описании состояний солдат – участников военных конфликтов; в те годы использовался термин «военный невроз». В настоящее время клиническая картина ПТСР представлена в МКБ-10 (Международной классификации болезней) под кодом F43.1. Среди специифических признаков психологической травмы выделяют следующие [5]:

1) стойкие воспоминания или «оживление» стрессора в навязчивых реминисценциях (флеш-беки), повторяющихся снах либо повторное переживание горя при воздействии напоминающих обстоятельств (самолетов, школ, транспорта и т. д.), при одновременном стремлении к избеганию («как будто ничего не произошло» – одна из форм психологического совладания с травмой);

2) психогенную амнезию (особенно для ранних детских травм), ощущение отстраненности от мира, себя и окружающих, вплоть до деперсонализации и дереализации. Личность становится более фрагментированной. Если оперировать в терминах транзактного анализа, появляется травмированная часть (в основном детская) и часть, которая выжила и справилась;

3) повышенную сензитивность (не наблюдавшуюся до действия стрессора), нарушение режима сон/бодрствование. Раздражительность, вспышки бессильной ярости, слезливость, антивитальные тенденции с вкраплениями депрессивной триады (негативные оценки прошлого, будущего и настоящего), вплоть до суицидальных попыток.

Для постановки диагноза ПТСР продолжительность этих состояний должна быть не менее 6 месяцев: такой временной интервал установлен как нормативный. Принято считать, что самостоятельная переработка клиентом болезненного материала может занимать до полугода.

Клинический случай. Клиентка А. обратилась за психологической помощью по настоянию родственников. После внезапного нападения на улице, в результате которого она получила множественные повреждения лица с явным косметическим дефектом от незнакомого человека (мотив нападения остается неясным, так как денег и ценных вещей преступник не взял), стали беспокоить повторяющиеся страшные сновидения, ухудшились отношения с близкими, появился страх выхо-

дить одной из дома, дисфорическое настроение, депрессия. Немотивированная агрессия преступника, последствия которой были столь печальны для клиентки, подорвали фундаментальное доверие. В отчаянии и слезах, в течение первых консультаций она задавалась вопросом «за что?» и проявляла вербальную агрессию. Лишь физическое отреагирование аффекта в форме битья подушки и лепки фигуры агрессора с последующим ее уничтожением, при одновременном оживлении добрых, светлых, поддерживающих воспоминаний о прошлом, способствовало появлению наблюдающего Эго и первым шагам по совладанию с душевной болью.

Эксплицируем ряд факторов, мешающих психологической переработке стрессогенного материала и приводящих к манифестации ПТСР.

1. Потеря надежды. Человек перестает сопротивляться и сдается на волю обстоятельств. Теряется вера в возможность изменений.

2. Отсутствие вербализации травматического опыта. Мышление и внутренняя речь теснейшим образом связаны, об этом писал еще классик отечественной психологии Л. С. Выготский. Умалчивая о травме, человек замыкается в себе, перестает выражать свои чувства, начинает перманентно циркулировать в своих мыслях, не имея возможности или не зная, как это сделать. Вследствие использования таких защит, как игнорирование и изоляция аффекта, многие жертвы насилия предпочитают умалчивать и не вспоминать произошедшее.

3. Травматическая ситуация разрушает привычную картину мира, рушатся прежние идеалы и ценности.

Первая психологическая помощь в случае острой травмы состоит в возможности дать человеку говорить. Бессознательный материал, чувства, подавленные эмоции должны быть осознаны через проговаривание. Проговаривая, мы как бы канализируем внутреннее напряжение вовне, а это всегда снимает аффективный заряд. Кроме разговора, хорошо помогают рисование, приемы танцедвигательной и арт-терапии, ведение дневниковых записей и т. д. Это способствует самовыражению индивида. Постепенно, с течением времени, воспроизводя один и тот же травматический материал в разных вариациях, клиент становится более спокойным, рассказ приобретает стереотипный, сухой характер, снижается аффект – это позитивная динамика свидетельствует о внутренней интеграции переживаний в психическую реальность. Событие вплетается в ткань жизни клиента и перестает быть центральным моментом истории. В ходе рассказа особое внимание необходимо уделять чувствам и мыслям клиента – это имеет приоритетное значение.

В попытке совладания с травмой, человек может использовать разнообразные формы защитного поведения: аддикции (алкоголизация, наркомания, интернет-зависимость etc), гиперконтроль, запрет на сексуальное удовольствие (при сексуальном насилии), либо наоборот – промискуитет, фанатичную приверженность религиозному культу, психосоматические заболевания (язва, гипертония, нейродермиты, астма, панические атаки, вегетососудистая дистония и т. д.). Возможно развитие навязчивой склонности к путешествиям и переездам (дромомания), в бессознательной попытке сбежать от травмирующих воспоминаний. Часто это сопровождается поиском виновных, при одновременном обвинении себя за то, что выжил («вина выжившего»), и вытекающими отсюда бессознательными попытками самонаказания.

При детских психологических травмах, особенно в случае абъюза со стороны лиц, осуществляющих первичную заботу, жертва может оправдывать агрессора. Ребенок предпочитает взять на себя вину и ответственность, убедить себя в своей плохости, но не признавать факта, что это папа или мама ведут себя неправильно. В подобных случаях многие жертвы транслируют бессознательное чувство вины и своей греховности на всю дальнейшую жизнь. Это хорошо продемонстрировано на примере «стокгольмского синдрома», когда «жертвы террористов идентифицируются с агрессорами и находят внутри себя оправдательные мотивы для своих

мучителей» [6. С. 51]. Проявление таких взглядов и мыслей в процессе терапии у пострадавшего необходимо прорабатывать, обсуждать все возможные оттенки чувств, мыслей, фантазий, сновидений. Самокритикой, проявлением мазохистических черт, попаданием в повторяющиеся ситуации повышенной виктимности клиент бессознательно воспроизводит травмирующие ситуации в новом издании, с теми же чувствами, но на этот раз жертва и агрессор находятся в одной личности.

Клинический случай. Клиентка В. – успешная и состоятельная женщина, счастливая и довольная своими отношениями с мужем. Эпизодически вступает в случайные половые связи с малознакомыми мужчинами, после чего быстро их бросает. Самое ценное для нее в этих случаях – влюбить в себя, а затем кинуть, при этом наблюдать реакцию партнера. В ходе индивидуальной психотерапии мы зафиксировали противоречивые чувства: соблазнить мужчину, который ей безразличен, а еще лучше «влюбить», после чего без всяких объяснения бросить его. Подобным образом с ней поступил ее первый молодой человек: воспользовался ее наивностью и пропал сразу после первой близости. В своей взрослой жизни клиентка вымещала на других мужчинах подавленные в прошлом обиду и злость.

Агрессор должен быть, как минимум, наказан, в сознании пациента вытесненный агрессивный аффект должен быть перенаправлен от себя во внешний мир (но в социально приемлемой форме). Подобная работа подразумевает экспрессивную психотерапию. Отреагирование на физическом уровне катализирует внутриличностные процессы и способствует встраиванию изолированных аффектов в образ Я, а следовательно, содействует скорейшему восстановлению.

Чем меньше времени прошло с момента травмирующего эпизода, тем благоприятнее прогноз для психокоррекции. В ходе психологической беседы необходимо помнить, что более важной для нас, как специалистов, представляется сфера чувства и эмоции клиента, чем событийный ряд. Излишнее погружение в подробности, обсуждение всех деталей, особенно при терапии жертв сексуального насилия, может повлечь ретравматизацию и утяжеление состояния клиента. Наша цель при консультативной поддержке человека – проживание и интеграция всех чувств, встраивание пережитого опыта, как континуального «моего опыта», и устранение жизненного разрыва на «до» и «после» травмы. Исходя из этих задач, на наш взгляд, уместно выдерживать баланс: между разрешением клиенту регрессировать и погружаться в тяжелые чувства, с одной стороны, и одновременно сохранением наблюдающего Эго – с другой, при безусловном акцентировании ресурсов (примерами психотерапевтических интервенций могут быть фразы: «Как вы сумели реорганизовать свою личность, что бы пережить это?»; «Как справлялись другие люди оказавшиеся в подобной ситуации?»; «Похоже, вы очень сильный человек – ведь вы справились!»; «Кто Вас поддерживал?»; «Я благодарен вам, что вы нашли в себе силы рассказать» и т. п.). Чем больше мы приближаемся к травмирующим воспоминаниям, тем выше вероятность, что клиент захочет разорвать терапевтический альянс – эту тему необходимо проговаривать и обсуждать заранее и не идти в процесс глубже, чем готов погружаться в него клиент в настоящее время. Несколько сессий необходимо уделить установлению надежного контакта и укреплению силы Эго, стабилизации эмоционального фона, поиску защищающих и поддерживающих субличностей, обретению «места силы» (существует одноименная визуализация), работе с сопротивлением (многие пациенты умалчивают или отрицают факт травмы, в таких случаях можно попросить рассказать, чтó именно мешает клиенту начать говорить, или, для начала, предложить изобразить в рисунке свой страх).

Если клиент упоминает о старой травме, уместно спросить: «Почему эта ситуация стала актуально именно сейчас, ведь столько времени вы жили с этим?» Возможно, между текущим положением дел и прошлым есть некие корреляции, кото-

рые заставляют клиента испытывать в чем-то схожие чувства, именно это и привело к психологу. Часто ставится вопрос о влиянии предшествующих травматических событий на жизнь личности. Достаточно распространено положение о том, что «каждая предыдущая травма "готовит" организм к последующей, иными словами, «предыдущая травма сенсибилизирует организм и личность, повышает реактивность к последующим стрессорам» [7. С. 97].

Отдельного внимания заслуживают дефицитарные травмы, вызванные фрустрацией, отсутствием внимания и любви (отдали в детский дом, отстраненная мать, отсутствующий отец). В таких случаях травмирующего события нет, но может наблюдаться нарушение идентичности, размытость Я-концепции, сложности с самоидентификацией. В таких случаях необходима длительная терапия. К сожалению, в нашей стране практика психологического консультирования доступна еще не всем, а из тех, кто считает полезным для себя ходить к психологу, не все готовы к длительным психотерапевтическим контактам.

В психологии выделяют последовательность стадий реакции организма на массивный стресс (горе, мощное переживание, травму, насилие) [8. С. 67]:

1. Отрицание. Клиент не может поверить, что это действительно с ним случилось, игнорирует события.

2. Гнев. Проявляется в раздражении на мир, окружающих и себя, человек не понимает, почему это произошло именно с ним, «за что это?»

3. Торг. Эта стадия существует для событий, которые еще не случились, но неотвратимы (неизлечимая болезнь, онкология).

4. Депрессия. Ощущение беспомощности, по завершении которой человек осознает, что потеря действительно неизбежна. Слабость, апатия, безразличие.

5. Принятие. Переход от чувства потери к переосмыслению событий, человек принимает и смиряется, хорошо, если он может извлечь позитивный опыт.

Наша задача – определить, на какой из стадий находится клиент, что мешает проживанию горя, что его может поддержать, чего и в какой форме он ждет от нас.

Работа с лицами, перенесшими насилие, высвечивает в поле сознания, кроме психологических, ряд этических проблем. Например, как поступить, если обращается женщина, пережившая в детстве сексуальное насилие со стороны родственника? Юридически психолог обязан сообщить в полицию, фактически это влечет ретравматизацию пациентки, нарушение конфиденциальности терапии (при полном отсутствии доказательств факта насилия), более того, в случае истероидной акцентуации весь сюжет может носить вымышленный характер и представляет собой символическое разрешение Эдипального конфликта. В настоящее время этот вопрос требует дополнительного внимания.

Литература

1. Решетников М. М. Психическая травма. – СПб. : Алетейя, 2012.

2. Иванов А. Л. и др. Психологические последствия участия военнослужащих в боевых действиях в Чеченской Республике и их медико-психолого-социальная коррекция // Московский психотерапевтический журнал. – 2003. – № 4.

3. Чиж И. М. и др. Становление и перспективы развития медицинской реабилитации в Вооруженных Силах Российской Федерации // Военно-медицинский журнал. – 2000. – № 1.

4. ВОЗ. Насилие в отношении женщин. Ответ сектора здравоохранения. – URL: http://www.who.int/reproductivehealth/publications/violence/NMH_VIP_PVL_13_1/ru/index. html

5. ВОЗ. МКБ-10. Психические расстройства и расстройства поведения. – URL: http:// mkb-10.com/index.php?pid=4001

6. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. – М. : Педагогика-Пресс, 1993.

7. Тадевосян М. Я. Психическая травма, ее последствия и предрасполагающие факторы // Журнал неврологии и психиатрии. – 2011. – № 11.

8. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. – Киев ; София, 2001.

УДК 331.556:339.97

Бурашникова Анастасия Валерьевна
магистрант 2 курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: burashka09@mail.ru

Burashnikova Anastasia Valer'evna
Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

THE ASSESSMENT OF MIGRATION PROCESSES IMPACT ON ECONOMIC GROWTH

Аннотация
В статье рассматривается влияние миграционного процесса на экономический рост. Анализируются динамика изменения объемов международной миграции по годам, темп миграционного прироста, влияние трудовой миграции на экономическое состояние, а также отрицательные и положительные факторы миграционных притоков и оттоков.
Ключевые слова: миграционный процесс; экономика; внутренняя миграция; внешняя миграция; экономический рост; миграционный прирост; трудовая миграция.

Abstract
The article considers the influence of migration process on economic growth. The dynamics of change yearly migration turnover, the rate of migration growth, the influence of labor migration on economic state, as well as negative and positive factors of migration inflows and outflows are discussed.
Key words: migration process; economy; internal migration; external migration; economic growth; migration growth; labor migration.

На экономическое положение любой территории в мире оказывает влияние множество различных факторов: геополитическое положение региона, природно-ресурсный потенциал, уровень развития производительных сил, особенности демографического развития и многое другое.

Среди этих факторов особое значение имеет миграция населения, которая представляет собой сложный социально-экономический процесс, прямо или косвенно связанный практически со всеми аспектами формирования и развития жизни общества.

Миграция в значительной степени определяет темпы мирового экономического роста, а также способствует развитию мультикультуных отношений. В современном мире миграция играет важную роль в национальных, региональных и мировых отношениях.

Так, используя различные признаки, в соответствии с тем, совершается ли перемещение населения внутри страны или же между странами, выделяют внутреннюю и внешнюю миграцию.

Внутренняя миграция не влияет на общую численность населения страны, так как в ней участвуют граждане данного государства, не меняя своего гражданства, но при этом претерпевает изменения территориальное распределение населения. Под ее воздействием трансформируется демографическая структура общества: влияние на этнические процессы, социальные движения и другие аспекты жизнедеятельности населения.

Внешняя же миграция оказывает влияние и на численность, и на территориальное размещение населения, т. е. на демографическую ситуацию, социальную

© Бурашникова А. В., 2014

обстановку, на рынок труда и др. Такая миграция оказывает более сильное влияние, нежели внутренняя, так как иностранные граждане являются носителями другой культуры, они ориентированы на иные ценности. Динамика изменения объемов внешней миграции в мире представлена на рисунке 1.

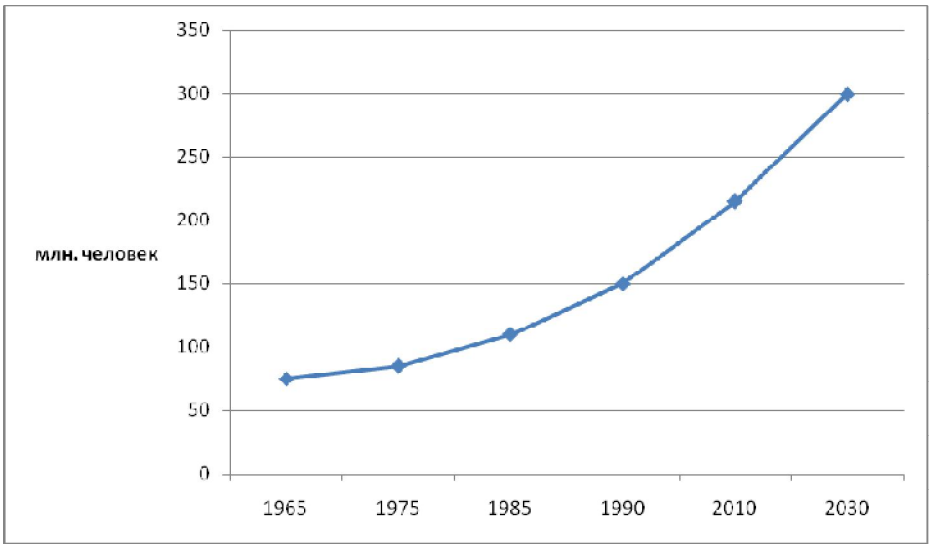


Рис. 1. Динамика изменения объемов международной миграции 1965–2030 гг.[1]

Еще в 1965 г. общая численность международных мигрантов в мире составляла 75 млн человек, в 1975-м она увеличилась до 85 млн, в 1985-м – до 110 млн, в 1990-м – до 150 млн, а в 2010 году, по данным МОМ, – до 215 млн человек, что составляет 3 % мирового населения [7]. Таким образом, в 1990–1995 годах среднегодовой темп прироста общей численности международных мигрантов в мире составлял 1,3 %, в 1995–2000 годах – 1,5 %, а в 2000–2005 и 2005–2010 годах – по 1,8 % в год. Если до начала 1990-х годов рост темпов миграций был ниже или на уровне общемирового прироста населения, то в 2009 году он превышал его уже на 0,6 %. По прогнозам МОМ, к 2030 г. показатель миграционной активности населения составит 300 млн человек [7].

Представленные масштабы мировых миграций, постоянно растущий темп прироста мигрантов влияют на страны неоднозначно. С одной стороны, становится все более ощутимой нехватка трудовых ресурсов в стране эмиграции, деформируется половозрастная структура населения убытием из его состава наиболее здоровых, молодых, профессионально подготовленных граждан в страны иммиграции, так эти процессы не только порождают дефицит трудовых ресурсов, но и вносят изменения в традиционные роли членов семей и в их отношения. С другой стороны, важнейшей особенностью современных миграций являются объемы доходов, посылаемых эмигрантами в свои страны, дают возможность развития национальных экономик этих стран, изменения социально-экономического положения семей эмигрантов. Так, в 2010 году основными получателями зарегистрированных денежных переводов были такие страны, как Индия, Китай, Мексика, Филиппины и Франция. По значению денежных переводов мигрантов к ВВП ведущие места в 2011 г. уже возглавили Таджикистан – 47 %, Либерия – 31 %, Киргизия – 29 %, Лесото – 27 %, Молдавия – 23 %, Непал – 22 %, Самоа и Гаити по 21 % ВВП [6]. В остальных странах доля денежных переводов мигрантов в страну составляет менее 18 % ВВП (рис. 2).

[1] Составлено автором по данным МОМ за 1965–2030 гг.

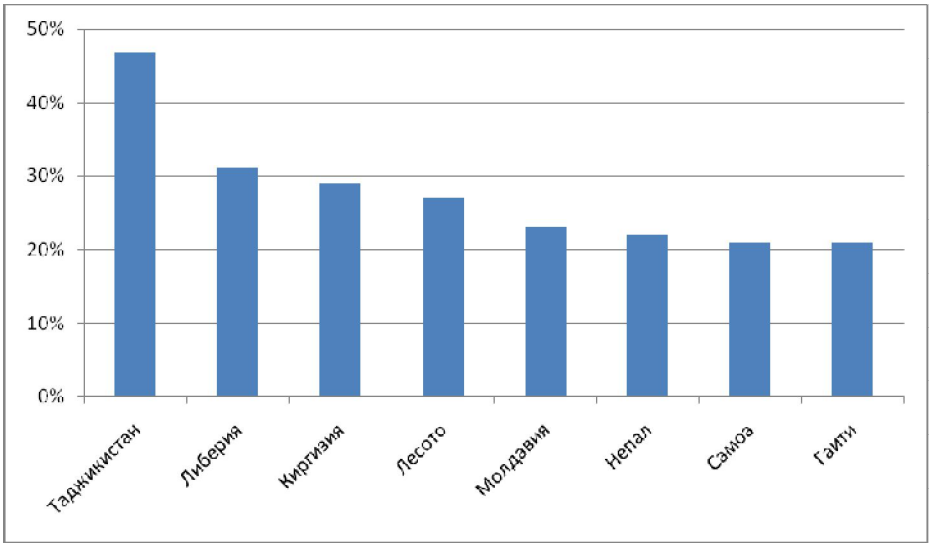


Рис. 2. Основные страны-получатели денежных переводов, % от ВВП 2011 г.[2]

Для таких стран экспорт рабочей силы является важным источником поступления валюты в страну, так как она поступает регулярно в виде переводов семьям и при возвращении работника с заработков. Также отъезд рабочей силы из страны-экспортера означает улучшение ситуации на внутреннем рынке труда, сокращение безработицы в стране. В то же время пересылаемые в страну эмиграции переводы семьям позволяют им повышать уровень потребления, увеличивают совокупный спрос, стимулируют развитие производства, следовательно, позволяют такой стране успешнее решать социально-экономические проблемы. При этом часть полученных денег через покупку акций, земли, недвижимости прямо вкладывается в развитие национальной экономики. Эмигрирующие работающие в процессе труда приобретают новые профессиональные навыки, опыт, знания, которые используются при возвращении на родину, повышая результативность труда.

Основным источником международных денежных переводов являются страны иммиграции с высоким уровнем доходов, такие как США, Саудовская Аравия, Швейцария и Россия. В целом страны, импортирующие рабочую силу, прежде всего решают задачу снижения затрат на производство. Рабочие-иммигранты получают значительно меньшую зарплату, нежели местные рабочие, что, собственно, позволяет снизить издержки производства и повысить конкурентоспособность национальных товаров на мировом рынке. Привлечение иностранных рабочих увеличивает совокупный спрос на товары и услуги, стимулирует развитие производства, создает дополнительные рабочие места и соответственно дополнительную занятость, при этом, если импортируется квалифицированная рабочая сила, в стране снижаются издержки на ее подготовку.

Негативные последствия данной миграции для страны-экспортера – это отток квалифицированной рабочей силы, увеличение затрат на ее производство, а при больших объемах эмиграции, может быть, и сокращение ВВП, так как эмигрируют в основном люди трудоспособного возраста, что ведет к старению трудящегося населения и не может не сказаться на производительности труда. Для страны-импортера прием эмигрантов ведет к уменьшению средней заработной платы в стране. Возможна также потеря наименее квалифицированными трудящимися работы, а значит, и части дохода, возникают проблемы жилья, транспорта. Практи-

[2] Составлено автором по кн.: Миграция и денежные переводы: цифры и факты – 2011 // под ред. Д. Рата, С. Мохапатра, А. Силвал. – 2-е изд. – Всемирный банк, 2011. – URL: http://mostinfo.su/ekonomika/665-statisticheskie-dannye-stran-mira-po-dannym-vsemirnogo-banka.html.

чески во всех таких странах существует недовольство коренного населения, которое в периоды экономических спадов проявляется очень бурно. Поэтому государству приходится тратить дополнительные средства на обеспечение мер безопасности.

Следовательно, исходя из вышеизложенного, можно предположить, что экономическая функция миграции населения, если рассмотреть ее в самом общем виде, сводится к взаимосвязи средств производственной рабочей силы и их носителями – трудоспособным населением. Поэтому серьезным фактором экономического развития территории является внешняя миграция, так как она влияет еще и на количественные и качественные характеристики населения, а значит, и на трудовые ресурсы (рис. 3).

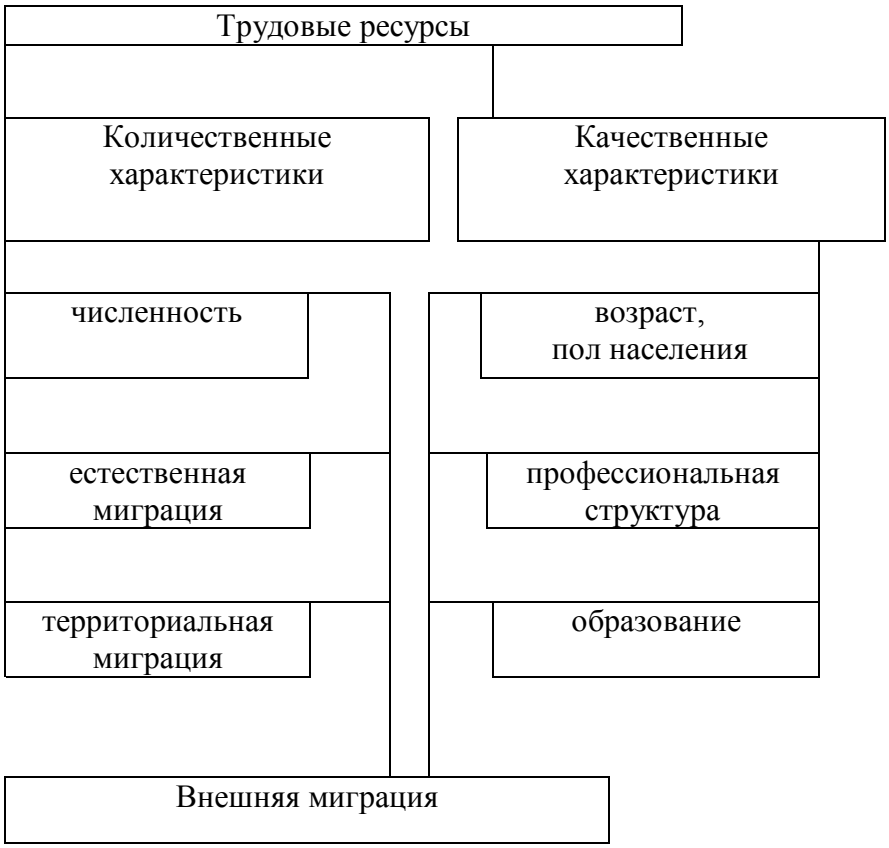


Рис. 3. Влияние внешней миграции на основные характеристики трудовых ресурсов[3]

Внешняя трудовая миграция способствует изменению возрастной структуры населения, так как среди мигрантов преобладает население трудоспособного возраста, воздействует на рынок труда, изменяет профессиональную структуру населения. Поскольку в миграцию вовлечены люди разнообразной квалификации, то изменяется и уровень образования трудовых ресурсов территории. Данная миграция также усиливает конкуренцию на рынке труда, что, в свою очередь, воздействует на подвижность местных трудовых ресурсов. Таким образом эта миграция способна изменить все основные характеристики трудовых ресурсов региона.

В связи с этим практически все страны мира принимают меры, ограничивающие международную миграцию. Принято считать, что миграция приводит к росту совокупного объема производства, при этом следует отметить, что распределение экономических выгод неравномерно, положительные экономические эффекты миграции могут перекрываться негативными, которые также имеют место. Одно

[3] Составлено автором по кн.: Демография : учеб. пособие. – 2-е изд. / кол. авт.; под ред. проф. В. Г. Глушковой. – М. : КНОРУС, 2006.

из них – финансовое бремя, которое иммигранты возлагают на бюджет более развитых стран. Особенно отчетливо это проявляется, когда развитые страны близко расположены или граничат с менее развитыми государствами. Таким примером являются США, Мексика и страны Карибского бассейна, или же Франция и страны Магриба. Такое близкое соседство приводит к наплыву не только легальных иммигрантов, которые требуют финансовых расходов либо для материальной поддержки, либо для депортации, но и нелегальных. По оценкам, в США постоянно находится около 4 млн, а в Западной Европе – около 3 млн нелегальных иммигрантов.

Проблемы международной миграции рабочей силы привели к созданию широкой системы государственного и межгосударственного регулирования, отвечающего за экономическую безопасность, поэтому начиная с конца XVIII века в Англии принимались законы, запрещавшие промышленным рабочим эмигрировать за границу. В течение XIX века многие европейские страны принимали законы, ограничивающие въезд нежелательных лиц. Тогда же страны стали заключать двусторонние конвенции, регулирующие миграцию, часть из которых действует по настоящее время.

Традиционно государственное регулирование осуществляется путем принятия финансируемых из бюджета программ, направленных на ограничение притока иностранной рабочей силы (иммигрантов) либо на стимулирование мигрантов к возвращению на родину (реэмиграция).

Подводя итоги, можно отметить следующее:

1. Рассмотренная динамика международной миграции дает основание утверждать, что данный процесс находится в стадии бурного роста и эта тенденция сохранится.

2. Рост темпа прироста миграционного населения в основном ведет к росту уровня экономического развития, внося свой вклад в производство ВВП.

3. Привлечение на работу высококвалифицированных иностранных специалистов позволяет экономить на затратах на их обучение и получать эффект благодаря улучшению качественной структуры занятых, но при этом же, если страна является донором таких специалистов, отток высококвалифицированной рабочей силы, напротив, может иметь негативные экономические последствия, которые связаны с потерей человеческого капитала, утраченными возможностями научно-технических достижений, упущенной экономической выгодой и др.

4. Миграция способствует конкуренции на рынках труда, повышению уровня требований к работнику и росту его образовательной и профессиональной подготовки, снижению уровня издержек производства и повышению конкурентоспособности национальной экономики благодаря привлечению более дешевой рабочей силы.

5. Внешняя миграция рассматривается как фактор восполнения недостающих трудовых ресурсов, который способствует экономическому развитию принимающей территории.

6. С международной миграцией населения связывают увеличение безработицы, падение заработков коренного населения, повышение социальных расходов и др.

Литература

1. Кузнецов Н. Г. Иностранная трудовая миграция: противоречия и перспективы [Электронный ресурс] : материалы круглого стола в ИМЭПИ РАН. – М., 2005. – URL: http://do.gendocs.ru/docs/index-161084.html

2. Демография : учеб. пособие. – 2-е изд. – М. : КНОРУС, 2006.

3. Зубаревич Н. Социально-экономическое развитие регионов России к 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://russia-2020.org/ru

4. По данным ВБ, Россия заняла 3-е место по объему отправленных из страны денежных переводов // Novostimira.com.ua : [сайт] – URL: http://www.novostimira.com.ua/news_22547.html

5. Contact : платежная система : [сайт]. – URL: http://www.contact-sys.com/press/page4/ 285/

6. Миграция и денежные переводы: цифры и факты – 2011 // под ред. Д. Рата, С. Мохапатра, А. Силвал. – 2-е изд. – Всемирный банк, 2011. – URL: http://mostinfo.su/ekonomika/665-statisticheskie-dannye-stran-mira-po-dannym-vsemirnogo-banka.html

7. Международная организация по миграции. – URL: http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-po-migratsii-mom

УДК 331

Масленникова Лариса Анатольевна
магистрант 1-го курса, направление «Экономика», факультет бизнеса и управления, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: maslennicovala@mail.ru

Maslennikova Larisa Anatol'evna
Master Student, Business and Management Department, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

THE PROBLEMS OF THE RUSSIAN PENSION SYSTEM REFORM

Аннотация
Статья рассматривает роль, проблемы и тенденции реформирования российской пенсионной системы. Проанализировано влияние действующей пенсионной системы на экономическое благосостояние страны в условиях перехода России к пенсионной реформе. Представлены изменения в программе обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения, порядок формирования будущей пенсии. Выявлены проблемы, затрудняющие реформирование пенсионной системы и препятствующие ее эффективному внедрению.
Ключевые слова: российская пенсионная система; пенсионная реформа; обязательное пенсионное страхование; будущая пенсия.

Abstract
This paper examines the role, problems and trends of the Russian pension system reform. The impact of the current pension system on economic wealth of the country is overviewed taking into account the transition period. Changes of obligatory pension insurance are presented in relation to the insurant's rights to choose the variant of insurance and the way of his future pension formation. The problems impeding the reform of the pension system and preventing its effective implementation are identified.
Key words: Russian pension system; pension reform; mandatory pension insurance; the future of pensions.

В настоящее время в России наблюдается сокращение численности населения трудоспособного возраста и увеличение численности людей пенсионного возраста. Причиной сложившейся ситуации являются:

- снижение рождаемости вследствие изменения структуры занятости и демографической мотивации;
- слом прежней социальной модели общества (отказ от социализма – общества всеобщей социальной защищенности), снижение уровня жизни, возможности содержать семью и детей;
- резкое снижение качества жизни и здоровья населения в связи с наркоманией и алкоголизмом, повышением смертности – вследствие слабой поддержки общественного здравоохранения;
- резкая деформация социальной структуры общества, деградация его институтов и как следствие – деградация общественной морали и кризис института семьи.

Данная ситуация ведет к сокращению численности трудовых ресурсов и увеличению пенсионной нагрузки на население трудоспособного возраста, что потенциально может отрицательно сказаться на состоянии экономики, поскольку при прочих равных условиях приводит к сокращению выпуска продукции и снижению экономической активности.

© Масленникова Л. А., 2014

Пожилое население создает дополнительную нагрузку на бюджетные ресурсы страны, так как люди пенсионного возраста испытывают большую потребность в медицинских услугах и длительном уходе, а изменение возрастной структуры населения оказывает существенное влияние на доходы и расходы пенсионной системы.

Давление на экономическое благосостояние, связанное со старением и сокращением численности населения, проявляется прежде всего в пенсионной системе.

Как и многие другие страны мира, Россия приступила к радикальной реформе пенсионной системы.

Пенсионная система осуществляет распределительную функцию, где экономически активное поколение плательщиков пенсионных взносов на текущий период напрямую оплачивает расходы на нынешнее поколение пенсионеров. При такой системе выявляется проблема снижения числа плательщиков и рост расходов на выплаты получателям.

Современная пенсионная реформа дополняет распределительную функцию накопительной системой.

Управление средствами пенсионного фонда, а именно накопительной частью трудовой пенсии, ранее осуществлялось через государственную управляющую компанию Внешэкономбанк [1].

Пенсионная реформа оказывает существенное влияние на два важных компонента экономической системы: бюджетную ситуацию и финансовые рынки, так как именно там размещаются пенсионные накопления.

Внедряя условно-накопительную схему с установленным размером взносов, Россия не включила в нее многие элементы, которые могут стать дополнительными стимулами к отчислению взносов в течение более продолжительного периода времени в целях сокращения ложных (квазибюджетных) издержек пенсионной системы.

В отличие от стандартных условно-накопительных схем с установленным размером взносов, размер пенсий отражает не фактическую ожидаемую продолжительность жизни, а предполагаемый 19-летний период [1]. Показатели доходности крайне низкие, и по-прежнему важным источником финансирования взносов являются страховые взносы работодателей.

Таким образом, по мнению некоторых экономистов, между размером взносов и размером пенсий нет достаточно прочной связи, которая укрепляет стимулы к отчислению взносов и тем самым обеспечивает платежеспособность системы. Для укрепления этой связи потребуется достаточно высокая доходность условно-накопительного компонента, однако для обеспечения платежеспособности системы необходимо также включить в пенсионную формулу фактическую ожидаемую продолжительность жизни и рассмотреть возможность повышения пенсионного возраста. Это позволит сохранить заложенную в законе реальную стоимость базовых пенсий и условно-накопительных пенсий с установленным размером взносов, что необходимо для предотвращения крайней бедности среди пенсионеров.

Также, по мнению экономистов, пенсионные средства на начальном этапе будут находиться под управлением государства, поскольку функции регистрации и учета пенсий должны остаться в Пенсионном фонде. Для этого Пенсионный фонд РФ, который является главным исполнителем пенсионной реформы, должен обеспечить сохранность пенсионных активов, прозрачное управление всеми лицевыми счетами и выбор самых лучших управляющих активами. Сложность задачи налицо даже в присутствии безупречных структур государственного управления, а при слабом исполнительском и административном потенциале это вызовет недоверие со стороны плательщиков взносов, которые не имеют права самостоятельно размещать свои отчисления.

Международная практика свидетельствует о том, что рассмотренная система обусловливает более низкую доходность пенсионных активов, чем система, предоставляющая работникам возможность выбора управляющих и способствующая усилению рыночной конкуренции за управление пенсионными активами.

Государственные фонды, как правило, начинают свою деятельность с активного вложения средств в государственные облигации, что способствует усилению зависимости государства от пенсионных фондов и сохранению низкого уровня доходности, подрывая тем самым заложенные в реформе цели развития фондового рынка и диверсификации рисков.

Платежеспособность пенсионной системы подразумевает снижение коэффициента замещения – отношения средней пенсии к средней заработной плате.

Согласно Женевской конвенции «О минимальных нормах социального обеспечения», принятой в г. Женеве 28 июня 1952 г., установлена норма выплат пенсий по старости, инвалидности и потере кормильца относительно уровня заработной платы, т. е. коэффициент замещения. Согласно Конвенции, он рассчитывается как соотношение пенсии и прежних доходов получателя.

Коэффициент замещения зависит, в первую очередь, от стажа и заработка, от базы начисления страховых взносов, возраста выхода на пенсию, пенсионной формулы, тарифа, учитываемого в пенсионных правах (если он учтен пенсионной формулой).

В Конвенции утверждено, что коэффициент замещения, как эквивалент замещения пенсионных прав, должен составлять не менее 40 % от уровня материального обеспечения гражданина в трудоспособный период.

Размер средней заработной платы в Свердловской области в январе – октябре 2013 году составил 27 208,70 руб. [3], в то время как средний размер пенсий по старости в 2012 году составляет около 10 950 руб. [1]. Соответственно, коэффициент замещения средней заработной платы в Свердловской области в 2013 году равен 40,2.

Успешность финансовых и фондовых рынков заключается в «поглощении» денежных потоков и обеспечении индивидуальным инвесторам разумного уровня доходности, с гарантией сохранности пенсионных активов. Для достижения поставленных целей необходима не только макроэкономическая стабильность, но и реформа фондового и финансового рынков. Кроме того, требуются участие базовой группы платежеспособных банков и лицензированных организаций-хранителей, надлежащая стратегия управления государственным долгом (поскольку вначале пенсионные средства будут активно вкладываться в государственные облигации) и формирование основополагающих элементов финансовой инфраструктуры и корпоративного управления.

Главной целью является упрощение действующей системы применением простой формулы определения размера пенсий и прозрачных условий их выплаты.

С 1 января 2013 года изменился порядок начисления страховых взносов на обязательное пенсионное страхование за иностранных граждан.

Пенсионные права временно пребывающих в Российской Федерации иностранцев и лиц без гражданства будут учитываться полнее. Еще в 2012 году иностранные граждане, работающие в нашей стране, благодаря изменениям в законодательстве стали участниками российской пенсионной системы. Работодателям было предписано оформлять свидетельство обязательного пенсионного страхования на иностранного гражданина и перечислять за него страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации (ПФР).

Данные нововведения касались тех иностранных граждан, с которыми заключен трудовой договор на неопределенный срок либо срочный трудовой договор на срок не менее 6 месяцев. Некоторые страхователи, избегая уплаты взносов,

оформляли договор на меньший срок, но в течение года несколько раз его перезаключали. Таким образом права иностранных сотрудников нарушались.

В 2013 году страхователи должны начислять страховые взносы на выплаты указанным выше категориям граждан (за исключением высококвалифицированных специалистов), заключивших трудовой договор на неопределенный срок либо срочный трудовой договор (договоры) общей продолжительностью не менее шести месяцев в течение календарного года. Например, при заключении с иностранным гражданином в течение года трех трудовых договоров сроком на 2 месяца каждый, работодатель будет обязан уплатить в ПФР страховые взносы за данного работника.

Независимо от года рождения работающего иностранца, временно пребывающего в РФ, взносы за него начисляются по тарифу 22 %, установленному для граждан Российской Федерации на финансирование страховой части трудовой пенсии.

Федеральным законом от 04.12.2013 г. № 351-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения» внесены изменения, в том числе и в Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» в части установления тарифов страховых взносов на обязательное пенсионное страхование (в том числе на финансирование страховой и накопительной частей трудовой пенсии).

Согласно закону № 167-ФЗ, работающим застрахованным лицам 1967 года рождения и моложе предоставляется право выбора варианта пенсионного обеспечения, т. е. право принять решение, какой тариф страховых взносов будет перечисляться за них на финансирование накопительной части трудовой пенсии.

Пенсионные накопления – это единственная составляющая будущей пенсии, на которую можно влиять и которую можно наследовать.

Каждый работодатель в обязательном порядке перечисляет в ПФР пенсионные взносы за своих работников в размере 22 % от Фонда оплаты труда (ФОТ). Из них 6 % составляют взносы на накопительную часть пенсии, которые, накапливаясь на индивидуальных счетах граждан, инвестируются на финансовых рынках для получения дохода. 16 % – это взнос на страховую часть, которая полностью расходуется на выплаты текущим пенсионерам.

С 1 января 2014 года изменился порядок формирования накопительной части трудовой пенсии, а именно у граждан, не подавших заявление в ПФР до 31 декабря 2013 года о переводе своей накопительной части в Негосударственный пенсионный фонд (НПФ), данная часть будет формировать только страховую пенсию.

Сумма страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии по каждому застрахованному лицу определяется на основании сведений о сумме выплат и иных вознаграждений в пользу физического лица, на которые начислены страховые взносы в соответствии с законодательством Российской Федерации, в рамках установленной предельной величины базы для начисления страховых взносов и на основании сведений о выборе застрахованным лицом варианта пенсионного обеспечения (0,0 или 6,0 процента на финансирование накопительной части трудовой пенсии).

Согласно Федеральному закону от 04.12.2013 г. № 351-ФЗ, для лиц 1967 года рождения и моложе, в отношении которых осуществляется формирование накопительной части трудовой пенсии в Пенсионном фонде Российской Федерации, данная сумма учитывается по тарифу 0,0 процентного пункта тарифа страхового взноса, за исключением лиц, заключивших договор с НПФ.

Письменное заявление о выборе страховщика по обязательному пенсионному страхованию, как и раньше, можно подать как в территориальный орган ПФР, так и через любого трансферагента ПФР, т. е. организацию, с которой у ПФР заключены соглашения о взаимном удостоверении подписей. Заявление также можно подать по почте или с курьером; при этом установление личности и проверку подлинности подписи гражданина осуществляет нотариус. На момент подачи заявления гражданину должно исполниться 14 лет [1].

Такой путь позволяет увеличить выплаты пропорционально полученным доходам от инвестирования, а также обеспечить соответствие между совокупным заработком, полученным гражданином за все годы трудовой деятельности, и размером пенсионных выплат.

Какой вариант выгоднее – решает сам гражданин. Увеличивая процент тарифа на формирование накопительной пенсии, гражданин уменьшает пенсионные права на формирование страховой части, и наоборот. Принимая решение о выборе, в первую очередь важно помнить, что страховая пенсия гарантированно увеличивается за счет ежегодной индексации по уровню не ниже инфляции. В то время как накопительная пенсия – это пенсионные накопления, которые передаются из ПФР в управление негосударственному пенсионному фонду или управляющей компании и инвестируются ими на финансовом рынке. Накопительная часть не индексируется государством. Доходность пенсионных накоплений зависит исключительно от результатов их инвестирования, т. е. возможны и убытки. В случае убытков гарантируется лишь выплата суммы уплаченных страховых взносов на накопительную часть пенсии.

В связи с последними изменениями, а именно с изданием Федерального закона от 03.12.2012 г. № 243-ФЗ, с 2014 года (в ред. Федеральных законов от 04.12.2013 г. № 351-ФЗ, от 28.12.2013 г. № 421-ФЗ), меняется порядок формирования будущей пенсии.

Пенсионная формула обозначается не в абсолютных цифрах, а в пенсионных коэффициентах (баллах), насчитываемых в зависимости от уровня заработной платы, стажа и возраста выхода на пенсию. Минимальный стаж для получения трудовой пенсии по старости к 2025 году достигнет 15 лет, сейчас он составляет пять лет. Для начисления пенсии необходимо набрать 30 баллов. Новый порядок назначения предполагается ввести с 1 января 2015 года [1].

Основными условиями получения страховой пенсии станут: достижение возраста 60 лет – для мужчин, для женщин – 55 лет; наличие страхового стажа не менее 15 лет; наличие величины индивидуального пенсионного коэффициента не менее 30. Также страховая пенсия будет полагаться по инвалидности, по случаю потери кормильца. Будет производиться перерасчет пенсии для работающих пенсионеров.

Кроме того, к нестраховым периодам добавлен период ухода за четвертым ребенком для матерей. Это положение коснется тех женщин, которые выйдут на пенсию после 1 января 2015 года. В случае совпадения страховых и нестраховых периодов гражданин вправе выбрать наиболее выгодный для него период расчета.

Пенсионная реформа меняет порядок начисления пенсий для всех граждан по формуле, зависящей от стажа и размера зарплаты, вводит обязательную накопительную систему, которой будут заниматься только НПФ, выбранные самостоятельно гражданами.

Таким образом, размер пенсий граждан Российской Федерации будет напрямую зависеть от размера задекларированной заработной платы, пенсионных накоплений, а также доходности НПФ. Каждый трудоспособный гражданин становится активным участником формирования своей будущей пенсии.

По мнению автора, сложностью реформирования пенсионной системы является низкая заинтересованность работодателей в отражении полной стоимости заработной платы с учетом больших отчислений сверх фонда оплаты труда. Также имеет место недоверие граждан системе в целом, так как нет гарантии, что при нынешних условиях жизни, вероятно, можно не дожить до пенсионного возраста, и, как следствие, низкая заинтересованность в поиске официального заработка. Самым же важным является то, что страховые выплаты, в частности добровольные отчисления, не будут являться ожидаемым положительным доходом в будущем. Так, процент, предлагаемый НПФ, на фоне ежегодной инфляции стремится к нулю, и, как итог, средства, аккумулированные на счетах, теряют свою стоимость.

Источники и литература

1. Сайт Пенсионного Фонда Российской Федерации. – URL: http://www.pfrf.ru (от 12.01.2014).

2. Бурков В. Н., Новиков Д. А., Щепкин А. В. Механизмы страхования в социально-экономических системах. – М. : Физматлит, 2008.

3. Сайт Министерства экономики Свердловской области. – URL: http://econom.midural.ru/content/informaciya-o-velichine-srednemesyachnoy-zarabotnoy-platy-v-sverdlovskoy-oblasti-v-yanvare-0 (от 24.12.2013).

Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели

УДК 336.7

Мецгер Александр Альбертович
канд. техн. наук, генеральный директор
ЗАО «Управляющая компания»
(г. Екатеринбург)
E-mail: metzger@azkapital.utk.ru

Metzger Alexander Al'bertovich
Candidate of Engineering, Director General,
ZAO «Upravlyauschaya companya»
(Ekaterinburg)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

REGIONAL ASPECTS OF THE INVESTMENT FUNDS INDUSTRY DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Аннотация
Рассматриваются вопросы обеспечения эффективной системы вовлечения финансовых ресурсов в экономику региона. Показано значение инвестиционных фондов как особого формата трансформации сбережений в инвестиции. Автор приводит классификацию инвестиционных фондов с точки зрения механизма формирования трансакционных издержек. Особое значение придается региональным особенностям данного механизма в современных российских условиях. Сформулированы условия успешного функционирования региональных и федеральных управляющих компаний при управлении инвестиционными фондами.
Ключевые слова: трансакционные издержки; инвестиционный фонд; диверсификация; концентрация; эффективный рынок; локальный рынок; рыночная модель инвестиционного фонда; сетевая модель инвестиционного фонда; предпринимательская модель инвестиционного фонда; квалифицированные инвесторы.

Abstract
The publication discusses the issues of providing an effective system of involving financial resources in the economy of the region. The value of investment funds as a special format of transformation of savings into investments is shown. The author gives a classification of investment funds in terms of the mechanism of formation of transaction costs. Particular importance is attached to the regional features of this mechanism in modern Russian circumstances. The conditions of successful operation of the regional and federal management companies in the governance of the investment funds are formulated.
Key words: transaction costs; investment fund; diversification; concentration; efficient market; local market; market model of the investment fund; network model of the investment fund; entrepreneurial model of the investment fund; qualified investors.

Система перераспределения финансовых ресурсов в современной России, мягко говоря, далека от совершенства. К числу диспропорций можно уверенно отнести искажения в сфере межбюджетных отношений, доминирование государственных механизмов трансформации сбережений в инвестиции, преобладание банковской модели в ущерб рыночной (инвестиционной), избыточная концентрация механизмов перераспределения в столице страны и т. д. и т. п. Наличие диспропорций, в свою очередь, ведет к избыточным трансакционным издержкам перераспределения ресурсов, которые, как известно, простительны в «тучные годы», но недопустимы в условиях надвигающегося ресурсного голода.

В данной статье отнюдь не ставится глобальная задача поиска одного рецепта разрешения всех сложившихся противоречий – ведь, как известно, простое решение сложной проблемы всегда иллюзорно. Вместе с тем в ней предпринимается попытка анализа условий и механизмов снижения трансакционных издержек пере-

© Мецгер А. А., 2014

распределения финансовых ресурсов в масштабе региона. Сразу оговоримся, что из рассмотрения предлагается исключить механизмы бюджетного и межбюджетного перераспределения ресурсов, т. е. сосредоточиться исключительно на частных механизмах перераспределения финансовых потоков.

В таком случае предмет исследований сужается до совокупности механизмов трансформации сбережений 1) в инвестиции или 2) в кредитные формы финансирования предпринимательской деятельности.

По сути дела мы получаем классическую задачу устойчивого развития финансовой модели, основанную на двух взаимодополняющих механизмах:

- трансформации ссудного капитала через коммерческие банки;
- трансформации сбережений в инвестиции на основе различных форм коллективного инвестирования (инвестиционные фонды, товарищества, партнерства и т. д.).

Несмотря на абсолютное доминирование в современных российских условиях первого механизма, заметна и роль инвестиционного механизма как на макроуровне, так и в масштабах конкретного региона. Именно этот механизм системно дополняет банковскую модель, обеспечивая решение двух взаимосвязанных задач:

- предоставление неинституциональным инвесторам инструментов повышенной доходности с приемлемым уровнем риска;
- формирование для субъектов предпринимательской деятельности инвестиционных ресурсов, для реализации проектов, которые по своим характеристикам (срок реализации, уровень неопределенности и т. д.) не допускают привлечения заемного (кредитного) финансирования.

В отличие от банковского механизма трансформации финансовых ресурсов, институт инвестиционных фондов обладает несравнимо большей степенью разнообразия. Если на своем низкорисковом фланге (примером могут служить фонды денежного рынка) данный институт почти смыкается с коммерческими банками, то граница высокорисковых инвестиций, осуществляемых фондами, практически отсутствует (венчурные, хеджевые фонды и т. д.).

Вместе с тем декларация, даже вполне обоснованная, о значимости механизма коллективного инвестирования не отвечает на вопрос о том, в каких формах данная индустрия может и должна развиваться на уровне региона. Именно этот вопрос можно вынести в целевую задачу данной статьи.

Несмотря на огромное разнообразие форм коллективного инвестирования, они вполне укладываются в классические формы организации бизнеса – рынок, сеть и иерахию. В свою очередь, в соответствии с теорией трансакционных издержек, указанные формы становятся конкурентными (менее затратными) в зависимости от характера вовлекаемых факторов производства – их специфичности, уникальности или неопределенности. Так, например, модель «рынок» демонстрирует уверенное лидерство по издержкам в условиях низкой специфичности факторов производства. В то же время, по мере нарастания специфичности факторов, лидерство по издержкам переходит к сетевой организации бизнеса, поскольку рыночная модель начинает демонстрировать чрезмерный рост издержек. Наконец, при определенном уровне специфичности факторов как рыночная, так и сетевая форма начинают проигрывать с точки зрения трансакционных издержек наиболее жесткой форме организации бизнеса – иерархии.

Рассматривая теперь многообразие форм коллективного инвестирования (инвестиционных фондов), можно вполне уверенно выделить аналогичные модели, функции затрат по которым обладают теми же свойствами, что и классические модели в соответствии с теорией трансакционных издержек. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению собственно базовых моделей, сделаем ряд небольших, но

принципиальных уточнений. Инвестиционный фонд представляет собой одну из форм финансового посредничества, а соответственно функционирует на границе двух рынков – финансовых ресурсов и объектов инвестирования. Однако, несмотря на некую формальную разобщенность данных процессов, т. е. привлечения средств инвесторов и их последующее размещение через формирование инвестиционного портфеля, закон композиции, лежащий в основе любого типа фонда, не допускает произвольного совмещения подходов к работе на указанных рынках. Поясним это на примере двух противоположных, а точнее, антагонистических подходов к формированию как пассивов, так и активов фондов, – концентрации и диверсификации.

Понятие **диверсификация** в контексте управления инвестиционным портфелем является хорошо отработанной научной и практической категорией. Но аналогично аналогичным образом можно представить и диверсификацию пассивов инвестиционного фонда – формирование широкой ресурсной базы, с сознательным отказом от доминирования того или иного источника или владельца финансовых ресурсов.

Концентрация как категория, альтернативная диверсификации, также может и должна рассматриваться в контексте привлечения финансовых ресурсов и формирования на их основе инвестиционного портфеля. В первом случае концентрация проявляется через доминирование в составе участников определенной, специфической категории инвесторов, а в предельном случае даже одного-единственного инвестора. В плане управления портфелем концентрация представляет собой сознательный выбор конкретного, уникального множества инвестиционных активов, в пределе – даже одного актива или инвестиционного проекта.

Сформулированные уточнения позволяют перейти к обещанному рассмотрению типовых, или базовых, моделей инвестиционных фондов (рис. 1).

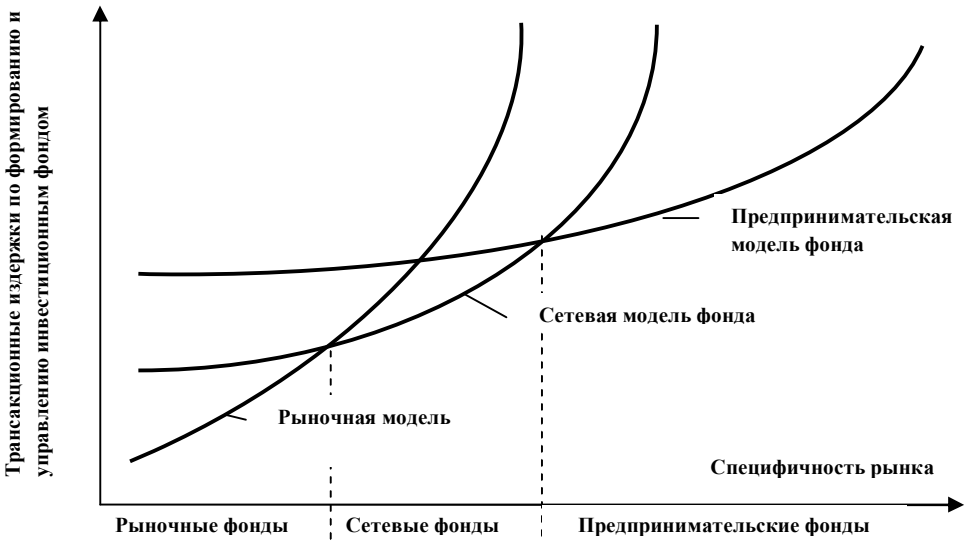


Рис. 1. Издержки на формирование и управление инвестиционным фондом в зависимости от реализуемой модели и специфичности рынка

Рыночная модель инвестиционного фонда (модель «Рынок»). В данном случае мы имеем дело с инвестиционным фондом, который обеспечивает привлечение инвестиционных ресурсов и их последующее распределение на основе самой широкой диверсификации. Подобный подход позволяет снизить удельные трансакционные издержки как на привлечение ресурсов, так и на их последующее раз-

мещение. Прекрасной иллюстрацией такого фонда являются индексные, а в еще большей степени т. н. биржевые фонды (*ETF*)[1]. Инвестиционная идея данных фондов, заключается во включении в состав портфеля приобретенного широкого спектра активов и отказ от какого-либо активного управления портфелем, обеспечивает привлекательность данного продукта для рядовых, неискушенных инвесторов. Рыночный фонд для каждого из них предоставляет желаемые качества – широкий инвестиционный охват при низких трансакционных издержках. В результате модель рыночного фонда демонстрирует безусловное лидерство по трансакционным издержкам на высокоэффективных рынках и для инвесторов, не обладающих ни соответствующей квалификацией, ни особыми специфическими качествами (например, объемом располагаемых инвестиционных ресурсов).

Сетевая модель инвестиционного фонда (модель «Сеть») представляет собой частичный отказ от широкой диверсификации как по составу инвесторов, так и по составу активов. Формирование инвестиционного портфеля, как правило, осуществляется профессиональной (а значит, затратной) командой управляющих, которые пытаются сформировать положительную доходность относительно выбранного бенчмарка. Источником данной положительной доходности являются локальные, временны́е рыночные отклонения, проявляющиеся в недооцененности или переоцененности определенных активов. Сбор и обработка рыночной информации, выявление достаточно устойчивых отклонений – все это априори делают такую модель более затратной в сравнении с рассмотренной рыночной моделью. Сюда же стоит добавить и более высокие издержки на формирование ресурсной базы подобного фонда. Дело в том, что закладываемые в стратегию фонда инвестиционные идеи и технологии уже или еще недоступны для понимания рядовых, неискушенных инвесторов. Более того, характер инвестиционных идей может требовать от инвесторов отказа от повышенной ликвидности (например, интервальный тип инвестиционного фонда), готовности к большей неопределенности финансовых показателей.

Тем не менее при определенных условиях сетевой фонд начинает демонстрировать лучшие по сравнению с рыночным фондом показатели трансакционных издержек. Скажем, на рынках с относительно низким уровнем эффективности, например на внебиржевых рынках, формирование инвестиционного портфеля на основе широкой диверсификации ведет к стремительному росту прямых трансакционных издержек. Сетевой фонд, а точнее, его управляющие и не стремятся к полноценному охвату рынка – желаемый инвестиционный результат обеспечивается за счет уже упоминавшихся выше инвестиционных идей и технологий формирования портфеля (например, хеджевые фонды). То же самое относится и к рынку инвестиционных ресурсов. Предельные издержки на продвижение простого по своим характеристикам рыночного фонда в среде искушенных инвесторов также демонстрируют свой рост, поскольку подобная категория относительно специфических инвесторов запросто способна генерировать данный продукт самостоятельно.

Предпринимательская модель инвестиционного фонда (модель «Иерархия») олицетворяет собой второй предельный вариант реализации инвестиционного фонда. Как уже можно догадаться, в данном случае максимально используются эффекты концентрации для привлечения инвестиционных ресурсов и их последующего размещения на рынке инвестиционных объектов (проектов). По сути дела, подобный фонд обеспечивает жесткую («иерархическую») связь владельцев

[1] Торгуемый на бирже фонд (англ. *Exchange Traded Fund, ETF*), Биржевой инвестиционный фонд – индексный фонд, паи (акции) которого обращаются на бирже. Структура ETF повторяет структуру выбранного базового индекса.

инвестиционных ресурсов с собственно объектом инвестирования. В большинстве случаев речь уже идет о финансировании через данный механизм реальных предпринимательских проектов, отдача от которых возможна лишь на достаточно удаленном инвестиционном горизонте. Эффект концентрации на ограниченном числе проектов является в данном случае вполне объяснимым. Дело в том, что предпринимательский успех требует мобилизации команды проекта (менеджеров фонда, а зачастую и инвесторов), а кроме того, позволяет осуществить контроль над проектом (защита корпоративной собственности, инсайдерской информации и т. п.).

С точки зрения трансакционных издержек предпринимательская модель инвестиционного фонда на первый взгляд представляется наиболее затратной. Напомним, что в данном случае в состав затрат войдут не только издержки поиска объекта инвестирования, но и издержки его последующего сопровождения. Кроме того, нельзя забывать и о второй стороне медали – поиске соответствующих специфических инвесторов, готовых вложить свои средства в низколиквидный проект и на весьма долгосрочную перспективу.

Тем не менее предпринимательские фонды в определенных условиях демонстрируют уверенное превосходство не только над рыночными, но и над сетевыми фондами. Как следует из логики предшествующего анализа, ключевым условием, при котором модель предпринимательского фонда демонстрирует относительно низкий уровень трансакционных издержек, является высокая специфичность инвестиционного рынка и рынка инвестиционных ресурсов (рис. 1).

Выстроенная типизация инвестиционных фондов позволяет, наконец, вернуться к целевой задаче, заявленной в самом начале статьи. Речь идет о выделении форматов коллективного инвестирования, обеспечивающих, как минимум, трансформацию сбережений жителей региона в инвестиции и, как максимум, – финансирование на базе этих инвестиций реальных проектов территории. В этом случае мы будем вынуждены в процесс анализа ввести еще одну переменную – статус инициаторов создания инвестиционного фонда, а проще говоря, управляющей компании. Естественный водораздел в таком случае пролегает между т. н. «региональными» и «федеральными» управляющими компаниями.

Подобное деление не носит никакого формально-правового характера, но тем не менее позволяет конкретизировать механизм формирования трансакционных издержек той или иной базовой модели инвестиционного фонда.

Региональные компании. В данном случае речь идет о компаниях, как правило, зарегистрированных в соответствующем субъекте Федерации, не имеющих, или имеющих ограниченную, филиальную сеть. Реализация подобными компаниями проектов создания инвестиционных фондов по рыночной или даже по сетевой модели теоретически возможна, но существенным образом проигрывает аналогичным проектам федеральных компаний с точки зрения трансакционных издержек. Поясним это утверждение.

Модель рыночного инвестиционного фонда демонстрирует свое преимущество по издержкам при широкой рыночной диверсификации, доступной лишь на глобальных, высокоэффективных рынках. Сетевой фонд менее требователен к уровню эффективности рынков, но используемые им инвестиционные технологии также становятся конкурентными на глобальных или, во всяком случае, нелокальных рынках. При всем развитии современных коммуникационных и торговых технологий региональные компании вынуждены нести повышенные издержки при выходе на глобальные рынки.

Аналогичным образом можно оценить и уровень издержек по формированию ресурсной базы данных фондов. Здесь на первый план выходит низкий уровень инвестиционной грамотности населения, обусловливающий стремительный рост издержек привлечения ресурсов в любые продукты, отличные по своей сложности

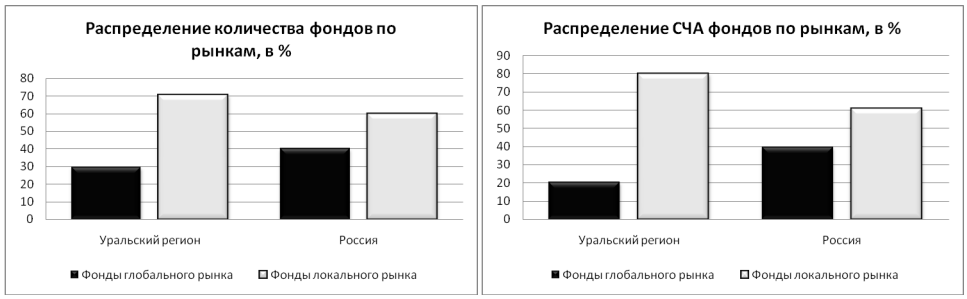
от банковского депозита. Как следствие, даже в достаточно крупном российском городе существует лишь относительно тонкая прослойка потенциальных инвесторов, готовых к приобретению инвестиционных инструментов рыночных и, тем более, сетевых инвестиционных фондов. Федеральные компании в этом случае находятся в более привилегированном положении, поскольку обладают развитой филиальной сетью по распространению более или менее несложных инвестиционных продуктов.

В результате региональные компании проигрывают своим федеральным конкурентам за счет больших издержек по выходу на глобальные инвестиционные рынки и высоких предельных издержек по привлечению финансовых ресурсов в фонды с низким уровнем концентрации.

Ситуация радикально меняется при рассмотрении модели предпринимательского фонда. В данном случае региональные компании в полной мере используют эффект близости и к объектам инвестирования, и к владельцам инвестиционных ресурсов. В отличие от федеральных компаний, региональные компании лучше знают локальный инвестиционный рынок и способны нести гораздо меньшие трансакционные издержки как на стадии поиска инвестиционных проектов, так и в процессе их дальнейшего сопровождения. То же самое можно сказать и о рынке инвестиционных ресурсов. Затраты на вовлечение подобных ресурсов в предпринимательские фонды обратно пропорциональны степени доверия между управляющими и инвесторами. Немаловажна и специфичность каждого подобного проекта, требующая концентрации высокого профессионализма и компетенций. Отсутствие подобных технологий в филиалах федеральных компаний имеет свое естественное следствие – рост трансакционных издержек.

Федеральные компании. Как следует из вышесказанного, конкурентные преимущества подобные компании демонстрируют при формировании инвестиционных фондов, ориентированных на глобальные рынки и инвесторов с малой или средней специфичностью – в первую очередь на рядовых, неискушенных инвесторов.

Интересны результаты сравнительного анализа, проведенного между региональными управляющими компаниями Уральского региона и федеральными управляющими компаниями[2]. На рис. 2 проиллюстрировано распределение количества паевых инвестиционных фондов, ориентированных на глобальные рынки и фонды локального рынка.



а. *б.*

Рис. 2. Распределение количества паевые инвестиционных фондов (а) и совокупной стоимости чистых активов (б) под управлением региональных и федеральных компаний в зависимости от характера рынка

Представленные данные свидетельствуют о том, что российские – как региональные, так и федеральные – управляющие компании в своей деятельности отдают предпочтение инвестиционным фондам, ориентированным на локальные рын-

[2] Анализ проводился по материалам НП Национальная лига управляющих (www.lu.ru), Центрального банка РФ (www.cbr.ru), НП Национальная ассоциация участников фондового рынка (НАУФОР, www.naufor.ru), корпоративных сайтов управляющих компаний.

ки[3]. Вместе с тем не может не бросаться в глаза существенно больший акцент в данной «специализации» именно у региональных управляющих компаний.

Вторым аспектом анализа была оценка дифференциации региональных и федеральных компаний по составу инвесторов формируемых ими инвестиционных фондов. В качестве критерия оценки был принят статус инвестиционного фонда с точки зрения его «целевой аудитории» – для квалифицированных или неквалифицированных инвесторов. При всей условности понятия «квалифицированный инвестор»[4], этот водораздел можно считать достаточно характерным для иллюстрации приоритетности деятельности управляющих компаний, но уже в контексте рынка привлечения инвестиционных ресурсов (рис. 3).

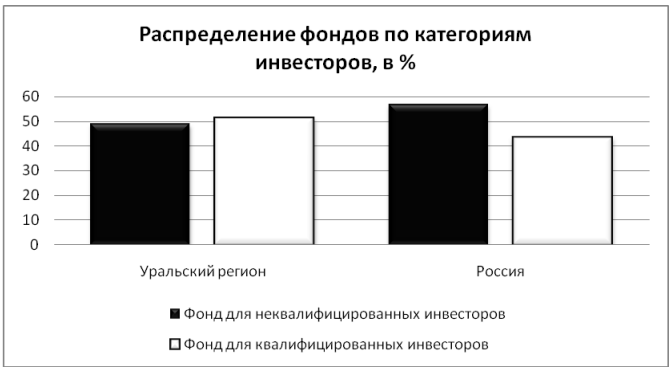


Рис. 3. Распределение количества паевых инвестиционных фондов под управлением региональных и федеральных компаний в зависимости от характера инвесторов

Региональные компании, как и следовало ожидать, при формировании фондов предпочитают или вынуждены ориентироваться на квалифицированных инвесторов. Одновременно федеральные управляющие не демонстрируют подобного предпочтения или даже имеют тенденцию в сторону большей «демократизации» инвестиционных продуктов.

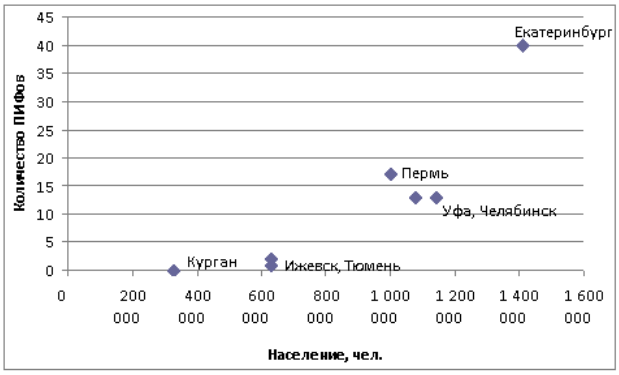


Рис. 4. Количество паевых инвестиционных фондов под управлением региональных управляющих компаний Уральского региона

Даже приведенные результаты анализа в определенной мере подтверждают высказанные в начале статьи предположения о существовании устойчивых типов

[3] В соответствии с методикой анализа к таким фондам были отнесены фонды недвижимости, венчурные фонды и фонды прямых инвестиций. Все остальные категории фондов рассматривались как фонды глобальных рынков.

[4] В соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» (№ 39-ФЗ от 22.04.1996) «квалифицированным инвестором» признается физическое или юридическое лицо, отвечающее определенному набору формальных показателей: объему операций на финансовом рынке, величине принадлежащих активов, наличию профессиональной квалификации и т. д.

инвестиционных фондов (рыночные, сетевые и предпринимательские) с точки зрения трансакционных издержек по их формированию. При этом в контексте развития региональной системы трансформации сбережений в инвестиции, востребованными становятся все указанные модели, поскольку они являются естественным ответом не только на экстенсивное развитие региона или городской агломерации, но и, в еще большей степени, – на усложнение характера его финансовой и экономической жизни. Другими словами, являясь существенно более сложным инвестиционным продуктом (например, на фоне банковских депозитов), инвестиционные фонды становятся востребованными лишь при достижении определенного уровня развития соответствующей местности (количество жителей, средний уровень их доходов, образование, степень социального доверия и т. д. (рис. 4)). При этом проникновение индустрии инвестиционных фондов в сферу экономических и финансовых отношений не только свидетельствует о зрелости этих отношений, но и придает новый импульс их развитию. В первую очередь это относится к предпринимательским инвестиционным фондам под управлением региональных управляющих компаний. Формат инвестиционного фонда в этом случае становится одним из эффективных механизмов актуализации локальных финансовых ресурсов для решения локальных предпринимательских, а зачастую и социальных проектов [1. С. 46–49; 2. С. 280–285].

Литература

1. Мецгер А. А. Паевой инвестиционный фонд как формат финансирования проектов в сфере образования // Россия в мире XXI века: между насилием и диалогом : материалы XVI Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета (15–16 апреля 2013 года) : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – Т. 2.

2. Мецгер А. А. Паевые инвестиционные фонды как инструмент инвестирования в жилую недвижимость // Актуальные проблемы финансовых рынков и финансовых институтов : сб. науч. тр. / под ред. Е. Г. Князевой, Л. И. Юзвович. – Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2013.

УДК 347.78:330.1

Харитонов Владимир Владимирович
канд. филос. наук, доцент кафедры телерадиожурналистики,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Kharitonov Vladimir Vladimirovich
Candidate of Philosophy, Associate Professor at TV & Radio Journalism Chair, Department of TV & Radio Journalism, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

АВТОРСКОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

COPYRIGHT AND THE PROBLEM OF ECONOMIC EFFICIENCY

Аннотация
Основные элементы института авторского права возникли в индустриальную эпоху на основе определенных экономических отношений. И они эволюционировали по мере развития индустриальной экономики. С концом индустриальной эпохи и вместе с информационной революцией авторское право оказывается неадекватным не только культурной традиции, но и экономике информационного производства.
Ключевые слова: авторское право; экономика; пиратство; информационная индустрия.

Abstract
The main structures of the copyright institute have emerged in the industrial epoch on the base of certain economic relations. They evolved in line with the industrial economy evolution. But after the decline of industrial epoch and with the informational economy rise the copyright appears to be inadequate both for the legacy culture and for the informational production economy.
Key words: Copyright; economy; piracy; informational industry.

Экономические аспекты авторского права

На протяжении трех веков авторское право было юридической основой индустриального производства культуры, института авторства и системы распространения информации в обществе. Ситуация в нем меняется вместе с массовым распространением компьютерных технологий и доступа к Интернету. Традиционное авторское право начинает тормозить развитие культуры. Оно входит в противоречие с новыми массовыми формами распространения информации. В нынешнем виде система авторского права не соответствует общей социокультурной потребности в изменении статуса автора и авторства в культуре.

Информация не всегда была товаром. Она превращалась в товар, главный продукт современной индустрии контента, в несколько этапов. Сначала – с появлением индустриального производства книг в XV веке. Затем с формированием авторского права как его юридической инфраструктуры в XVIII веке. И наконец, со становлением концепции универсальной интеллектуальной собственности на произведенную информацию в начале XX века. Общество согласилось на закрепление частичной и ограниченной временем монополии автора ради поддержания индустриального механизма производства культурных артефактов и знаний.

Появление авторского права и, особенно, международные соглашения в этой области сыграли важную роль в придании стихийному и хищническому рынку цивилизованных черт. Стоит напомнить, что термин «пиратство» появился именно в связи с нарушениями авторского права, а не морского закона. Он начал использоваться в XIX веке английскими издателями по отношению к издателям из США. Американские издатели, находясь под защитой своего законодательства, беззастен-

© Харитонов В. В., 2014

чиво печатали английских авторов без выплат соответствующего вознаграждения. Только подписание межгосударственных договоров и принятие международных соглашений, в частности Бернской конвенции, установили общие правила взаимоотношений между авторами и издателями. Кроме того, был закреплен экономический характер авторства, которое на протяжении веков было чисто символическим. В рамках индустриального производства автор – это не только тот, кто располагает авторитетом, но (что часто важнее) тот, кто имеет право подписывать лицензионное соглашение.

Однако логика индустриального производства – еще задолго до начала компьютерной революции – обнажила негативные последствия даже ограниченного монополизма, которое закон даровал владельцам авторских прав. Авторы слишком часто не владеют своими правами, но продают и передают их издателям, которые распоряжаются ими, уже следуя своим интересам, а не интересам авторов.

Эти интересы различны. Авторы в первую очередь заинтересованы в максимальном распространении своих произведений. Издатели более всего заинтересованы в минимизации издержек и максимизации доходов. Интересы авторов и издателей совпадают, как правило, только в том случае, когда произведение оказывается книжным бестселлером, киноблокбастером, музыкальным хитом. В результате в современном виде система авторского права выгодна только и исключительно информационным посредникам – крупным игрокам рынка контента, т. е. индустрии киноблокбастеров, нескольким издательским домам и мейджорам звукозаписывающей индустрии. Все остальные – и пользователи, и новый контентный бизнес, и общество, заинтересованное в развитии культуры и распространении знаний, – остаются в проигрыше. Именно крупные корпорации контентной индустрии заинтересованы в бесконечном сроке охраны авторских прав на постоянно приносящие прибыль произведения.

Наступление компьютерной революции, появление технологий цифрового тиражирования и передачи информации радикально изменили способ производства контента. Теперь цена цифровой копии стремится к нулю, а деньги, полученные от продажи каждой проданной копии, к примеру, мультфильмов Диснея, составляет чистую маржинальную прибыль корпорации. Такое тиражирование уже не требует ни инвестиций в производство, ни оплаты труда авторов (лицензионные выплаты уже давно сделаны). Для такого производства достаточно только расходов на рекламу и маркетинг.

Не все произведения приносят гигантские прибыли, но нынешняя система авторского права не способна охранять разные произведения по разным правилам. Поэтому лоббисты контентной индустрии заинтересованы в том, чтобы законодатели во всех странах мира охраняли всё максимально долго и максимально жестко.

Современный режим авторского права в еще большей степени препятствует культурному обороту так называемых «сиротских» произведений (orphan works), т. е. произведений, поиск авторов и правообладателей которых невозможен либо требует непомерно больших усилий и затрат. Согласно базовым принципам Бернской конвенции публикация произведений без прямого разрешения правообладателей запрещена. А если правообладатель не может дать такого разрешения, поскольку неизвестно, жив ли он? По подсчетам американских библиотекарей, около 70 % книг, вышедших в XX веке, и более 90 % фотографий можно отнести именно к таким «сиротским» произведениям. Технически эти книги могут быть возвращены в культурный оборот путем оцифровки. Для этого не требуется больших затрат. Однако барьер авторского права не позволяет этого сделать, ведь всегда остается вероятность внезапного появления «потерянного» автора.

Массовое распространение компьютерных технологий и доступа к Интернету в корне изменило статус автора в культуре. Теперь автором может быть практиче-

ски каждый. Большинство пользователей Интернета уже являются авторами, часто даже не задумываясь об этом. Все мы публикуем короткие заметки и комментарии в блогах и социальных сетях. С точки зрения общепринятых норм авторского права, закрепленных в Бернской конвенции, все мы, как бы это ни выглядело нелепо, становимся авторами и пользуемся теми же исключительными моральными и имущественными правами, которыми располагают авторы, публикующие свои книги в издательствах, даже если пишем короткие заметки в Twitter.

Сегодня изменился и способ реализации авторства. Уже не отдельные авторы ежедневно создают миллионы текстов, а коллективы авторов, зачастую даже незнакомых друг с другом. Именно так создается Википедия, так создается программное обеспечение с открытыми исходниками, так пишутся миллионы записей в блогах и социальных сетях.

Да и само авторство сегодня – если брать чистую статистику – по преимуществу реализуется вовсе не с коммерческими целями. Однако некоммерческая реализация авторства или использования произведений в современном авторском праве является скорее исключением (в странах континентального права) или разрешается шаткой конструкцией добросовестного использования (в странах common law). Изменения в авторском законодательстве часто влекут за собой изменение статуса произведений, уже находящихся в общественном достоянии. И громадное количество произведений автоматически исчезает из свободного культурного оборота, несмотря на коммерческую бессмысленность изменения их статуса.

Массовое распространение компьютерных и сетевых технологий изменило способ производства и распространения контента. Однако законодательство и правообладатели, кажется, не желают замечать объективных реалий. Еще полвека назад создание копии произведения было практически невозможно за пределами профессиональной индустрии, поскольку предполагало создание материальной копии произведения. Копирование цифрового контента не представляет никакой сложности. Более того, копирование является практически незаметной и повседневной практикой для сотен миллионов пользователей компьютеров и Интернета. Напротив, ограничение копирования – это крайне сложная и дорогостоящая задача, требующая громоздких систем управления цифровыми правами (digital rights management). И платят за это не распространители контента, а пользователи.

Раньше на стороне монополии информационных посредников стояли законы природы, но теперь законы физики не защищают издателей. Создать материальную копию сложно, но копию цифровую – нет. Крупные правообладатели пытаются защищаться, ссылаясь на необходимость защищать интересы авторов. Напомню – эти интересы в большинстве случаев не совпадают. И издателям остается апеллировать к ужесточению механизмов правоприменения и моральному чувству пользователей. Но человеку как социальному существу естественно присуща и потребность во взаимодействии, в том числе путем обмена информацией и культурными артефактами. И реализация этой потребности морально одобряема в любом обществе. В этом отношении традиционное авторское право прямо противоречит интересам общества. Об этом наглядно свидетельствует массовое распространение неавторизованного копирования (его обычно называют «пиратством») даже в странах ОЭСР. Последнее исследование «культуры копирования», предпринятое Джо Караганисом и Леннартом Ренкема [1. С. 281–283], показывает, что в США и Германии нелегальное копирование охраняемых авторским правом произведений практикует от половины до 2/3 всех интернет-пользователей.

Многочисленные исследования доказывают, что именно самые активные «пираты» приносят больше всего денег индустрии контента. Самые злостные «пираты» являются и самыми щедрыми покупателями контента. Вопреки представлени-

ям лоббистов крупного контентного бизнеса, неавторизованная дистрибуция не только не подрывает коммерческие интересы индустрии, но, напротив, помогает ей, поскольку играет роль бесплатной рекламы. А реклама особенно необходима в условиях информационной перегрузки, присущей современному обществу. Главный «враг» автора и издателя в информационном обществе – вовсе не «пират», а неизвестность и дефицит внимания и времени, которые пользователь способен уделить тому или иному контенту.

Нельзя сказать, что законодатели слепы и целиком идут на поводу у лоббистов традиционной издательской индустрии. Политики в разных странах все больше осознают необходимость трансформации системы авторского права. За последние два года сделаны важные шаги по пути – пока скромных, но важных – изменений в национальных законодательствах. К примеру, во Франции в 2012 году был принят закон «Об оцифровке недоступных книг XX века», который де-факто вывел из-под действия Бернской конвенции произведения французских авторов, опубликованных в XX веке и более не представленных на коммерческом рынке (out-of-print books). Закон № 2012-287 от 1 марта 2012 года предполагает создание механизма, в результате которого все эти книги будут оцифрованы и возвращены в коммерческий оборот в принудительном порядке. За последние годы новые принципы регулирования авторского права вступили в силу в Чили, Швейцарии и Канаде. Реформирование авторского права в Великобритании на основе «доклада Харгривса» во многом идет по пути, сходному с принятым в этих странах и на основе тщательного изучения реальных механизмов производства, распространения и потребления контента.

Да и Евросоюз в целом вступил на путь реформирования «Бернской системы», разрешив проблему использования сиротских произведений. Принятая в 2012 году и вступившая в силу директива 2012/28/EU требует от стран – членов Евросоюза в течение ближайших 3 лет внести изменения в национальные законы об авторском праве, которые бы допускали использование сиротских произведений в рамках четкой юридической процедуры.

В основу новой концепции авторского права должны быть положены реалистичные и реализуемые принципы, соответствующие интересам общества в целом, защищающие и права авторов на использование произведений, и права общества на доступ к культуре и знаниям. Только при условии выполнения этих требований авторское право будет вызывать уважение и создавать новые возможности для творчества и развития общества. Как ни странно, в основу нового международного договора может лечь Всеобщая конвенция об авторском праве, принятая в Женеве в 1952 году. В ней уже содержались все ключевые моменты, необходимые авторскому праву на современном этапе: ограниченный срок охраны, необходимость регистрации авторских прав для их коммерческого использования, гибкий механизм национального регулирования авторского права каждой из стран, подписавшей договор. Стараниями традиционной индустрии контента все эти положения были сведены на нет последующими международными соглашениями в этой области.

Реализация новых принципов охраны требует, безусловно, политической воли, опирающейся на внятное и консолидированное мнение культурного и научного сообщества. А также усилий всех стран – участников международных соглашений в области авторского права. Двери для этого открыты. Даже самые строгие международные договоры, типа соглашения TRIPs, предполагают – в рамках этих соглашений – любую трансформацию национальных законов. Урегулирование ситуации с «сиротскими» произведениями, возвращение в оборот культурных ценностей, расширение списка исключений и пространства добросовестного исполь-

зования – таковы первые шаги в направлении необходимой трансформации системы авторского права.

Проблема экономического ущерба от нелегального копирования

Что мы знаем о пиратах? О российских – очень мало или почти ничего. Социологические службы время от времени задают несколько вопросов в своих омнибусах. Иногда таких вопросов даже много. Иногда их задают даже по заказу индустрии. Может быть, поэтому так устойчивы мифы о том, что «Россия – страна с ужасным пиратством», «90 % всего контента нелицензионный» и, конечно, привычное «скачивание – это кража».

Слова слишком много значат для нас. Если все вокруг начнут называть белое черным, то и мы сами – за исключением отдельных маргиналов – согласимся с этим: «Все же так говорят!» Именно это и произошло с копированием контента. Лоббистам крупных производителей контента, уже не первый десяток лет воюющим с неавторизованной дистрибуцией контента, умело внедрили в наш язык представление о том, что каждый пользователь Интернета, скачивающий какой-то контент из сети, «пират», а каждое такое скачивание – «воровство».

Ход хитрый вдвойне. Во-первых, это помогло стереть память о том, почему, говоря «пират», мы уже не имеем в виду морских грабителей, а только нарушителей авторского права. А ведь 150 лет назад этим ругательством припечатывали английские издатели и авторы своих американских коллег, которые без зазрения совести (и выплаты роялти) печатали книги английских авторов. Тогдашние законы США такое поведение не запрещали, охраняя права только своих, американских авторов, так что Чарльз Диккенс очень переживал. Ведь и правда – форменное безобразие?

Теперь же «пиратами» кличут нерадивых пользователей. И кто усомнится в моральной чистоте самих издателей? Одно дело сделано. Второе сделано тоже: пиратство, как-никак, преступление, «воровство» и «грабеж», а с ними надо бороться, несмотря ни на что. «Булочки же вы бесплатно в магазине не берете?» «Таксисту за проезд платите?» «На что будет жить писатель, если не платить ему роялти?»

Мир был бы значительно проще, если бы скачивание действительно было кражей. Однако хищение – преступление имущественное, и оно имеет отношение к вещам, т. е. к тем самым булочкам и перевозкам, о которых так много говорят корпоративные лоббисты. Но булочки украсть можно, оцифрованную же копию булочки можно только скопировать, хотя бы и без разрешения. Значит ли это, что «пираты» ничего не нарушают? Нарушают, конечно. Они нарушают исключительное право автора распоряжаться своим произведением по своему усмотрению.

Лоббисты корпораций не просто упрощают ситуацию, уравнивая «пиратство» и «воровство», они заставляют нас всех поверить в то, что пользователь – недалекое существо, которое всегда ведет себя, как потребитель на празднике непослушания: из супермаркета исчезли кассиры и охранники, и теперь, наконец-то, – тащи, не хочу. «Никто не отказывается от халявы!» Безусловно, бесплатность и доступность – очень важный мотив экономического поведения интернет-пользователей. Почему бы не взять, коли дают?

А если бы не давали? Лоббисты уверяют, что это и есть цель борьбы с пиратством: пользователям будет некуда деваться, и они пойдут покупать контент! Вопреки такому упрощению, пользователи зачастую скачивают контент только и исключительно потому, что он бесплатен и/или легко доступен. А если нет? Тогда они бы и не стали стремиться его получить. Например, потому, что контент не вызывает достаточного для покупки желания, или потому, что цена, назначенная

продавцом, представляется пользователю завышенной. (Кстати, пользователи, практикующие исключительно бесплатное скачивание, могут вообще не потреблять скачиваемый контент, откладывая знакомство с ним на неопределенное будущее, собирая книги, музыку, фильмы впрок, чтобы было чем занять себя в отпуске или на пенсии.) Так или иначе, такое скачивание контента, конечно, не приносит правообладателям прибыли, однако и не наносит никакого ущерба: их кошелек для них, скорее всего, будет закрыт независимо от того, доступен ли контент бесплатно или нет.

Экспериментальное подтверждение этой идеи обеспечили органы правопорядка Новой Зеландии и США, закрывшие сервис Кима Доткома Megaupload в январе 2012 года, Это событие было встречено горячим одобрением со стороны представителей крупной контентной индустрии, прежде всего – Американской ассоциации киноиндустрии, назвавших действия правоохранительных органов Новой Зеландии важным шагом по борьбе с международным пиратством. Megaupload был одной из крупнейших площадок неавторизованного распространения контента. На пике популярности он имел 180 млн зарегистрированных пользователей, его ежедневно посещали 50 млн человек, создававших около 4 % (!) мирового интернет-трафика. Ким Дотком, впрочем, декларировал соблюдение принципов DMCA и всегда заявлял, что любой контент размещается на сервисе самими пользователями и удаляется по первому требованию правообладателей.

Следуя привычной лоббистам логике «нет пиратства – растут доходы», следовало бы ожидать, что исчезновение из Сети такой крупной площадки приведет к росту сборов кинотеатров. Однако Кристиан Пекерт, Йорг Клауссен и Тобиас Кречмер из Мюнхенской и Копенгагенской бизнес-школ в ходе статистического анализа показателей проката 10 272 фильмов в 50 странах мира за 2007–2013 гг. [2] пришли к прямо противоположным выводам. На фоне общего роста сборов кинопроката (менее значительного в США, более значительного – почти на 50 % – в международном прокате) за исследуемый период, эффект от закрытия Megaupload оказался в целом либо нейтральным для блокбастеров, либо негативным (снижение на 12 %) для фильмов со средним и низким уровнем сборов. Только для небольшого количества блокбастеров в странах с низким уровнем популярности Megaupload оказалось возможным зафиксировать незначительный рост сборов. Единственным выдерживающим критику объяснением «противоречивого», по мнению критиков [3], исследования, по мнению авторов, может быть то, что сервисы, аналогичные Megaupload, прежде всего удовлетворяя потребности пользователей с низкой склонностью к приобретению контента, одновременно функционируют как инструмент для продвижения контента для тех пользователей, которые склонны его покупать. Пекер и др. приводят данные масштабного опроса 25 тысяч кинозрителей в Германии, предпринятого в 2011 году компанией GfK: мнение друзей важно для 20 % кинозрителей и является третьим (после телерекламы и просмотра трейлеров в кинотеатрах) по важности фактором, влияющим на выбор фильма для кинопросмотра. Таким образом, пиратские сервисы выступают в качестве источника значимой информации для менее обеспеченных или просто не склонных к потреблению платного контента пользователей, которые, однако, могут рекомендовать фильмы к просмотру своим более законопослушным (или более обеспеченным) друзьям.

Аналогичные результаты были получены в 2011 году и авторитетным японским «мозговым центром» – Институтом исследований в области экономики, торговли и промышленности (RIETI), связанным с правительством Японии, – которое провело исследование [4] влияния пиратства на продажи DVD с аниме, одним из самых популярных в Японии видов контента. В своем исследовании Тацуо Танака проанализировал влияние неавторизованной дистрибуции 105 фильмов в

жанре аниме на YouTube и посредством популярной в Японии файлообменной программы Winny на продажи и прокат DVD. Результаты исследования могут обескуражить лоббистов: размещение контента на YouTube не оказывает негативного воздействия на прокат DVD и повышает продажи DVD; файловый обмен Winny снижает показатели проката DVD, но не оказывает влияния на продажи. Автор исследования предполагает, что для пользователей YouTube сервис выступает в роли промоутера фильмов аниме, которые они в качестве телезрителей пропустили и под влиянием «рекламы» на YouTube покупают их (каждый процент прироста просмотров на YouTube дает 0,25 % прироста продаж DVD). Что касается файлового обмена, то этот канал получения контента воспринимается пользователями как замена проката, но не продаж. Следует учитывать, что субкультура отаку (поклонников аниме) предполагает коллекционирование контента, но канал продаж материальных носителей (в частности, в виде DVD) является основным. Однако онлайновая – и даже неавторизованная – дистрибуция играет существенную роль для продвижения аниме. Вывод Танаки тем более важен, что он прямо противоречит не только политике правообладателей, но и политике японского правительства, криминализировавшей пользовательское «пиратство».

Поведение интернет-пользователей значительно более нетривиально, чем его рисует пропаганда RIAA, MPAA и их дочек и внучек в разных странах мира. Далеко не все пользователи только скачивают контент. Некоторая – может быть, незначительная? – их часть еще и платит за него. Британское министерство связи (Ofcom) уже несколько лет год ведет мониторинг поведения интернет-пользователей, связанного с нарушениями копирайта. В отличие от российских социологов британцы подходят к делу несколько более основательно, опрашивая каждый квартал более чем 4,5 тысячи интернет-пользователей в возрасте от 12 лет. На таком большом массиве респондентов социологи уже получили немало интересных данных, которые касаются, в частности, самых закоренелых «качков», тех самых, на кого приходится бóльшая часть нелегального скачивания. На верхние 10 % самых активных потребителей нелегального контента (а это 2 % интернет-пользователей Великобритании) приходится 74 % общего объема трафика контента с нарушением копирайта [5]. «Вот их и призвать к ответу!» – скажет иной радетель кошелька правообладателя. И окажется в дурацком положении. Потому что именно эти пользователи тратят на контент в 2 раза больше денег (£198 в квартал), чем самые законопослушные пользователи, которые нелегального контента ни-ни (£83). Все остальные – менее рьяные «качки» – и те тратят на контент больше (£96). На всех нарушителей копирайта приходится 40 % общих трат на цифровой контент и 36 % трат на контент в целом, включая офлайновые траты (приобретение билетов в кино и на концерты и пр.).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, имеет ли вообще место хоть какой-нибудь ущерб, якобы наносимый «пиратами» индустрии контента? Данные аналитического отчета «Copyright & Creation: A Case for Promoting Inclusive Online Sharing», подготовленный сотрудниками Лондонской школы экономики и политических наук [6], демонстрируют, что на протяжении последних 10–15 лет на фоне массового проникновения широкополосного доступа и быстрого распространения файлообменных сервисов индустрия контента чувствует себя, в целом, исключительно устойчиво.

Судите сами: общий доход музыкальной индустрии в 2011 году составил около $60 млрд, при этом снижение продаж музыки на материальных носителях, наметившееся в 2004 году, постепенно компенсируется ростом доходов музыкантов от концертной деятельности и продаж музыки в цифровом виде. В 2012 году эти продажи составили $5,6 млрд, что соответствует 34 % доходов всей звукозаписы-

вающей индустрии. Для сравнения: в 2004 году эти продажи начинались с $40 млн, которые составляли 2 % доходов музыкальных мейджоров.

Еще более радужная картина у американского кинематографа. В 2012 году доходы от продажи билетов в США выросли до рекордных $35 млрд, а продолжающееся снижение продаж DVD было скомпенсировано ростом доходов от продаж фильмов на международном рынке (при этом общий доход американского кинематографа в 2010 году составил $93,7 млрд). Продолжает расти, наверное, самая уязвимая с точки зрения массового распространения неавторизованной дистрибуции в этой сфере – индустрия компьютерных игр. Ее общий доход составил $63 млрд (прогноз роста до $87 млрд в 2017 году). И даже книжная индустрия, представители которой имеют основания жаловаться на конкуренцию со стороны других отраслей индустрии контента, в мировом масштабе чувствует себя достаточно уверенно: ее доход в 2012 году составил около $102 млрд, т. е. она больше и кинематографа, и музыкальной индустрии, и игровой.

И что же получается? Картина с «пиратским» скачиванием на поверку оказывается совершенно иной, чем ее привыкла рисовать пропаганда. Неавторизованная дистрибуция для контента – скорее дополнительный, причем не слишком дорогой (если считать расходами на него некую «упущенную прибыль» от той части пользователей, которые и правда будут покупать контент, если не найдут его бесплатно), маркетинг.

Некоторые корпорации – как это ни странно – это понимают, используя неавторизованную дистрибуцию, в частности, для получения достоверных данных о популярности того или иного контента (см. подробности использования «Сцены» в книги Ласики «Даркнет: Обратная сторона сети» [7] или историю о том, как Netflix мониторит пиратские ресурсы, выходя на новые рынки [8]).

Бесплатная доступность, впрочем, не единственный мотив свободного скачивания контента. В российских условиях, когда, мягко говоря, далеко не весь контент доступен в легальных каналах дистрибуции, слишком часто возникает ситуация, когда вполне осознанная потребность получить конкретный контент в цифровом виде сталкивается с его отсутствием в магазинах или сервисах. В них часто отсутствуют даже произведения мейнстрима, не говоря уже о контенте «длинного хвоста». Чего только нет в легальных каналах дистрибуции – и того нет, и этого. Правообладатели могут сколько угодно оправдывать скудость ассортимента угрозой пиратства, нежеланием контрагентов лицензировать иностранный контент для российской публики и пр., но если книги нет в легальной продаже, а фильма – в легальном онлайновом кинотеатре, то предъявлять претензии конкретному потребителю в том, что он нашел контент не там, где его не продают, а там, где он есть, нелогично. Да и бессмысленно: этот конкретный пользователь правообладателям никакого финансового ущерба не наносит, поскольку сами правообладатели нужным пользователю контентом не торгуют.

Проблема экономической эффективности копирайта

Один из главных аргументов сторонников ужесточения режима охраны и ее продления – экономическая эффективность. По их мнению, произведение используется значительнее эффективнее, когда есть (желательно – единственный) экономический агент, который распоряжается его коммерческим использованием. Именно он обеспечивает присутствие произведения на рынке, его доступность и широкое распространение. Следуя этой довольно абстрактной логике, чем дольше произведение находится под охраной, тем лучше для общества, которому такой агент (правообладатель) обеспечивает наилучший доступ. Однако как на самом деле срок охраны и статус общественного достояния влияют на степень доступно-

сти на рынке произведения искусства? Анализ данных, проведенный Полом Хилдом [9], демонстрирует, что экономическая реальность отнюдь не такова.

В ходе своего исследования Хилд случайным образом выбрал 7 000 (бумажных) книг, изданных осенью 2012 года и продававшихся крупнейшим американским книжным ритейлером Amazon. Выходные данные книг были сопоставлены с данными библиотеки конгресса США для установления года первого издания. После чего в выборке остались 2 317 книг с полностью сохранившейся историей, корректными выходными данными и т. д. (Заметим, что 2 317 книг – вполне репрезентативная выборка для того количества наименований, которые вышли в США в 2012 году.)

Уже самый общий результат анализа оказался неожиданным: из отобранных таким образом 2 317 книг 72 % оказались опубликованными до 1923 года, т. е. с заведомо истекшим сроком охраны. Соответственно, только 28 % книг все еще охранялись авторским правом. Казалось бы, можно ожидать, что старые книги с течением времени должны постепенно потерять интерес для публики, однако из только что изданных книг самые большие квоты, из числа попавших в выборку Хилда, приходятся на книги, впервые изданные в 1910-х гг. – 338 книг, в первом десятилетии XX века – 319 книг, а квота книг, изданных в последнее десятилетие, – на 3-м месте (254 наименования). Даже книг, впервые изданных в 1880-х гг., все равно переиздано в 2012 году больше (248), чем книг, впервые увидевших свет в любом десятилетии XX века, начиная с 1923 года (безусловный рубеж окончания охраны для книг, изданных в США).

«Копирайтный провал» выглядит еще более впечатляющим, если учесть, что буквально до начала 2010-х годов, когда начался спад на рынке бумажных книг, каждый год в США бумажных книг выходило больше, чем в предыдущем. Сравните: при том, что в 1950-х гг. в США было издано в 6 раз больше книг, чем за сто лет до этого, переиздано в 2012 г. книг 50-х годов XX века было в 3 раза меньше, чем книг, появившихся в 1850-х гг. (25 книг в выборке Хилда против 84).

Причина негативного влияния длительного срока охраны авторских прав на их коммерческую реализацию – чисто экономическая: затраты, необходимые на издание книги, перешедшей в общественное достояние, заведомо меньше, поскольку нет необходимости выплачивать авторские роялти. Кроме того, эти книги уже не нуждаются и в юридическом обеспечении лицензирования и/или установления правообладателя. Последнее обстоятельство крайне актуально для книг, находящихся под охраной, но изданных уже достаточно давно, чтобы процесс поиска наследников оказался неочевидным или негарантированным.

Пол Хилд делает прямой вывод из своего исследования: «Сенатор Оррин Хатч, объясняя, почему он поддержал продление сроков охраны в 1998 году, заявил, что обеспечение доступности и распространения произведений – это и есть то, что имеется в виду под “прогрессом” в посвященной авторскому праву части конституции [США]. Он прав, говоря о целях копирайта, но полностью ошибается, предлагая такое решение проблемы исчезновения произведений [с рынка]. Дальнейшим попыткам продления сроки охраны следует сопротивляться, а не поддерживать их. Создатели конституции вовсе не хотели, чтобы копирайт использовался конгрессом, чтобы способствовать исчезновению произведений» [9. P. 36.].

Однако de facto длительный срок охраны является инструментом, который, скорее, препятствует коммерческому использованию произведений, нежели помогает ему. Судя по полученным Хилдом данным, по своей результативности отсечение от рынка копирайтом сравнимо с эффектом устаревания: произведения уже 30-летней давности используются в коммерческих целях примерно столь же мало, что и произведения, опубликованные 160 лет назад. Можно предположить, что

30-летний срок охраны для произведения, примерно соответствующий историческому поколению», можно считать предельным с точки зрения экономической эффективности их коммерческого использования. Произведения, созданные предыдущим поколением, не слишком часто остаются остроактуальными для нового поколения покупателей контента. Вместе с уменьшением актуальности повышается риск убыточности их повторной публикации для издателей. Получение произведением статуса общественного достояния, как видно из анализа Хилда, серьезно компенсирует эти риски и позволяет, в обмен на определенную коммерческую выгоду активных посредников и устранения из коммерческой модели пассивных правообладателей (наследников автора), расширить доступность произведения для публики.

Вопрос о сроке получения произведением статуса общественного достояния, таким образом, можно поставить примерно в том же прагматическом виде, в каком он был поставлен авторами американской конституции: какими должны быть сроки и условия охраны государством прав автора, чтобы они способствовали и поощрению его творчества, и общественному благу? Неоправданно длительные сроки охраны, как видно, не приносят ни авторам, ни их наследникам – за исключением лишь небольшого их числа, – ни прибылей, ни славы, т. е. не способствуют ни коммерческому использованию большинства произведений, ни их распространению.

Варианты выхода из этого унизительного положения, однако, есть. Первый, самый простой и «мягкий» с точки зрения трансформации законодательства – отсчет срока охраны не от года смерти автора, а от даты выхода произведения, поскольку именно она характеризует культурный контекст создания произведения и его реальную актуальность для последующих поколений. Второй – самый очевидный – сокращение сроков охраны до оптимального, составляющего 30 лет: спустя поколение книга, если она не стала шедевром, уже вряд ли может обрести такой статус. Третий вариант оптимизации – введение регистрации произведения (с возможностью ее пролонгации в течение какого-либо разумного срока) с целью его коммерческого использования. В этом случае ничто не помешает автору (или его наследникам) продолжать коммерческое использование произведения, если они смогут увидеть в этом какой-то смысл.

Конечно, все эти варианты требуют изменения положений базовых международных соглашений об авторском праве. Но постоянно идущий процесс утраты культурного наследия, очевидно, требует поиска новой точки баланса интересов и авторов, и издателей, и общества. Если же работа по трансформации системы авторского права не будет проделана, то – вместо возвращения в культурную орбиту массы произведений второй половины XX века – уже в ближайшие годы стараниями лоббистов Голливуда мы получим очередное продление сроков охраны на диснеевские мультфильмы.

Человечество уже давно вышло из фабричной колыбели и вступило в эпоху информационного общества. А для информационного общества концепция монополии на распространение культуры и знаний является не просто устаревшей, но создающей угрозу дальнейшему развитию. Продуманное и ответственное обновление системы авторского права и критическое переосмысление концепции интеллектуальной собственности – залог дальнейшего развития информационного общества и сохранения баланса интересов всех действующих лиц информационной индустрии: авторов, коммерсантов, государства и общества в целом.

Литература

1. Трансформация авторского права в Интернете: зарубежные тенденции, бизнес-модели, рекомендации для России / под ред. И. Засурского и В. Харитонова. – М., 2013.

2. Peukert Ch., Claussen J., Kretschmer T. Piracy and Movie Revenues: Evidence from Megaupload: A Tale of the Long Tail? // Social Science Research Network : [сайт]. – 2013. – 20 августа. – URL: http://ssrn.com/abstract=2176246; http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2176246.

3. Cohen D. S. MPAA Fires Back at Piracy Study // Variety : [сайт]. – URL: http://variety.com/2013/digital/news/mpaa-fires-back-at-piracy-study-1200590749/

4. Tanaka Tatsuo. Do Illegal Copies of Movies Reduce the Revenue of Legal Products? The case of TV animation in Japan // Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI) : [сайт]. – URL: http://www.rieti.go.jp/en/publications/summary/11010021.html

5. OCI Tracker. High volume infringers analysis report. – URL: http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/telecomsresearch/onlinecopyright/w4/HIGH_VOLUME_INFRINGERS.pdf; OCI Tracker Benchmark Study. «Deep Dive» Analysis Report. – URL: http://stakeholders.ofcom.org.uk/binaries/research/telecoms-research/online-copyright/deep-dive.pdf.

6. Bart Cammaerts, Robin Mansell, Bingchun Meng. Copyright & Creation: A Case for Promoting Inclusive Online Sharing // Media Policy Project : [сайт]. – 2013. – URL: http://www.lse.ac.uk/media@lse/documents/MPP/LSE-MPP-Policy-Brief-9-Copyright-and-Creation.pdf

7. Ласика Дж. Д. Даркнет: Обратная сторона сети. – М., 2010.

8. Pierce D. Before buying shows, Netflix checks piracy sites to make sure people are watching // The Verge : [сайт]. – URL: http://www.theverge.com/2013/9/14/4729984/before-buying-shows-netflix-checks-piracy-sites-to-make-sure-people.

9. Heald P. J. How Copyright Makes Books and Music Disappear (and How Secondary Liability Rules Help Resurrect Old Songs) // Social Science Research Network : [сайт]. – 2013. – 5 July. – URL: http://ssrn.com/abstract=2290181

Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира

Уральская школа прав человека

4 февраля 2014 года по инициативе преподавателей юридического факультета Гуманитарного университета была создана Уральская школа прав человека, председателем Совета которой стала Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзлякова. Члены совета – представители уральских вузов, общественных организаций, в частности Свердловского регионального отделения Ассоциации юристов России. Список участников Школы открыт, приглашаем всех интересующихся развитием науки прав человека, вопросами правового просвещения и образования в области прав человека присоединяться к деятельности Школы. Среди планов Уральской школы по правам человека – проведение международных научных исследований и конференций, Зимних и Летних школ по правам человека для представителей различных социальных групп населения, повышение квалификации специалистов в области прав человека, продолжение издания серии словарей-справочников по правам человека. Эти и другие научные и культурные события будут представлены на страницах «Вестника Гуманитарного университета».

В данном выпуске представлен ряд статей участников международной конференции по преподаванию прав человека в России и других государствах Европы, которая состоялась 21–22 октября 2014 года в Законодательном собрании Свердловской области.

Светлана Игоревна Глушкова, д-р полит. наук,
завкафедрой прав человека, директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета, приглашенный профессор Университета Париж – Запад (Франция)

УДК 378:342

Денисов Сергей Алексеевич
канд. юр. наук, доцент кафедры прав человека юридического факультета,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: sa-denisov@yandex.ru

Denisov Sergey Alekseevich
Candidate of Law, Associate Professor at Public Law Chair, Legal Department,
Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

SPECIFICS OF HUMAN RIGHTS TEACHING IN ADMINISTRATIVE MANAGEMENT SOCIETY

Аннотация
В России наблюдается два подхода к преподаванию прав человека. Служилая интеллигенция отдает приоритет социально-экономическим правам, заботе государства о человеке. Она распространяет идеи покорности, этатизма и консерватизма. Гражданская интеллигенция на первое место ставит личные и политические права, право на свободное использование своих способностей в стремлении к счастью. Она призывает к восприятию западных гуманистических ценностей и борьбе за права человека.
Ключевые слова: административное общество; права человека; административная и гражданская интеллигенция.

Abstract
There are two approaches to human rights teaching in Russia. The educated service class – administrative intelligentsia – attaches priority to social and economic rights, the state concern of a man. They promulgate the ideas of obedience, etatism and conservatism. Civil intelligentsia gives preference to personal and political rights, the right of a man to use freely his capabilities pursuing happiness. They encourage Western humanistic values adoption and the struggle for human rights.
Key words: administrative management society; human rights; administrative and civil intelligentsia.

Административным автор называет модель (тип) общества, в которой экономическое, политическое и идеологическое господство осуществляет административный класс, состоящий из работников государственного аппарата [1]. Большинство членов такого общества малоимущи. Бóльшую долю общественного богатства здесь присваивает себе государство и приближенные к нему предприниматели. Население не в состоянии обеспечить свое существование (нет собственности, достаточной заработной платы, знаний, люди пассивны, терпеливы к угнетению) и нуждается в государственной опеке. Это общество «взрослых детей», а не граждан своей страны. Вне зависимости от того, что написано в паспортах этих людей, они являются вынужденными подданными, полностью зависимыми от воли государственной бюрократии, верховного правителя.

Господствующей в этом обществе является идеология патернализма и вождизма. Люди в таком обществе по-особому воспринимают идеал прав человека. Как дети, они нуждаются в первую очередь в праве на заботу о них. Чаяния такого населения выражает специфическая интеллигенция, преподающая права человека в школах и вузах.

© Денисов С. А., 2014

Современная Россия находится на этапе перехода от административной модели общества к гражданскому обществу. Последнее состоит из независимых от государства граждан, самостоятельно обеспечивающих свое существование в условиях рынка, в силу того что они обладают частной собственностью или трудовыми навыками, востребованными обществом. Для этих людей важна свобода, которую они используют для защиты своих прав. Пока еще слабые ростки гражданского общества породили в России узкий слой гражданской интеллигенции, представители которой имеют свой, особый взгляд на мир и преподают права человека совсем не так, как это делает интеллигенция административного общества.

Далее попытаемся сравнить преподавание прав человека старой интеллигенцией административного общества с подачей материала новой гражданской интеллигенцией.

1. Традиционная (старая) отечественная интеллигенция административного общества смотрит на мир глазами бедного человека (даже если сама уже далеко не бедная) и убеждает студентов, что от государства следует требовать (или просить) постоянного расширения объема предоставляемых социально-экономических прав. Перечисляемые функции государства очень похожи на те, что имеются у владельца кролиководческой фермы: заботиться о рождаемости (размножении), здоровье, кормлении, благоприятных условиях содержании населения. На человека смотрят как на производительную силу, которая нуждается в восстановлении. Акцент в преподавании делается на права, закрепленные в следующих статьях Конституции РФ: 7-й (социальное государство), 37-й (защита человека труда), 38-й (помощь семье), 39-й (социальная помощь неимущим), 40-й (раздача жилья), 41-й (бесплатное медицинское обслуживание), 43-й (бесплатное образование). С подачи таких преподавателей студенты некоторых вузов требуют вернуть принудительное распределение их на работу, да еще с предоставлением жилья и высокой оплаты.

Гражданская интеллигенция, можно сказать, гордая. Она убеждает студентов, что высшей ценностью являются личные права и свободы человека. Ее любимыми статьями Конституции являются: ст. 21 (достоинство человека), ст. 22 (неприкосновенность человека). Она считает, что получение разного рода пособий от государства равносильно получению милостыни на церковной паперти и само по себе унизительно. Гражданская интеллигенция убеждена, что уважающий себя человек должен сам думать о своем будущем и будущем своих детей. Независимые от государства люди не рассчитывают на государственную пенсию и пособия, а создают страховые фонды на основе своего, даже небольшого, заработка.

2. Большое значение для гражданской интеллигенции имеют политические права и свободы. Она призывает студентов не быть подданными, а занимать гражданскую позицию. Отстаивать свое право на счастье необходимо самим, активно используя свои конституционные права и свободы: свободу слова и массовой информации (ст. 29 Конституции РФ), свободу объединения, в том числе в партии (ст. 30). Важным инструментом отстаивания своих прав является организация и участие в массовых уличных мероприятиях: митингах, демонстрациях, пикетах (ст. 31). Необходимо понимать, что путь России к республике идет через проведение свободных и честных выборов (ст. 32). Гражданская интеллигенция, естественно, поддерживает немногочисленную демократическую оппозицию: движение «Стратегия 31» [2], белоленточное движение за честные выборы, которое началось с декабря 2011 г.

Естественно, преподавателю с такой позицией сегодня вряд ли позволят работать в государственном вузе, если он не обладает высоким научным статусом. Докторам наук можно почти всё.

Старая интеллигенция рассматривает призывы к гражданской активности как подрыв существующего в стране строя, поскольку он держится на авторитарном режиме и монократической форме правления. Поэтому сегодня трудно представить себе, чтобы студенты юридических факультетов государственных вузов участвовали в «белоленточном движении» за честные и свободные выборы. Их выпускников легче представить себе членами избирательной комиссии, обеспечивающими нужный руководству страны или региона результат выборов.

Административная и гражданская интеллигенция стремятся к разным целям. Идеал выпускника вуза, в котором господствуют ценности административного государства, – это когда он «точно дьяк, в приказах поседелый, спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости ни гнева» [3. С. 178]. Идеал ученика у представителя гражданской интеллигенции – гражданин, о котором пишет Н. А. Некрасов («Поэт и гражданин»: «…покуда не видно солнца ниоткуда, с твоим талантом стыдно спать»).

3. Гражданская интеллигенция убеждает студентов, что высшей ценностью для человека является свобода (ст. 2, 22 Конституции). Она распространяет среди студентов либеральные ценности.

У старой интеллигенции слово «свобода» ассоциируется с «растлевающим» влиянием Запада, подрывом традиционных национальных устоев, моральной распущенностью, распадом семьи, однополыми браками. Иногда она договаривается до того, что права и свободы человека являются инструментом подрыва суверенитета России. Ее больше волнуют обязанности населения перед государством, которые обычно прикрываются обязанностями перед обществом [4. С. 128–324]. Задачей учителя считается воспитание «“здорового” правосознания подрастающего поколения, где солидарность, патриотизм, справедливость, долг, ответственность и “жертвенное служение” должны лежать в основе отношений человека, общества и государства», – пишет Н. В. Исаева [5. С. 173]. Люди должны стать удобными инструментами государства в осуществлении его политики.

Любимой для преподавателей старой закалки является тема злоупотребления правом и свободой. Действительно, в условиях авторитарного и тоталитарного государства люди используют любую возможность для того, чтобы обмануть своего тирана, и важнейшей юридической проблемой становится пресечение этих попыток.

Различные цели порождают противоположные способы обращения к сознанию студентов. Одним из типичных черт административного общества является манипулирование общественным сознанием. Преподаватель обращается к приемам, направленным на то, чтобы незаметно внедрить в сознание студента какую-то установку. Гражданская интеллигенция обращается к разуму студентов, показывает им разные ценности и предлагает им совершить осознанный выбор. Она отказывается от цели превращения студентов в марионеток, которыми кто-нибудь будет управлять. Человек должен стать свободной личностью.

4. Гражданская интеллигенция считает важнейшими положения Конституции о праве частной собственности (ст. 8, 9, 35, 36), праве на предпринимательство (ст. 8, 34), свободе труда (ст. 37), свободе художественного и научного творчества (ст. 44). С помощью этих свобод она призывает студентов самим ковать свое счастье.

Старая интеллигенция, как уже отмечалось, с подозрением смотрит на любые свободы. В предпринимателях она видит только «дойную корову», требуя от них социальной ответственности, а от государства – введения прогрессивной шкалы налогообложения.

Здесь уместно вспомнить китайскую мудрость, что голодного можно накормить двумя путями: дать ему рыбу или дать удочку. Старая интеллигенция требует от государства «рыбы», и чем больше, тем лучше [6. С. 29–31]. Гражданская интеллигенция требует дать людям «удочки» и не мешать им «ловить рыбу». По-

ка в России большей популярностью пользуются требования расширения социальных программ государства и роста разного рода выплат социальной помощи населению. Люди не хотят взрослеть и похожи на сидящих в гнезде птенцов с открытыми ртами, требующими от государства новой порции корма.

Интеллигенция административного общества, подчиняясь законам толпы, старается отражать мнение большинства населения, которое носит в основном консервативный характер. Гражданская интеллигенция стремится к прогрессу, пытается убедить большинство в необходимости смены типа цивилизации. Она осуждает иждивенчество и редистрибутивную экономику, которая дает плоды, пока высока стоимость нефти на мировом рынке.

Сторонники административного общества стараются доказать, что менталитет людей неизменен и с ним надо примириться. Гражданская интеллигенция показывает, что это не так. Греки в свое время сумели подняться от варварства до высот античной культуры. Этот путь проделал римский народ. Немцы долго не хотели принять западные ценности прав человека, ввергли Европу в две мировые войны. Но сегодня они стали одним из столпов западной цивилизации. Конечно, России предстоит долгий путь к восприятию гуманистических ценностей как своих. Между двумя указанными группами интеллигенции будет вестись длительная борьба за человека. Охранители будут тянуть людей назад, доказывать, что не надо ничего менять, пусть все остается как прежде: Россия великая страна, и ей незачем меняться. Гражданская интеллигенция будет призывать людей идти вперед, осваивать непривычные для них ценности культуры.

5. Большинство старой интеллигенции имеет твердые этатистские убеждения и распространяет их среди студентов. Реализацию всех прав человека она связывает с сильным, авторитарным, полицейским государством, во главе которого стоит «добрый царь», роль которого отводится Президенту РФ. Фактически она поддерживает сформировавшуюся в России монократическую форму правления. Вот почему автор называет эту интеллигенцию служилой.

Гражданская интеллигенция убеждает студентов, что опорой для защиты прав человека и гражданина должно быть сильное гражданское общество и уважающие себя граждане. Государство и его правитель рассматриваются в либеральной концепции как главная угроза правам человека. Для защиты от его произвола необходимо введение разделения властей, общественного контроля. В условиях, когда государство носит бюрократический, а не демократический характер, необходимо минимизировать его влияние на общество.

Государство должно позаботиться о воспитании общества, говорит служилая интеллигенция. Государству запрещено устанавливать какую-либо идеологию в качестве государственной или обязательной, повторяют требование ч. 2 ст. 13 Конституции РФ представители гражданской интеллигенции. В обществе должна быть конкуренция идей, которые распространяют общественные организации, партии.

Служилая интеллигенция либо занимается апологией современного российского государства, либо критикует его с коммунистических или социал-демократических позиций. Гражданская интеллигенция вынуждена вставать в оппозицию к правящей группе, проводящей политику ограничения прав человека (особенно политических). Она критикует государство справа, с либеральных позиций.

Интеллигенция административного общества направляет свою преподавательскую деятельность на то, чтобы вызвать у людей доверие и уважение к государству. Государственные органы представляются студентам как идеальные защитники прав человека и гражданина. В связи с этим предлагается расширять их опекунские полномочия по отношению к населению. Не допускается даже мысли, что человеку подчас самому приходится защищаться от государства, его органов и

должностных лиц, что последние систематически злоупотребляют своими полномочиями [7. С. 38–39]. Либеральная интеллигенция на множестве примеров показывает, что государство настолько коварно, что верить ему никак нельзя. Его необходимо окружить постоянным общественным контролем. Особенно в общественном контроле нуждаются репрессивные органы, в которых посягательства на права человека заложены в технологию их деятельности. На исторических примерах нетрудно показать, что глава государства не может быть гарантом конституции, прав и свобод человека и гражданина. Он часто является инициатором захвата государственной власти и организует систематическое ограничение прав человека с целью ее удержания.

Подчас представители служилой интеллигенции открыто выступают с критикой положения ст. 2 Конституции РФ. Они считают, что человек, его права и свободы не должны быть высшей ценностью [8. С. 108–109]. Справедливо указывается, что для россиян, как представителей восточной культуры, не свойственен индивидуализм, поскольку они не прошли школы капитализма. Например, Г. Г. Бернацкий доказывает, что высшей ценностью в России должно быть общество. Человек лишь средство для обеспечения его блага [9. С. 187–191].

Служилая интеллигенция всегда находит оправдание ограничениям прав человека, которое осуществляет государство (общественный интерес, защита безопасности государства, доминирующей морали, чувства верующих и т. д.). Один из приемов оправдания ограничений прав человека в России сводится к указанию, что такие ограничения применяются в развитых демократических странах мира. В административных обществах обычно не желают признать универсальность прав человека и требуют ввести ограничение их под предлогом особого характера культуры страны.

Так называемый «патриотизм дырявого носка» не позволяет служилой интеллигенции критически смотреть на внешнюю политику Российского государства. Она оправдывает ее в глазах студентов. Гражданская интеллигенция не может не осуждать в ходе своих лекций действия руководства России по поддержанию власти разного рода диктаторов в Азии и Африке (отказ осудить И. Каримова за расстрел мирной демонстрации в Андижане в 2005 г., резню, устроенную военными Мьянмы в 2007 г., военную поддержку руководства Судана, повинного в убийстве 200 тыс. человек в ходе этнических чисток в провинции Дарфур).

6. У старой интеллигенции права человека отождествляются с законом (юридический позитивизм). Она исходит из того, что они даются государством, а значит, оно может их отнимать или ограничивать. Из этой концепции часто исходит и Конституционный Суд РФ [10]. Преподаватели с легистскими убеждениями требуют от студентов уважать закон и следовать ему беспрекословно.

Гражданская интеллигенция доказывает, что права человека носят естественный характер, а государство обязано признать их и закрепить в законе (это отражено в ст. 2 Конституции РФ). Если закон игнорирует эти права, то следует приложить все силы для борьбы с таким законом. Указанные различия в отношении к закону хорошо демонстрируются на примере оценки действий участников движения «Стратегия 31» [2], которые неизменно на протяжении нескольких лет 31-го числа (раз в два месяца) собираются мирно на Манежной площади без разрешения мэрии Москвы. Каждый раз участников этих собраний задерживают органы полиции и привлекают к административной ответственности. Старая интеллигенция называет участников неразрешенных митингов правонарушителями, а гражданская интеллигенция видит в них стойких борцов за конституционные свободы.

Гражданская интеллигенция не может уважать закон «Димы Яковлева» [11. С. 1], который она называет «законом подлецов» или «законом царя Ирода». Она не мо-

жет уважать закон, навешивающий на правозащитные организации ярлык «иностранные агенты» [12. С. 6].

Старая интеллигенция чаще всего комплиментарно описывает деятельность государства по закреплению прав человека в Конституции и законах. Ей привычна роль государственного пропагандиста. Она является одним из важных орудий, которые использует государство для создания себе имиджа правового, демократического, активно защищающего права и свободы человека и гражданина. Служилая интеллигенция не видит разницы между социальным и патерналистским государством. В целях защиты прав человека и гражданина она требует окружить человека массой законодательных норм (например, чтобы исключить обман избирателей во время выборов). Под лозунгом борьбы за законность и движение к правовому государству она пропагандирует идеалы полицейского государства.

Гражданская интеллигенция критически смотрит на государство и указывает студентам на недостатки Конституции и законов, на политику государства по нейтрализации норм, которые государство декларировало, но не собирается выполнять [13. С. 2–8]. Государство часто только имитирует политику по защите прав человека и гражданин [14. С. 2–8]. Доказывая высокое качество российской Конституции, служилая интеллигенция рекламирует перечень прав и свобод, которые в ней закреплены. Гражданская интеллигенция указывает, что от Конституции РФ было бы больше пользы, если бы она сосредоточилась на запретах, обращенных к государству, ограничивать права и свободы человека и гражданина, как это делает Поправка I Конституции США. Последняя гласит, что Конгрессу запрещено издавать законы, относящиеся к установлению религии или запрещающие свободное исповедование оной, ограничивающие свободу слова или печати либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб [15. С. 173].

Служилая интеллигенция буквально толкует студентам текст Конституции РФ, вслед за ним утверждая, что Россия является демократическим, правовым государством, где права человека являются высшей ценностью. Гражданская интеллигенция обращает внимание студентов, что нормы Конституции РФ рисуют идеалы далекого будущего, за которые еще следует долго бороться. Конституция РФ обязывает всех субъектов права делать все возможное для движения страны по пути демократии и защиты прав человека. Всякий честный человек понимает, что заставить всех уважать права человека в современной России невозможно. Указывая студентам на политику государства по ограничению прав человека, преподаватель может определить основные задачи в борьбе за будущее России. Студенты должны понимать, насколько трудно достичь поставленной в Конституции РФ (ст. 2) цели и какими путями можно к ней идти.

В глазах служилой интеллигенции решения Конституционного Суда РФ обладают высшим авторитетом. Она считает судей Конституционного Суда носителями высшей конституционной мудрости. Гражданская интеллигенция видит зависимость Конституционного Суда РФ от верховной власти и показывает студентам, что судьи этого суда не всегда могут защитить Конституцию РФ. Они вынуждены признавать не противоречащими Конституции явно неконституционные законы, посягающие на демократию и республику [16. С. 2–8].

Видный отечественный государствовед В. Е. Чиркин пишет: «Именно законодательство государства определяет основы организации и деятельности общественных и иных объединений… На основе такого законодательства общественные и иные объединения обладают внутренним самоуправлением, свободой деятельности в соответствии со своими уставными целями» [17. С. 80–81]. Гражданская интеллигенция не соглашается с этой позицией и доказывает, что государство не имеет права принимать законы, ограничивающие свободу слова, свободу объеди-

нений, свободу собираться мирно и обращаться в органы государственной власти и к должностным лицам. Свобода означает общедозволительный тип правового регулирования поведения граждан. Они могут делать все, что им вздумается, за исключением действий, явно посягающих на иные конституционные ценности. Ограничение их действий должно быть предусмотрено не регулятивными нормами права, определяющими рамки поведения, а охранительными нормами, формулирующими составы правонарушения и санкции за их совершение. Не должно быть никаких законов о средствах массовой информации, о партиях, о порядке реализации свободы собираться мирно. Само наличие таких законов устраняет свободу и вводит право на определенные действия, разрешенные бюрократией. Могут быть законы об обязанностях и запретах для государственных органов и их должностных лиц, вступающих в отношения со средствами массовой информации, с партиями, обеспечивающими безопасность собраний граждан.

7. Гражданская интеллигенция признает, что в случае захвата власти в стране одним лицом или партией и в отсутствие законных средств возврата к республике и демократии народ имеет право на такую крайнюю форму защиты свободы, как восстание. Примеры свержения диктатур в Португалии (1974), на Филиппинах (1986), в Румынии (1989), декоммунизация в странах Восточной Европы (1989–1991) показали эффективность так называемых «цветных революций».

Старая интеллигенция проповедует идеи покорности. Она не допускает и мысли об общественном неповиновении**,** призывает защищать свои права через суд, несмотря на то что суд стоит на стороне захватчика власти и подчас выступает как орган репрессий.

8. Очень часто преподавание прав человека в России передается кафедрам международного права. Члены этих кафедр улавливают антизападный дух внешней политики российского руководства и передают его студентам. Автор статьи был сам свидетелем того, как представители одной из кафедр международного права обсуждали вопрос о мерах, позволяющих пресечь поток обращений российских граждан в Европейский суд по правам человека. Людям, недовольным нарушениями прав человека в России, они советовали убираться вон из страны.

Открытые или скрытые противники прав человека среди преподавателей международного права отказываются признать правосубъектность человека в международных отношениях. Представители гражданской интеллигенции считают человека полноправным субъектом международного права, который имеет право на международную защиту от посягательств на его права со стороны своего государства. Права человека они ставят выше суверенитета государства и оправдывают вмешательство во внутренние дела тех государств, которые отказываются признавать верховенство прав человека, вплоть до военного свержения тех или иных диктаторов (например, в Ираке, Ливии и Сирии).

Большинство преподавателей прав человека в современной России относится к группе старой служилой интеллигенции. Гражданская интеллигенция в России является фактически маргинальной. На основании этого можно сделать вывод, что в ближайшие годы Россия не воспримет западные ценности прав человека, несмотря на то что они зафиксированы в Конституции РФ. Культура административного общества будет оставаться господствующей.

Литература

1. Денисов С. А. Административное общество. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.

2. Стратегия-31 // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%F2%F0%E0%F2%E5%E3%E8%FF-31 (дата обращения: 25 июля 2013 г.).

3. Пушкин А. С. Борис Годунов // Пушкин А. С. Избранные сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1978.

4. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М. : Норма, 2011.

5. Правовое сознание и правовая идентичность в контексте реализации прав человека // Защита материальных и нематериальных благ: публично-правовые и частноправовые аспекты : материалы III ежегодного Междунар. науч.-практ. семинара (Иваново, 25–26 сентября 2009 г.). – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2010.

6. Лукашева Е. А. Европейские модели социального качества: параметры модернизации социального государства // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. – М. : РАП, 2010.

7. Бывальцева С. Г. Защита прав граждан: взаимодействие прокуратуры и суда // Российская юстиция и права человека на современном этапе развития права : материалы IX Межрегиональной научно-практической конференции Института юстиции Уральской государственной юридической академии (Екатеринбург, 24–26 ноября 2010 г.). – Екатеринбург : ИД «Уральская государственная юридическая академия», 2010.

8. Мурунова А. В. Права человека и национальные ментальные правовые стандарты // Кутафинские чтения : материалы IV Международной научно-практической конференции. Секция теории государства и права, философии права: сб. тезисов. – М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2012.

9. Бернацкий Г. Г. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» под углом философской критики // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. – М. : РАП, 2010.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 февраля 2005 г. № 1-П (п. 2 установочной части) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 6. – Ст. 491.

11. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ : ФЗ от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 29 декабря.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : ФЗ от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 23 июля.

13. Денисов С. А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 6.

14. Денисов С. А. Имитация конституционного строя в России // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 10.

15. Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США : политико-правовой комментарий. – М. : Международные отношения, 1985.

16. Денисов С. А. Защита Конституционным Судом РФ принципов демократии и республики // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 12.

17. Чиркин В. Е. Гражданское общество, государство и социально-экономические права (элементы взаимосвязей) // Конституционные права и свободы личности в контексте взаимодействия гражданского общества и правового государства. – М. : РАП, 2010.

УДК 342.56

Егоров Константин Иванович
канд. юр. наук,
Уральский окружной военный суд,
председатель суда (г. Екатеринбург)
E-mail: PVS-ural@yandex.ru

Egorov Konstantin Ivanovich
Candidate of Law,
Presiding Judge at the Urals Regional
Military Court (Ekaterinburg)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

ENSURING RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN AS THE MAIN FUNCTION OF THE JUDICIARY

Аннотация
Статья посвящена вопросам реализации судебной власти. На основе Конституции РФ в ней рассматриваются функции и форма осуществления судебной власти и обосновывается концепция обеспечения прав и свобод человека и гражданина как основного направления деятельности судебных органов.
Ключевые слова: судебная власть; функции и форма реализации судебной власти; правосудие; права и свободы личности; государственно-правовой механизм обеспечения прав.

Abstract
The article is devoted to the implementation of the judiciary. On the basis of the Russian Constitution, it discusses the functions and forms of judicial bodies exercise and justifies the concept of human and civil rights and freedoms ensuring as the main activities of the judiciary.
Key words: the judicial power; function and shape of the judiciary; justice; rights and freedoms of the individual; a legal mechanism to enforce rights.

Вопрос о функциях судебной власти на сегодняшний день в отечественной правовой науке недостаточно разработан и является спорным. Как правильно отмечает Н. А. Колоколов, это вызвано тем, что советская юриспруденция, отвергнув теорию разделения властей, отказалась и от исследования функций судебной власти [1. С. 112].

Проанализировав различные работы современных авторов по данному вопросу, мы пришли к выводу о существовании двух точек зрения. Согласно первой из них, судебная власть выполняет совокупность различных функций, основная из которых – правосудие [2. С. 96; 3. С. 150; 4. С. 42; 5. С. 198]. Вторая точка зрения принадлежит В. А. Лазаревой. Она считает, что «единственной функцией судебной власти, как ветви власти государственной, является судебная защита прав и свобод человека и гражданина, а формой реализации судебной власти является правосудие, осуществляемое посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [6. С. 32].

С тем, что правосудие является лишь формой реализации судебной власти, можно согласиться. Однако вывод, сделанный В. А. Лазаревой относительно функции судебной власти, требует уточнения.

Действительно, права и свободы человека – основа конституционализма. Они занимают в общей шкале ценностей, как и сам человек, центральное место, составляют важнейший политико-юридический институт, выступающий мерилом достижений данного общества, показателем его зрелости, цивилизованности. В ст. 2

© Егоров К. И., 2014

Конституции РФ говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Согласно ст. 18 Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей и обеспечиваются правосудием».

Из содержания вышеприведенных конституционных норм следует, что именно обеспечение прав и свобод человека и гражданина, а не только их защита, как считает В. А. Лазарева, является важнейшим направлением деятельности государства, т. е. одной из основных его функций.

Для осуществления этой функции необходимо иметь отлаженный государственно-правовой механизм, под которым следует понимать взятую в единстве систему правовых средств, применяемых государством в целях обеспечения прав и свобод личности. Формулируя это определение, мы исходили из устоявшегося в юридической науке понятия механизма правового регулирования [7. С. 267].

В указанном определении механизма термин «обеспечение» означает деятельность различных органов государственной власти, в пределах их компетенции, с целью создания оптимальных условий для «перевода прав человека из разряда возможностей, содержащихся в действующем законодательстве, в конкретные правоотношения, блага» [8. С. 449–450]. Обеспечение включает «широкий комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера» [9. С. 257].

В юридической науке категория «обеспечение прав и свобод человека и гражданина» нередко используется в сочетании с такими понятиями, как «реализация», «охрана», «защита» и т. д. Такое сочетание этих понятий во многих случаях допустимо. Но, как правильно пишет Ю. В. Анохин, базовой категорией здесь выступает «обеспечение», так как без обеспечительных мероприятий невозможны ни реализация, ни охрана, ни защита прав и свобод личности. Соответственно реализацию, охрану и защиту необходимо рассматривать как формы выражения обеспечения прав и свобод личности [9. С. 257]. Разделяя позицию автора, полагаем, что в содержание понятия «обеспечение прав и свобод человека и гражданина» следует включать их охрану, защиту и реализацию. Поэтому в качестве элементов системы механизма обеспечения прав и свобод личности можно выделить: «механизм охраны», «механизм защиты», «механизм реализации». Будучи самостоятельными понятиями и одновременно находясь в диалектической взаимосвязи, они создают целостную структуру механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина [10. С. 8].

В зависимости от того, в каких и в скольких элементах этого механизма участвует тот или иной орган государственной власти, можно судить о его значимости и месте в системе обеспечения прав и свобод личности.

Охрана представляет собой деятельность, связанную с изданием законов, как признающих сами права и свободы личности, так и устанавливающих гарантии их реализации и защиты. Целью правоохранительной деятельности государства является установление определенного правового режима и предупреждение правонарушений. Поэтому механизм охраны прав и свобод гражданина включает не только правотворческую деятельность, но и меры по профилактике правонарушений.

Основными субъектами, осуществляющими охрану прав и свобод личности, являются правотворческие органы. К ним относятся Федеральное Собрание РФ, Президент РФ, Правительство РФ с его многочисленными структурными подразделениями, полномочными принимать решения нормативного характера, а также парламенты и исполнительные органы власти регионального уровня. Что касается судебной системы, то, даже если не брать во внимание традиционную дискуссию

о признании судебной практики в качестве источника права, следует отметить расширение полномочий судебной власти в правотворческом процессе.

Так, согласно ст. 125 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ может проверить и признать неконституционным законодательный акт или его отдельные положения. В этом случае акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу и не подлежат применению. Аналогичные полномочия в отношении подзаконных нормативно-правовых актов имеются у судов общей юрисдикции (ч. 3, 4 ст. 253 ГПК РФ) и арбитражных судов (ч. 5 ст. 195 АПК РФ). Такая деятельность, на наш взгляд, имеет правотворческий характер, что предопределяется последствиями, закрепленными в указанных процессуальных нормах (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, ч. 3, 4 ст. 253 ГПК РФ, ч. 5 ст. 195 АПК РФ).

Как отмечает А. С. Мордовец, проверка закона на конституционность – главное средство охраны прав и свобод личности. Необходимы меры, которые обеспечили бы постоянную критику законов. Это возможно только при наличии соответствующих институтов [10. С. 24]. Таковым и выступает судебная система.

Защита прав – это деятельность, осуществляемая компетентными органами и должностными лицами в рамках их законных полномочий, в случаях нарушений прав и свобод личности, с целью их восстановления и наказания виновного правонарушителя. Механизм правовой защиты включает меры по восстановлению нарушенных прав и меры ответственности лица, которое совершило эти правонарушения.

Защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституций Российской Федерации возложена на судебные органы.

Правосудие – эффективное, решающее средство защиты прав и свобод личности. Именно эта идея положена в основу ст. 46 Конституции РФ, которая устанавливает: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

В процессе правозащитной деятельности суды разрешают правовые конфликты, споры между участниками общественных отношений на основе конституции и закона; осуществляют проверку законности решений и действий различных государственных органов, должностных лиц; восстанавливают нарушенные права и свободы граждан; применяют меры наказания за содеянные правонарушения на основе закона и в установленном порядке.

Поэтому, несомненно, суд – основной правозащитный орган государства. По мнению Н. В. Витрука, все иные органы государственной власти «работают на правосудие, обслуживают его», и их защитительная деятельность получает окончательную оценку в суде с позиций права, Конституции, закона (конституционности, законности, обоснованности и справедливости) [11. С. 156–157].

Реализация прав и свобод – это не только закрепление за гражданином точно очерченного и вполне конкретного права или свободы, но и сама материализация этого права или свободы, действительное получение этим гражданином того блага, которое составляет их содержание.

Практическое значение реализации прав и свобод состоит в том, что именно в процессе их использования права и свободы граждан обретают реальность, обеспечивают гражданам, которые этими правами и свободами обладают, возможность удовлетворения собственных и иных потребностей и интересов [11. С. 139].

В то же время права и свободы не могут быть абсолютными, они имеют определенные рамки, которые устанавливает государство. Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ установлено: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Суть ограничения прав, как пишет А. С. Мордовец, состоит в побуждении индивидов к соци-

ально полезному поведению, с одной стороны, и сдерживанию социально вредного поведения – с другой [10. С. 16]. Анализ отдельных постановлений Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод, что ограничение прав сопряжено с препятствиями их реализации [12].

Поэтому в механизм реализации прав и свобод необходимо включать как меры по созданию условий для их реального использования, так и меры по их ограничению.

Согласно Конституции РФ применение правовых ограничений отдельных конституционных прав и свобод, таких как право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 2 ст. 22), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23), право на неприкосновенность жилища (ст. 25) право на неприкосновенность собственности (ч. 3 ст. 35), возможно только судом, на основании его решения.

Как выше отмечалось, роль главного субъекта в правообеспечительном механизме выполняет государство, во взаимосвязи всех его ветвей власти. Однако вышеприведенный анализ всех элементов государственно-правового механизма показывает, что наиболее весомо в нем представлена судебная власть. Это делает ее центральным звеном в системе обеспечения прав и свобод личности. Поэтому в обеспечении прав и свобод человека и гражданина мы видим назначение судебной власти, ее основную функцию.

Литература

1. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. – М. : Юрист, 2007 // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – Разд. : Постатейные комментарии и книги. – URL: http://www.consultant.ru/

2. Ржевский В. А., Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. – М., 1998.

3. Скитович В. В. Судебная власть как системное образование // Правоведение. – 1997. – № 1.

4. Правоохранительные органы РФ / под ред. В. П. Божьева. – М., 1996.

5. Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России. История и современность : сб. статей. – Самара, 1999.

6. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара, 1999.

7. Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. – М., 2008.

8. Корнеев А. В. Государство, право, личность // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М., 2000.

9. Анохин Ю. В. О формах обеспечения прав и свобод личности // Ползуновский вестник. – 2005. – № 1.

10. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина : автореф. дис. … д-ра юр. наук. – Саратов, 1997.

11. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М. : Норма, 2008.

12. Постановления Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. №18-П // СЗ РФ. – 2004. – № 51. – Ст. 5260; от 1 февраля 2005 г. №1-П // СЗ РФ. – 2005. – № 6. – Ст. 491; от 16 февраля 2007 г. №11-П // СЗ РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3988.

УДК 347

Еникеев Евгений Владимирович
автолюбитель и заявитель в ЕСПЧ
о нарушении права на суд ч. 2 ст. 333 ГПК
(г. Москва)
E-mail: evgeny@enikeev.me

Yenikeyev Yevgeniy Vladimirovich
Car Owner, European Court of Human Rights
Complainant on the Right to a Fair Trial Violence,
part 2 Article 333 of RF Code of Civil Procedure
(Moscow)

Бурков Антон Леонидович
представитель Евгения Еникеева,
доктор права (Кембридж), канд. юр. наук,
магистр права (Эссекс), заведующий кафедрой
Европейского права и сравнительного
правоведения, НОУВПО Гуманитарный
университет (г. Екатеринбург)
E-mail: ab636@cantab.net

Burkov Anton Leonidovich
Yevgeniy Yenikeyev's Representative,
PhD in Law (Cambridge), Candidate of Law,
Master of Law (Essex),
Head of European Law and Comparative Law
Chair, Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ СУДИЛИ

THE ABSENT PARTY'S FATE IS GREAT

Аннотация
В статье освещается практика рассмотрения частных жалоб без участия заявителя в результате применения ст. 333 Гражданского процессуального кодекса России на примере оспаривания постановления Правительства России. Анализируется соответствие вышеупомянутой нормы нормативным актам большей юридической силы – Конституции России и Конвенции о защите прав человека и основных свобод.
Ключевые слова: оспаривание актов правительства; ст. 333 ГПК РФ; апелляционное производство; справедливое судебное разбирательство.

Abstract
The article speaks about practice of examining claims without the participation of the applicant, procedure of consideration of applications under Part 2 of Article 333 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. Authors use examples of challenging government regulations and analyze compliance of Part 2 of Article 333 with the Constitution of Russia and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms.
Key words: challenging normative acts of the government; Article 333 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation; appeal; fair trial.

Введение апелляции привело к рассмотрению судами заявлений граждан о признании незаконными действий органов власти без участия граждан. Европейский союз и Совет Европы согласовали с законодателем такое нововведение, потратив на это €1 600 000.

Реформа судебной системы, инициатором которой был тогдашний Президент России Дмитрий Медведев, принесла новый инструмент обжалования решений судов первой инстанции – апелляцию. «Российская газета» так описала отличие апелляции от ранее существовавшей кассации: «Главное преимущество процедуры апелляций заключается в том, что сторонам будет предоставлена возможность еще раз представить суду существо дела, представить дополнительные доказательства, которые они не смогли представить в первой инстанции. Другой состав судей апелляционной инстанции исследует еще раз фактические обстоятельства дела и вынесет свое решение» («Российская газета», спецвыпуск «Европейский союз». – 2011. – № 5499 (123). – 24 июня. – URL: http://www.rg.ru/2011/06/09/apella

© Еникеев Е. В., Бурков А. Л., 2014

cia.html). Реформа была направлена на укрепление права граждан на справедливое судебное разбирательство. Но в результате получили рассмотрение дел в отсутствие граждан.

Действительно, апелляция работает в изложении «Российской газеты», но только если дело рассматривается по существу, т. е. состоялось слушание по делу и судья первой инстанции вынес какое-либо решение по делу. Но далеко не всегда суд даже принимает заявления граждан к рассмотрению по существу. Суд уполномочен отказать в принятии заявления, что равнозначно отказу в удовлетворении заявления. Определение об отказе в принятии заявления судья принимает единолично, в своем кабинете, даже не надевая мантию и не объявляя судебное заседание открытым. Частная жалоба на определение рассматривается в апелляционном порядке тремя судьями без участия заявителя.

Такой порядок закреплен в ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса России, согласно которой слушания дел по обжалованию определений судов первой инстанции (лишь с некоторыми исключениями) проводятся без извещения лиц, участвующих в деле.

Примером такого развития событий является рассмотрение заявления Евгения Еникеева об оспаривании в Верховном Суде Российской Федерации п. 12 Правил сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений, утвержденных Правительством России. Автолюбитель не согласился с пунктом Правил, согласно которому он, утратив (потерял, украли, испортил) водительское удостоверение, сможет получить дубликат документа только по месту регистрации (по месту жительства) (правило «прописки»). Исключение составляет только та категория граждан, которая нигде не зарегистрирована, в народе называется – БОМЖи.

Верховный Суд России отказался рассматривать заявление потерявшего водительское удостоверение Евгения на том основании, что законность данного нормативно-правового акта уже была проверена в ходе рассмотрения подобного заявления в Верховном Суде в 2007 году. Которое, кстати, нигде не было опубликовано: на сайте Верховного Суда России оно появилось лишь после подачи Евгением частной жалобы. Евгений просил суд апелляционной инстанции ознакомить его с материалами дела 2007 года, чтобы убедиться, что такое дело действительно есть и что основания оспаривания идентичны.

Для этого Евгений и его представитель явились в судебное заседание, узнав на сайте Верховного Суда дату и место заседания. На слушании по апелляции судья-докладчик пересказал текст частной жалобы, а затем объявил, что суд удаляется для вынесения решения. Через две минуты трое судей вернулись из совещательной комнаты и огласили определение об отказе в удовлетворении частной жалобы. На вопрос представителя Евгения, адресованного судьям: «Уважаемый суд, а почему вы не заслушали стороны? Ведь это определение препятствует дальнейшему движению дела», – судья-докладчик пояснила: «Потому что мы вас не должны слушать: ст. 333 Гражданского процессуального кодекса. И мы вас не вызывали, не извещали вас». Суд провел слушания, не допустив заявителя и его представителя к участию в слушании, не выслушав их доводы, несмотря на то что они явились и присутствовали в судебном заседании.

Таким образом, заявление гражданина (или юридического лица) в суде и первой, и второй инстанции разрешается без заявителя, т. е. самого заинтересованого лица. Суд не предоставит возможности предъявить дополнительные доказательства и доводы, которые могут иметь решающую роль для разрешения спора.

Случай применения данного положения Гражданского процессуального кодекса не единичен. Граждане, столкнувшись с отправлением правосудия без их участия, оспорили ст. 333 в Конституционный Суд, который 30 ноября 2012 года

решил, что оспариваемая статья не противоречит Конституции РФ, и лишь незначительно расширил основания для обязательного извещения сторон по делу и наделил судей правом по своему желанию вызывать в судебное заседание стороны дела. В марте этого года в Государственную думу был внесен соответствующий законопроект, который приводит ст. 333 Гражданского процессуального кодекса в соответствие с решением Конституционного Суда. Первое чтение данного законопроекта состоялось 11 июня 2013. Как показывает рассмотрение частной жалобы Евгения, состоявшегося 4 июня 2013 года, практика Верховного Суда осталась прежней: заявителей не вызывают, а явившихся не допускают в судебное заседание. Налицо полный иммунитет государства от несогласных граждан.

Таким образом, намечается определенная опасная тенденция рассмотрения дел по оспариванию не только нормативно-правовых актов, но и любых действий органов власти, что затрагивает миллионы граждан нашей страны, чьи заявления по жалобам на акты правительства будут рассматривать без их участия, нарушая одно из главных прав человека, закрепленное Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод – право на справедливое судебное разбирательство. Интересно, что заявление о восстановлении срока на подачу частной жалобы рассматривается с обязательным извещением сторон.

Но опаснее всего то, что содержание ст. 333 Гражданского процессуального кодекса было согласовано с Советом Европы, чей документ – Конвенцию о защите прав человека и основных свобод – Россия ратифицировала в 1998 году. Конвенция закрепляет гарантии того, что иски граждан могут рассматриваться только с их участием. Дело в том, что, по информации из той же статьи в «Российской газете», «Европейский союз совместно с Советом Европы в рамках Программы сотрудничества с Правовым управлением администрации Президента России, Верховным судом и Прокуратурой в 2011 году оказал помощь России в том, как наиболее эффективно использовать вновь создаваемую апелляционную инстанцию и избавиться от недостатков судебной системы. Договор о сотрудничестве России с Европейским союзом в этом направлении был подписан в начале 2011 года. Исполнителем проекта был назначен Совет Европы, так как эта международная организация обладает наибольшим опытом в сфере защиты прав человека. На осуществление проекта потрачено полтора миллиона евро со стороны Евросоюза и еще сто тысяч от Совета Европы».

Внутренние средства защиты права на справедливое судебное разбирательство исчерпаны. Ничего другого Евгению и другим пострадавшим заявителям не остается, как в Европейском суде по правам человека доказать незаконность состоявшейся реформы. Насколько Евросуд независим от согласовавшего отмену права на справедливый суд в России Совета Европы, покажет практика (жалоба в Евросуд готова – любой пострадавший может присоединиться, http://sutyajnik.ru/documents/4617.html). Пока же инициировавший введение апелляции ныне Председатель Правительства обладает иммунитетом от заявления Евгения оспорить в суде Постановление Правительства и получить дубликат водительского удостоверения там, где удобно ему, а не ГИБДД.

УДК 378:342

Крылатова Ирина Юрьевна
канд. юр. наук, старший преподаватель
кафедры конституционного права,
Уральская государственная юридическая
академия (Екатеринбург)
E-mail: irina180582@mail.ru

Krylatova Irina Yur'yevna
Candidate of Law, Senior Lecturer
at the Chair of Constitutional Law,
The Urals State Law Academy (Ekaterinburg)

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РФ

PROBLEMS AND GOALS OF HUMAN RIGHT STUDIES IN RUSSIA

Аннотация
В статье раскрываются исторические этапы преподавания прав человека, анализируются нормативно-правовые акты, связанные с методикой и сущностью обучения правам человека у студентов вузов. Автор выделяет несколько основных проблемных зон в подаче материала: место спецкурсов по правам в программе иных учебных дисциплин, уровень подготовки студентов и педагогов, а также ожидаемые результаты.
Ключевые слова: права человека; механизм защиты прав; механизм реализации прав; методика преподавания прав человека; юридические дисциплины в вузах.

Abstract
The article contains a classification of historical periods of human rights studies in Russia, legal and methodological analysis of human rights tuition in law universities. The author focuses on such problems as the role of human rights courses among other law courses, teachers' and students' knowledge and outcomes of studies.
Key words: human rights; the mechanism of human rights defense; the mechanism of human rights implementation; teaching human rights; Law courses in universities.

За последние 10 лет технология обучения правам человека и ее реализация претерпели значительные изменения. Они коснулись тематики материала и его подачи.

Новый образовательный стандарт (Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 04.05.2010 № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» (Приказ № 464) и Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14.12.2010 № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» (Приказ № 1763)) ввел достаточно четкие критерии оценки знаний, навыков и умений студентов высших учебных заведений по специальности «юриспруденция». С одной стороны, преподаватель стал несколько ограничен в методах преподавания прав человека, а с другой – четче задан ожидаемый результат.

С момента принятия Конституции Российской Федерации 1993 года прошло 20 лет. Представляется, что за данный период обучение правам человека прошло несколько исторических этапов.

© Крылатова И. Ю., 2014

Первый, или начальный, этап (90-е годы) был связан с правовым просвещением студентов, оно носило больше описательный характер. Установление новых правовых режимов, новых институтов, не всегда ясных для студента, требовало от преподавателя обладания навыками обзорных лекций и детального разъяснения новых правовых явлений (в том числе объяснения сущности прав человека).

Второй этап обучения правам человека (рубеж XX–XXI вв.) характеризуется сменой методики преподавания данного предмета. Акцент делался на глубоких дискуссионных вопросах сущности прав человека. Педагоги, переосмысливая накопленный опыт (в том числе опыт международных стажировок), преодолевали определенный нигилизм студентов по отношению к предмету. В отдельных случаях даже правовой инфантилизм.

И наконец, третий этап, начавшийся с «нулевых» годов и продолжающийся по настоящее время, связан с повышенным интересом не столько к сущности прав человека, сколько к технологии защиты этих прав. На первое место выходит попытка студентов освоить принцип работы механизма реализации и защиты прав. Предпринимается попытка со стороны преподавателей более детального системного анализа эффективности различных способов защиты и реализации, а также их имплементации.

Трудности в смене востребованной тематики заключаются в том, что обучению основам механизма реализации и защиты прав человека предшествует освоение студентом базовых правовых дисциплин по теории права, а также курсов конституционного, международного, административного права. К сожалению, студенты не всегда успевают пройти заявленные дисциплины перед началом обучения по спецкурсу по правам человека. Как следствие, возникают трудности как у преподавателя, так и у студента с определением прав человека, усвоением структуры механизма реализации и механизма защиты прав человека, их признаков и различий.

К примеру, не совсем ясно, какой концепции прав человека необходимо придерживаться:

- «вертикальной», или «правозащитной» (т. е. рассмотрение прав человека через призму защиты индивидов от государственной власти) [2. С. 7];

- «горизонтальной» (т. е. акцентирование внимания на складывающихся в процессе применения права межличностных отношениях) [3. С. 23];

- «классической», «теоретической» (т. е. рассмотрение права человека как меры возможного поведения индивида) [1. С. 142].

Выбор той или иной концепции существенно влияет на дальнейшее выстраивание лекционного материала и модулирование практических занятий по механизму реализации и защиты прав. В связи с этим, возможно, следует более четко определиться в профессиональной среде с тем, на какую из перечисленных трех теорий следует обращать приоритетное внимание.

Следующий проблемный момент заключается в том, что в отдельных случаях студенты не могут провести параллели между правами и обязанностями, гарантиями и ограничениями прав человека. Незнание студентами структуры государственных органов ведет к непониманию системы функционирования механизма. Отсутствие интереса к событиям, нарушениям прав человека, освещаемым в средствах массовой информации, приводит к индифферентному восприятию материала. Ограниченность правовых баз, выложенных в Интернете, способствует тому, что студенты не следят за последними актуальными изменениями в законодательстве и судебной практике. Все сказанное в совокупности ухудшает качество восприятия учебного материала и способствует переосмыслению методов обучения.

Востребованная тематика механизма реализации и защиты прав человека ставит определенные задачи перед преподавателем. Среди наиболее актуальных

можно выделить подачу материала. Вышеуказанный образовательный стандарт диктует определенную методику, которой должен придерживаться преподаватель. Согласно п. 7.3 Приказа № 464 и п. 7.3 Приказа № 1763 реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (семинары в диалоговом режиме, компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги, групповые дискуссии, игровой судебный процесс и др.) в сочетании с внеаудиторной работой.

В связи с использованием данных методик возникает вопрос острой нехватки времени. Как правило, на спецкурсы по правам человека отводится в среднем от 20 до 40 академических часов, в отдельных случаях эта цифра может как уменьшаться, так и увеличиваться. Мозговой штурм или разбор конкретной ситуации предполагает временные затраты от 20 до 40 минут в зависимости от обсуждения результатов штурма и подведения итогов. Типичный сюжет ролевой игры или игрового судебного процесса составляет от 40 до 80 минут, при этом он «заточен» на конкретную ситуацию, связанную с нарушением или реализацией прав. Вторая проблема, возникающая у преподавателя, использующего указанные методики, – количественная проблема студентов. Перечисленные в стандарте методики неплохо работают на аудиторию в 15–30 человек и совсем непригодны для большей аудитории, так как теряется зрительный, эмоциональный контакт со студентами. Можно с уверенностью утверждать, что без эмоциональной составляющей процесс обучения механизму защиту прав человека не будет успешным. В отличие от других юридических дисциплин, сфокусированных на теоретических основах прав, спецкурсы по правам человека имеют, скорее, практический характер. В аудиторию приходит более подготовленный студент, имеющий представление об основах права и зачастую прошедший курсы теории государства и права, а также конституционного права. Студент приходит за практическими навыками, умениями в деле защиты своих прав, с требованием рассказать технологию.

Попытка решить временную и количественную проблему предпринята в образовательном стандарте: с одной стороны, увеличено число часов практических занятий (до 60–80 % п. 7.3 Приказа № 464 и п. 7.3 Приказа № 1763), с другой – указано, что не менее 5 % преподавателей вузов должны иметь опыт практической работы (п. 7.17 Приказа № 464 и п. 7.17 Приказа № 1763).

Вместе с тем представляется, что необходимо значительно (в два раза – до 40–80 часов) увеличить количество аудиторных лекционных часов, отводимых на данный спецкурс. Дополнительные часы позволят педагогу более детально раскрыть студенту схемы защиты отдельных прав, которые впоследствии могут быть отточены на практических занятиях в малых группах с использованием актуальных примеров. Включение данного спецкурса в обязательную часть образовательной программы будет способствовать формированию активной жизненной позиции студентов по отстаиванию своих прав и, как следствие, укреплению гражданского общества в Российской Федерации.

Следующая проблема подачи материала по правам человека связана с использованием мультимедийного оборудования. Во-первых, возникает острая нехватка преподавательских кадров, владеющих данной методикой. Во-вторых, к сожалению, не все педагоги владеют технологией размещения текста и информации на слайдах. В-третьих, у студентов, в массе своей, отсутствует культура восприятия учебной информации через power-point. В данном вопросе существует определенный прогресс: растет число преподавателей, осваивающих новые технологии. Вместе с тем представляется, что следует предпринять попытку популяризации мультимедийных презентаций, используя накопленный опыт зарубежных университетов, представленный на сайтах www.coursera.org, www.edx.org и др.

Таким образом, преподавание прав человека в России в высших учебных заведениях юридического профиля набирает популярность. Возросший интерес студентов-юристов к спецкурсам по правам человека стимулирует совершенствование сути учебного материала и технологии его подачи. Отклик Министерства образования и науки Российской Федерации на сложившуюся проблематику позволил более четко обозначить задачи преподавания прав человека и определить рамки методики. Вместе с тем, как и любой процесс обучения, обучение правам человека и механизму их реализации и защиты требует дальнейшего совершенствования.

Литература

1. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010.

2. Новицки М. Права человека: что входит, а что не входит в это понятие? – Варшава : Хельсинкский Фонд по правам человека, 2005.

3. Осятыньский В. Права человека в перспективе XXI века. – Варшава : Хельсинкский Фонд по правам человека, 2002.

УДК 341

Термачич Татьяна
руководитель Отдела содействия соблюдению прав человека на национальном уровне, Генеральный директорат по правам человека и верховенству права, Совет Европы (Страсбург, Франция)
E-mail: tatiana.termacic@coe.int

Termacic Tatiana
Head of National Human Rights Support Unit, Directorate General for Human Rights and the Rule of Law, the Council of Europe, (Strasburg, France)

РОЛЬ СОВЕТА ЕВРОПЫ – «ПРИНЕСТИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ДОМОЙ»

THE COUNCIL OF EUROPE ROLE: «BRINGING HUMAN RIGHTS HOME»

Аннотация
Обучение правам человека – это непрерывный путь, который должен начинаться в школе, продолжаться в университете и затем осуществляться в рамках профессиональной карьеры. Этот путь универсален, поскольку, для того чтобы стать реальностью для всех, находящихся под юрисдикцией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, права человека должны быть эффективно защищены и реализованы прежде всего на национальном уровне. Вот что имеется в виду под «принесением прав человека домой». Статья посвящена усилиям Совета Европы по поддержке государств-членов в обеспечении на национальном уровне прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека. Эта поддержка осуществляется через развитие знаний и практических навыков среди юристов, а в будущем целевой аудиторией также могут стать юридические факультеты.
Ключевые слова: обучение; Совет Европы; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; программа ХЭЛП.

Abstract
Human rights education is an uninterrupted journey that should start in school, continue at university and throughout a professional career. This journey is indispensable because in order to be a reality for all those within the jurisdiction of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, human rights have to be effectively protected and implemented first and foremost at the national level. This is what is meant by «bringing human rights home». This article focused on the Council of Europe's efforts to support its member states in ensuring that the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is applied at the national level. This support is done through capacity development, mainly for legal professionals, and in the future, law faculties may be targeted as well.
Key words: teaching; Council of Europe; Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; HELP program.

Обучение правам человека является непрерывным путешествием, которое начинается со школьной скамьи, продолжается в университете и проходит через всю профессиональную карьеру. И это неизбежно, поскольку права человека, находящиеся под юрисдикцией Конвенции о защите прав человека и основных свобод, должны эффективно защищаться и реализовываться прежде всего на национальном уровне. Это то, что называется «принести права человека домой».

Для достижения эффективной реализации прав человека на национальном уровне необходимо, чтобы лица, ответственные за соблюдение прав человека, бы-

© Термачич Т., 2014
© Чуркина Л. М., Бурков А. Л., перевод, 2014

ли не только знакомы с европейскими стандартами прав человека, но также знали, как их применять в конкретных ситуациях. Особенно это касается правоприменителей: судей, юристов, прокуроров, правоохранительных органов и органов власти в целом. Поэтому важным фактором является хорошая подготовка правоприменителей в отношении соблюдения стандартов прав человека в национальных процессах.

Хотя национальные власти сами несут ответственность за «принесение прав человека домой», в частности посредством соответствующего образования и обучения правам человека, но с учетом субсидиарного характера надзорного механизма, предусмотренного Конвенцией, Совет Европы оказывает содействие государствам-членам в реализации их обязательств посредством стандартов, установленных в данной сфере и, что еще важнее, посредством сотрудничества.

Первым документом стала Рекомендация Комитета Министров CM (2004) 4 «Об изучении Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в университетах и учреждениях профессионального образования», которая призывает государства – члены Совета Европы создать постоянно действующие образовательные структуры, в которых в учебный план будут включены курсы по правам человека. Также государства призывают включить Конвенцию и прецедентное право ЕСПЧ в курс обучения на юридических, политологических факультетах, факультетах управления, в подготовительные экзаменационные программы для поступления на юридические факультеты и в программы подготовки судей, прокуроров и адвокатов, а также сотрудников правоохранительных органов и иммиграционных служб.

Вышеуказанный документ положил начало разработке Европейской программы по обучению правам человека для юристов (программа «ХЭЛП»), которая направлена на высококачественное обучение правам человека и отвечает специальным потребностям каждой категории представителей юридической профессиии (судьи, прокуроры или юристы). Программа стала платформой для развития потенциала прав человека посредством проведения мероприятий Советом Европы.

С момента принятия Рекомендации произошли некоторые изменения. Так, например, все члены Совета Европы имеют в настоящее время постоянно действующие курсы подготовки для судей и прокуроров. Также были разработаны новые методы для обучения взрослых лиц, в частности основанные на принципе заочной формы обучения. Но остались и некоторые проблемы, которые, в том числе, связаны с отсутствием обязательного курса повышения квалификации для адвокатов и недостаточно «сквозным» подходом к обучению юристов правам человека.

В связи с данными изменениями и переходом к новым методам обучения, таким как дистанционное образование, Комитет Министров принял решение вновь обратиться к данной Рекомендации в 2015 г. либо посредством внесения изменений, либо посредством разработки методических рекомендаций по обучению юристов правам человека.

Новый документ будет содержать способы обучения судей, юристов и прокуроров, могущие обеспечить исполнение параграфа 9.vi. Брайтонской декларации. В дальнейшем может быть создан механизм для самоконтроля национальными образовательными учреждениями и адвокатским сообществом соблюдения их обязательств по обеспечению надлежащего качества в обучении правам человека.

Вторым важным документом стала Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека, утвержденная в рамках Рекомендации Комитета Министров CM/Rec (2010) 7, которая была разработана после многолетних консультаций. Хартия содержит соответствующие определения, указывает на задачи и принципы, описывает соответствующие меры (начиная с разработки, поддержки учебной программы, анализа и обу-

чения преподавателей демократическому управлению образовательными учреждениями, исследования и оценки). Хартия направлена на поддержку культуры демократии и прав человека через обучение, которое включает (но не исчерпывает) передачу знаний (например, о механизмах и стандартах прав человека). Так, обсуждение в классе темы, как обращаться с детьми из неблагополучных семей, может оказать более важное влияние на чье-либо понимание прав человека, чем формальная лекция по данной тематике.

В 2012 г. Совет Европы, на основании результатов опросника, представленных правительствами, проанализировал ситуацию с выполнением Хартии в государствах-членах. Были сделаны следующие выводы: в странах знают Хартию и понимают ее цель и важность; в разных странах по-разному поддерживают и продвигают НКО, молодежные организации и других заинтересованных лиц; оказывается некоторая поддержка, принимаются меры по оценке, анализу и мониторингу гражданственности и обучения правам человека. Следующий этап оценки процесса выполнения Хартии запланирован на 2017 г. Совет Европы также поддерживает выполнение Хартии при сотрудничестве с Европейским союзом посредством реализации пилотного проекта, в котором могут участвовать от двух до пяти государств – членов Европейской культурной конвенции. В 2013 г. в таком проекте приняли участие 11 государств (включая Россию). Проект направлен на подготовку преподавателей, разработку учебной программы и развитие навыков поддержки социального единства, оценку разнообразия и урегулирование противоречий и конфликтов. Сеть координаторов программы по обучению демократической гражданственности и правам человека, которые официально назначены государствами для взаимодействия с Советом Европы, также является важным средством поддержки выполнения Хартии на национальном уровне, в частности через реформу школьной программы обучения.

В настоящее время очевидно, что существует пропасть между начальным образованием и профессиональным обучением, поскольку Совет Европы не часто привлекают к наблюдению за тем, как права человека преподаются в средней школе и университетах. К счастью, ситуация начала меняться с момента реализации Директоратом по образованию последнего проекта, направленного на ознакомление европейских школьников с основными принципами прав человека и способами их применения на практике.

Требования к университетам также постоянно растут, поскольку очевидно, что даже хорошей первоначальной профессиональной подготовки часто бывает недостаточно для того, чтобы юристы или сотрудники правоохранительных органов задумывались о правах человека, если они не прошли соответствующей подготовки в университете.

Естественно, что включение Конвенции в полном объеме в учебные программы юридических факультетов ожидается не только в качестве отдельного предмета, но и как элемента каждой правовой дисциплины, такой как уголовное или гражданское право, чтобы студенты, независимо от их специализации, знали после окончания вуза о применении Конвенции в своей сфере.

Специализация по правам человека в послевузовском образовании до сих пор мало распространена, и инициативу по созданию такой магистратуры в Екатеринбурге можно только приветствовать. Учитывая масштаб Российской Федерации и развитие новых методов обучения, дистанционное обучение в рамках магистерской программы можно считать приемлемым способом.

Усиление сотрудничества Совета Европы с некоторыми европейскими университетами, такими как Европейский межуниверситетский центр и Венецианский международный университет, является предметом обсуждения, но существуют и уже устоявшиеся взаимоотношения. В качестве примера можно привести

проведение учебных судебных процессов в Страсбурге, который организует, в частности, Международный институт прав человека им. Рене Кассена. Юридический факультет Университета Глазго сотрудничал с Советом Европы в течение 20 лет. Лучшие студенты курса по правам человека ежегодно участвовали в учебных судебных процессах в Страсбурге. К сожалению, из-за финансовых трудностей пришлось приостановить некоторые основные программы. Еще одним примером может служить программа права и практики прав человека, которая реализовывалась Бирмингемским университетом в течение 20 лет, в результате было подготовлено более 300 специалистов из Центральной и Восточной Европы, которые позже внесли значительный вклад в процесс соблюдения прав человека по всей Европе, работая в министерствах юстиции в качестве судей Европейского суда по правам человека, представителей правительств в этом органе или ведущих юристов.

В этом контексте вызывают интерес результаты оценки уровня обучения правам человека на юридических факультетах в Европе, проводившейся сотрудниками Института «Открытое общество» (София), при финансовой поддержке Правительства Норвегии в рамках программы прав человека и демократического развития.

Необходимо затронуть тему профессиональной подготовки юристов, непосредственно связанную с Брайтонской декларацией 2012 г., в которой Высокие Договаривающиеся Стороны четко выразили свою готовность «обеспечить надлежащей информацией, подготовкой и повышением квалификации судей, юристов и прокуроров» (параграф 9.vi).

Разработка программы ХЭЛП, являвшаяся шагом к исполнению Рекомендации CM (2004) 4, стала основой для проведения Советом Европы мероприятий по развитию потенциала прав человека.

Необходимость в этом была связана с многочисленными проблемами, с которыми государства – члены Совета Европы сталкиваются в наши дни, включая экономический кризис. Представляется, что государства иногда используют такие проблемы как оправдание для пренебрежения своими обязательствами в области прав человека. Естественно, что это неприемлемо, и одним из способов преодоления подобной тенденции является обеспечение того, чтобы судьи, прокуроры и юристы могли формулировать и надлежащим образом применять стандарты прав человека в сложных ситуациях. Программа ХЭЛП направлена на поддержку всех представителей юридической профессии при выполнении этой жизненно важной функции.

Далее необходимо обеспечить, чтобы ограниченные (финансовые) ресурсы использовались как можно эффективнее. Это возможно только при подлинном взаимодействии. Программа ХЭЛП является платформой, в рамках которой «взаимодействие» является ключевым словом для сотрудничества.

Обучение Конвенции о защите прав человека должно рассматриваться и как обеспечение непосредственного вклада в процесс совершенствования навыков и знаний среди юристов, и как долгосрочная инвестиция для того, чтобы, в соответствии с принципом субсидиарности, уменьшить объем дел, которые в настоящее время рассматриваются Европейским судом по правам человека.

Уже более 10 лет Совет Европы осуществляет обучение Конвенции в ряде государств-членов. При этом в некоторых государствах Совет Европы был единственной структурой, проводившей такое обучение. К счастью, данная ситуация осталась в прошлом, и каждое государство-член имеет постоянно действующее образовательное учреждение, ответственное за обучение своих судей и прокуроров. Некоторые из этих национальных образовательных учреждений были созданы при поддержке Совета Европы. Все они, вместе с европейскими ассоциациями юристов и адвокатурами, являются частью сети программы ХЭЛП, которая предс-

тавляет собой платформу для обмена опытом в области обучения правам человека или конкретной имплементации стандартов по правам человека.

Несомненно, судьи, юристы и прокуроры в Европе делают некоторые ссылки на Конвенцию по правам человека в своих постановлениях, заключениях и решениях. Однако также очевидно, что очень часто Конвенция и прецедентная практика Страсбургского суда не принимаются во внимание в тех ситуациях, когда они явно применимы. Например, часто не проводится эффективное расследование случаев жестокого обращения и тщательное рассмотрение постановлений прокуроров о заключении под стражу до суда, а также дел, связанных с чрезмерной длительностью досудебного содержания под стражей.

Конечно, многим национальным судьям и прокурорам применение прецедентной практики Страсбургского суда представляется сложно осуществимым, потому что принципы толкования чужды некоторым национальным правовым традициям. Данное представление может также препятствовать применению основанных на Конвенции аргументов юристами в своих пояснениях.

Именно в связи с этой проблемой профессиональное обучение конвенционным стандартам, перевод и распространение прецедентной практики Страсбургского суда актуальны. Без этого будет очень трудно обеспечить, чтобы Конвенция и прецедентная практика учитывались национальными судами при рассмотрении дел и вынесении решений. Решение проблемы применения прецедентной практики Страсбургского суда, которая быстро и интенсивно развивается, для юристов состоит в использовании программы ХЭЛП, с помощью которой они смогут не отставать от изменений прецедентной практики Страсбургского суда.

Цель программы ХЭЛП заключается в том, чтобы обеспечить включение прав человека как обязательного элемента в первоначальную подготовку и повышение квалификации юристов, независимо от того, будет ли оно явлено в виде отдельного курса или войдет в общий курс обучения. Для этого был сформулирован большой комплект обучающих материалов, доступных всем юристам, не обязательно специализирующимся по вопросам прав человека, но испытывающим необходимость ссылаться на Конвенцию и другие международные источники в своей ежедневной работе.

Первоначально программа ХЭЛП была разработана исключительно для вопросов, связанных с Европейской конвенцией о защите прав человека. Однако со временем выяснилось, что программа принципиально связана с более узкими темами, которые раскрываются в практике Европейского суда по правам человека и входят в сферу деятельности Совета Европы. Речь идет о таких темах, как права ребенка в судебном процессе, социальные права, семейное право, меры, альтернативные содержанию под стражей, антидискриминация и свобода выражения мнения в Интернете. Курсы в рамках данных областей были или будут разработаны и проводятся совместно с соответствующими национальными образовательными учреждениями. По их итогам будут выдаваться сертификаты, подготовленные совместно с Советом Европы. Естественно, что это является стимулом для юристов.

Программа ХЭЛП использует новые формы обучения, включая новые методики, в частности принцип открытого образования, предоставляющий юристам возможность понять, что и когда они хотят изучить, чувство ответственности за получение образования и доступ к материалам для самообучения. Замысел заключается в том, чтобы развить у обучающихся сильное чувство сопричастности процессу обучения. Это делается с помощью тьюторов, которые наблюдают за участниками курсов и помогают им. Это одна из причин для использования новых технологий, таких как смешанное и дистанционное обучение, мультимедийные технологии. ХЭЛП должна восприниматься теми, кому она предназначена, как программа, которая предоставляет им свободу выбора, и руководство, которое по-

зволит улучшить качество обучения, а профессиональное совершенствование судей, адвокатов и прокуроров будет зависеть от них самих.

В настоящее время Парламентская Ассамблея Совета Европы определяет, какую роль должен играть Совет Европы в обучении юристов правам человека, с целью принять Резолюцию для государств-членов и Рекомендацию для Комитета Министров в начале 2014 г. Притом что невозможно предсказать выводы Ассамблеи, предполагается, что Совет Европы будет и в дальнейшем продолжать играть значительную роль.

В конечном итоге, Совету Европы нет необходимости «приносить права человека домой», поскольку хорошее качество подготовки должно порождать решения национальных судов, которые отражают прецедентную практику ЕСПЧ, и у государств-членов появятся возможности для обеспечения качественного обучения, благодаря наследию, оставленному программой ХЭЛП. Однако мы слишком часто наблюдаем устойчивые тенденции к вынесению решений, не соотвествующих практике ЕСПЧ. В этом четко проявляется разрыв между «хорошим» обучением и «плохими» решениями. Тому есть много разных причин, таких как неправомерное давление со стороны органов власти, влияние общественного мнения, устоявшаяся в судебной системе традиция отдавать предпочтение защите государства, а не прав человека, предубеждение в отношении членов определенных социальных групп, влияние других судей, языковые барьеры и отсутствие свежей информации в условиях постоянно развивающейся прецедентной практики.

Чем быстрее на практике будет внедрено обучение правам человека, тем раньше будут преодолены указанные трудности.

Перевод:

Чуркина Людмила Михайловна, адвокат, преподаватель кафедры Европейского права и сравнительного правоведения (Гуманитарный университет);

Бурков Антон Леонидович, канд. юр. наук, д-р права (Кембридж), магистр международного права (Эссекс), заведующий кафедрой Европейского права и сравнительного правоведения (Гуманитарный университет), ОО «Сутяжник», Академия по правам человека.

УДК 327

Абрамов Сергей Михайлович
канд. пед. наук, доцент кафедры «Реклама», НОУВПО Гуманитарный университет; ФГОУВПО «Уральский государственный горный университет» (г. Екатеринбург)

Abramov Sergey Mikhailovich
Candidate of Education, Associate Professor at Advertising Chair, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg), the Urals Mining University (Ekaterinburg)

ДИПЛОМАТИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ РЕСУРС РЕШЕНИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ: НА ПРИМЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР И США В ПЕРИОД АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОЙ ВОЙНЫ 1973 ГОДА

DIPLOMACY AS AN EFFECTIVE RESOURCE FOR GEOPOLITICAL PROBLEM-SOLVING: THE EXAMPLE OF THE USSR AND THE USA FOREIGN POLICY DURING THE 1973 ARAB-ISRAELI WAR

Аннотация
В статье рассматриваются различные аспекты внешней политики СССР на Ближнем Востоке в период арабо-израильской войны 1973 г., в том числе ее взаимодействие с внешней политикой США. Одновременно дипломатия двух мировых держав рассматривается как востребованный и эффективный ресурс, направленный на разрешение международных проблем. Вместе с тем в работе анализируются интересы советской стороны на Ближнем Востоке и особенности политики ее дипломатических «визави» в регионе, отразившиеся на политической ситуации в мире вообще.
Ключевые слова: Советский Союз; внешняя политика; дипломатия; Соединенные Штаты Америки; Ближний Восток; Израиль; Египет; война израильтян с арабами.

Abstract
The article considers various aspects of the USSR foreign policy in the Middle East during the 1973 Arab-Israeli war including the USA foreign policy interactions. At the same time, the diplomacy of the both world Powers is regarded as a demanded and efficient resource of international problems solving. In addition the paper analyses Soviet interests in the Middle East as well as Soviet diplomatic counterparts' specific policy in the region which influenced the world political situation.
Key words: the Soviet Union; foreign policy; diplomacy; the USSR; the Middle East; Israel; Egypt; Arab-Israeli war.

После Второй мировой войны Ближний Восток стал ареной острых региональных и международных конфликтов.

В период очередной, четвертой по счету, арабо-израильской войны на Ближнем Востоке (1973 г.) перед дипломатией СССР и США стояла общая цель – не допустить такого развития событий, при котором эти государства сами оказались бы вовлеченными в военные действия по разные стороны фронта. Естественно, это событие нанесло бы очень серьезный и ощутимый ущерб взаимным отношениям, только начавшим улучшаться, и поставило бы крест на политике разрядки.

Все страны мира ждали развязки событий на Ближнем Востоке, целиком и полностью зависевших от совместных дипломатических усилий СССР и США, продолжавших играть роль гарантов стабильности в ближневосточном регионе. Дипломатической задачи такого масштаба не было, пожалуй, с конца 1940-х гг., когда от единой позиции и тесного взаимодействия СССР и США зависело образование Государства Израиль.

© Абрамов С. М., 2014

В войне Судного дня дипломатия вновь все больше становилась востребованным ресурсом, позволяющим преодолевать сложные геополитические проблемы. Все последующие события, связанные с арабо-израильской войной 1973 года, будут лишь подтверждать высказанную точку зрения.

Не стоит, однако, полагать, что вплоть до 19 октября (т. е. до того времени, когда египетский президент признал необходимость прекращения огня) СССР и США, как ключевые акторы мировой политики, стояли в стороне от попыток дипломатического разрешения ближневосточного конфликта, потребовавшего тесного взаимодействия Москвы и Вашингтона. Еще 6 октября американский госсекретарь Г. Киссинджер дважды по телефону связывался с советским послом в США А. Ф. Добрыниным. Во время первого разговора (еще до начала широкомасштабных боевых действий) госсекретарь просил заверить советское руководство, что США, как и СССР, заинтересованы в стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и недопущении вооруженного конфликта. Во время второго звонка Киссинджер сообщил, что боевые действия все-таки начались и развернулись по всей линии перемирия 1967 г. на Суэце и на Голанских высотах. Американский госсекретарь также передал просьбу президента США занять в Совете Безопасности ООН «сдержанную позицию». Американская сторона была намерена предложить проект резолюции, предусматривающий прекращение огня и восстановление «линии перемирия».

Ответ со стороны Москвы последовал практически незамедлительно: «Советское правительство получило сообщение о начале военных действий на Ближнем Востоке одновременно с Вами. Принимаем все возможные меры к выяснению действительного положения в этом районе, поскольку поступающие сведения носят крайне противоречивый характер… Мы обдумываем сейчас, как и Вы, возможные шаги, которые следует предпринять. В скором времени надеемся вновь связываться с Вами на предмет возможного согласования действий» [Цит. по: 3. С. 269].

Советская сторона давно знала о времени и инициаторах первого шага в арабо-израильской войне. СССР ждал реакции США, рассчитывая выстроить свои действия, ориентируясь на дипломатические шаги США, чей опыт настоящей большой политики мог возыметь определенный эффект.

6–8 октября между Москвой и Вашингтоном шел интенсивный обмен информацией. Стороны выжидали, предпочитали не торопить события, рассчитывая, что первый шаг сделает дипломатический визави. СССР уходил от идеи созыва Совета Безопасности ООН, так как, по мнению советской стороны (оно оказалось «живучим»), агрессором выступает Израиль [4].

Л. И. Брежнев писал: «На наш взгляд, было бы весьма важным, если бы со стороны Израиля последовало ясное, без всяких оговорок, заявление о его готовности уйти с оккупированных им арабских территорий, имея в виду, что одновременно гарантировалась бы безопасность Израиля, как и других стран региона. Что здесь может быть неприемлемым для Израиля?»

Советская сторона, со свойственным ей проарабским дрейфом внешней политики, таким образом отвергала возможность отхода обеих воюющих сторон на линию 1967 г. (поскольку египетские и сирийские войска уже довольно далеко продвинулись вперед) и оправдывала военные действия Египта и Сирии, считая, что они направлены на освобождение «оккупированных арабских территорий».

Ответ Р. Никсона, который был всерьез озадачен поиском выхода из ближневосточного тупика, последовал незамедлительно: «Возникший конфликт не разрушит многое из того, что с такими взаимными усилиями было достигнуто в советско-американских отношениях» [3. С. 269], значимость которых предопределялась их объективным влиянием на все сферы мировой политики.

Как видно из ответа Никсона, американская дипломатия также была осторожна в формулировках и не спешила форсировать события. Все очевидно ждали, как будут развиваться события на театре военных действий, прекрасно понимая, что успех Египта в первые дни еще ни о чем не говорит. Ожидание – только так можно охарактеризовать позицию великих держав по отношению к ближневосточному кризису в начале октября 1973 г.

Договоренность о созыве Совета Безопасности ООН была между СССР и США все же достигнута, но – без внесения на обсуждение какой-либо резолюции. Лишь 10 октября Брежнев сообщил Никсону, что не возражает против принятия Советом Безопасности ООН резолюции о прекращении огня. Советский руководитель пошел на этот шаг после консультаций министра иностранных дел СССР с руководством Сирии и Египта (через послов этих стран в Москве). Кроме того, советские военные эксперты твердо заявляли о безусловности победы Израиля в этом конфликте.

Москва – через своего посла В. М. Виноградова – убеждала Анвара Садата пойти на прекращение огня, что дало бы ему возможность удержать за собой те территории, которые удалось уже отвоевать у израильтян. Садат вплоть до 19 октября никак не мог принять какое-либо ответственное и взвешенное решение. Советский МИД учитывал колебания президента Египта и, выступая за прекращение огня, не настаивал на вопросе возвращения воюющих сторон на линию 1967 г. Садат, в свою очередь, допустил ошибку, не согласившись на немедленное прекращение огня (на чем настаивала советская сторона), поскольку через несколько дней израильские войска полностью овладели военной инициативой.

12 октября 1973 г. Киссинджер заявил, что американская сторона не будет посылать свои войска на Ближний Восток, если и советская сторона не сделает этого; а 13 октября американский госсекретарь сообщил советскому послу в США, что Садат «решительно против простой резолюции о прекращении огня» [3. С. 269]. В этих условиях Никсон не будет больше предпринимать усилий по линии Совета Безопасности ООН, но будет вынужден пересмотреть обязательство проявить сдержанность в отношении американских военных поставок Израилю и будет действовать в зависимости от фактического состояния и темпов советских военных поставок Египту. По сути дела, и в Москве это понимали, США искали себе формальное оправдание начавшимся 14 октября поставкам вооружения в Израиль (этот факт стал не чем иным, как «охранной грамотой» Израилю). Но советский МИД никак не отреагировал на заявления Киссинджера и Никсона, считая, видимо, что вопрос об американских поставках – дело, Вашингтоном давно решенное, и здесь бесполезно что-либо предпринимать.

13 октября вечером американская сторона заявила: «Белый дом по-прежнему поддерживает прекращение огня на фактически занимаемых позициях. Возможна, в крайнем случае, дополнительная ссылка в проекте резолюции на последующий вывод войск в соответствии с резолюцией 242 Совета Безопасности. На другое, а именно на ссылку на границы 1967 года, мы не пойдем, даже если это будет означать столкновение с арабами и с Советским Союзом» [3. С. 270].

В результате США открыто встали на сторону Израиля (что для последнего было очень важно, учитывая, например, позицию бывшего президента США Эйзенхауэра), понимая, что инициатива сейчас на его стороне и он лишь нуждается в международной поддержке, стремясь получить дивиденды от нападения на него Египта.

Никсон и сенатор Дж. У. Фулбрайт (один из немногих американских государственных деятелей, к которому в СССР относились с большим почтением из-за его пацифистской позиции) в доверительных разговорах с советским послом в США А. Ф. Добрыниным подтвердили необходимость убедить Садата принять

резолюцию Совета Безопасности ООН о прекращении огня и последующих переговорах с Израилем под эгидой США и СССР. Сделать это могла только советская сторона, обладавшая сильной и энергичной позицией в регионе. Киссинджер, чья логика была проста и убедительна, заверял, что США готовы полностью прекратить все поставки оружия Тель-Авиву после прекращения огня, если советская сторона поступит так же в отношении Каира.

Американское предложение отличалось рациональным прагматизмом, оно давало шанс на успешное развитие событий, но требовалось время на его обдумывание. Советский МИД в ответ просил не предпринимать пока таких шагов и не предавать их широкой огласке, что и было выполнено.

18 октября, вечером, с подачи советского посла в США Москва решила пригласить «для обсуждения всего комплекса вопросов и для совместного поиска выхода из создавшейся опасной ситуации» госсекретаря Киссинджера.

20 октября Киссинджер вылетел в Москву, его опережало послание Никсона: «Киссинджер полностью уполномочен мною вести переговоры, и обязательства, которые он может дать в ходе бесед с Вами, целиком мною поддерживаются» [3. С. 271].

Киссинджер, узнав об этой формулировке, не обрадовался, так как это сужало возможности его «челночной дипломатии» и маневрирования в переговорах путем ссылок на необходимость последующего одобрения президентом тех или иных договоренностей [9. С. 205].

Но было «поздно», советская дипломатия использовала промах американской стороны, заверяя Никсона посланием Брежнева:

«Я именно так и понимал, что господин Киссинджер, как Ваш ближайший помощник, пользующийся Вашим полным доверием, и на этот раз будет говорить от Вашего имени и что те обязательства, которые он может дать в ходе наших с ним переговоров, будут целиком поддержаны Вами» [Там же. С. 205–206].

Таким образом, советские дипломаты получили прекрасный шанс решить важнейшие вопросы в самые сжатые сроки, без согласования их Киссинджером с Никсоном, что в тех условиях политического цейтнота было очень важно, очень оперативно.

Киссинджер прилетел в Москву 20 октября, вылетел уже 22-го обратно в США, успев провести две важнейшие встречи, сначала – с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, а затем – с самим Л. И. Брежневым [5]. Результатом дипломатического мозгового штурма стала советско-американская договоренность. Она содержала предложение выступить с совместным проектом резолюции Совета Безопасности ООН, которая призывала бы к немедленному прекращению огня и выполнению резолюции № 242 от 1967 года. (Стремление предотвратить дальнейшее расширение войны с обеих сторон было так велико, что выработка взаимоприемлемого текста оказалась делом не особенно трудным.)

Государственный секретарь США не выполнил лишь одного, причем – устного, распоряжения своего президента: сообщить Брежневу, что американская сторона готова к тому, чтобы лидеры двух великих держав вмешались в решение ближневосточной проблемы с целью совместно определить соответствующий вектор действий, который привел бы к урегулированию конфликта между Израилем и Египтом. Киссинджер лишь обещал оказать давление на израильскую сторону с целью убедить последнюю прекратить огонь как можно скорее.

22 октября 1973 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 338. В тексте резолюции значилось: «Все стороны, участвующие в нынешних боевых действиях, [должны] прекратить всякий огонь, а также прекратить все военные действия немедленно, не позже чем в течение двенадцати часов с момента принятия настоящего решения, с оставлением войск на занимаемых ими сейчас позици-

ях; начать немедленно после прекращения огня практическое выполнение резолюции № 242 Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года во всех ее частях».

Совет Безопасности ООН постановил: «Начать немедленно и одновременно с прекращением огня переговоры между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленные на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке» [12].

По утверждению советского посла в Египте Виноградова, «Киссинджер в переговорах настаивал на том, что прекращение огня должно наступить не позднее чем через 48 часов, затем, встретившись с нашей твердой позицией, снизил требование до 24 часов, затем согласился на 12 часов» [1. С. 249].

Мало кто знал, что в Москве (20–21 октября) был выработан и подписан Киссинджером и Громыко (по инициативе последнего) документ, озаглавленный «Взаимопонимания» и гласивший: «Понимается, что выражение “под соответствующей эгидой” в п. 3 резолюции Совета Безопасности [ООН] означает, что переговоры между заинтересованными сторонами будут иметь место при активном участии Соединенных Штатов и Советского Союза в начале, а затем в ходе переговоров при рассмотрении ключевых вопросов урегулирования. На протяжении всего процесса переговоров Соединенные Штаты и Советский Союз будут в любом случае поддерживать теснейший контакт друг с другом и со сторонами, ведущими переговоры» [9. С. 206]. Документ этот – большой успех советской дипломатии в деле разрешения ближневосточного конфликта, поскольку в нем подтверждалась совместная коллективная деятельность (имеется в виду, прежде всего, – эффективная) двух сверхдержав в деле разрешения ближневосточного кризиса.

После оглашения решения Совета Безопасности под № 338 советский представитель в ООН отметил, что в результате переговоров Брежнева с Киссинджером (21 октября) Советский Союз и Соединенные Штаты совместно внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции, направленный на прекращение военных действий и немедленное практическое выполнение резолюции Совета Безопасности о политике на Ближнем Востоке [4].

В тот же день – 22 октября – и израильтяне, и арабы заявили о готовности прекратить огонь в заранее намеченное время. Однако боестолкновения продолжались, и на театре военных действий полному разгрому мог быть подвергнут 3-й египетский корпус (израильские войска вышли к Суэцкому каналу).

По воспоминаниям Виноградова, «последовавшие за 22-м октября дни представляли собой сплошную череду взволнованных телефонных разговоров, встреч с Садатом, переписку. Уже 23 октября Садат дважды обращался ко мне по телефону с официальной просьбой о срочном “военном вмешательстве” с тем, чтобы заставить Израиль выполнить решение Совета Безопасности» [1. С. 250].

В тот же день Брежнев по линии прямой связи обратился к Никсону: «Господин президент! Израиль грубо нарушил решение Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке. Мы в Москве поражены, что договоренность, которая была достигнута всего лишь два дня тому назад, фактически взорвана этой акцией израильских руководителей. Почему Израилем допущено вероломство – Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и выполнить договоренность – заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности… Слишком много поставлено на карту – не только на Ближнем Востоке, но и в наших отношениях» [3. С. 272]. Нарушение системы отношений неизбежно приводило к снижению их устойчивости, разбалансированности и напряженности.

Американский президент ответил, что берет на себя всю ответственность за то, чтобы осуществить полное прекращение военных действий со стороны Израиля. «Мы с Вами достигли исторического урегулирования… – подчеркивал он, – и

мы не позволим, чтобы оно было взорвано» [Там же. С. 272]. Никсон заметил, что ответственность за факт нарушения соглашения лежит на египтянах, и просил советскую сторону оказать давление на Садата.

Весь день шли советско-американские консультации, главная цель которых заключалась в том, «чтобы добиться сближения позиций на вновь созываемом заседании Совета Безопасности ООН».

24 октября Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 339, которая подтверждала «решение о немедленном прекращении всякого огня и всех военных действий» и требовала, чтобы «войска сторон были возвращены на те позиции, которые они занимали в момент, когда прекращение огня вступило в силу…» [12].

Советские дипломаты подчеркивали: «Это была очень важная резолюция. Однако израильтяне продолжали игнорировать и эту резолюцию, их передовые части ворвались на окраины Суэца. Президент [Садат] вновь подчеркнул в разговоре по телефону со мной, что официально обращается с самой настоятельной просьбой: сегодня же ночью прислать советские войска и/или наблюдателей, с аналогичной просьбой он обращается и к Никсону» [1. С. 250].

В тот же день, когда была принята резолюция под № 339, советское руководство выступило с «предупреждением», обращенным к израильскому руководству «о самых тяжелых последствиях, которые повлечет продолжение его агрессивных действий против Сирии и Египта». А президенту Никсону было отправлено еще одно, подготовленное в советском МИДе послание: «Израиль продолжает игнорировать решения Совета Безопасности о прекращении огня, и его войска ворвались в Суэц. Тем самым он нагло бросает вызов и СССР, и США, поскольку именно на нашей с Вами договоренности зиждутся решения Совета Безопасности… Мы вносим конкретное предложение – давайте вместе, СССР и США, срочно направим в Египет советские и американские воинские контингенты для обеспечения решений Совета Безопасности… Скажу прямо, если бы Вы не сочли возможным действовать совместно с нами в этом вопросе, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в одностороннем порядке. Допустить произвол со стороны Израиля мы не можем. У нас есть с Вами договоренность, которую мы высоко ценим, – действовать сообща. Давайте реализуем эту договоренность на конкретном примере в сложной ситуации. Это будет хороший образец наших согласованных действий в интересах мира» [3. С. 273].

Обмен посланиями между советской и американской сторонами и принятие одной за другой резолюций говорит о напряженности ситуации. Брежнев и Громыко считали, что американская сторона ведет «двойную игру»: Москве было обещано одно, а в отношении Израиля не предпринимается никаких серьезных мер (советское руководство было убеждено, что Израиль никогда не посмеет ослушаться американского президента).

Между тем нагнетал обстановку и египетский президент, считавший, что США затягивает время, а Советский Союз не решается «надавить» на Вашингтон: «Садат же проявлял все большее нетерпение, называл американцев лжецами, чувствовалось, что они, видимо, в чем-то его переиграли или “наказывали” Египет за слишком успешные боевые действия. Когда израильские войска полностью отрезали Суэц и вышли на позиции южнее этого важного города-порта, Садат вновь обратился к Советскому Союзу с просьбой о срочной присылке совместно с США воинских контингентов для обеспечения выполнения резолюций Совета Безопасности ООН, а если США вновь уклонятся, то президент [Садат] просил Советский Союз действовать отдельно» [1. С. 273].

Но последний призыв Садата к советской самостоятельности «повис в воздухе». В Москве (в МИДе и Кремле) всерьез никто не думал ни о возможных односторонних (со стороны СССР) военных операциях на арабо-израильском театре войны (что могло привести к очень серьезному конфликту с США), ни о двусторонних (СССР и США) действиях. Советская сторона рассчитывала «поднажать» на США и добиться прекращения военных действий.

Из всех советских лидеров лишь министр обороны СССР А. А. Гречко требовал «символической демонстрации присутствия» советских войск в Египте и в Сирии. Но и Брежнев, и Косыгин, и Громыко были против какой-либо вовлеченности советских вооруженных сил в конфликт. А фраза «о возможном принятии нами мер в одностороннем порядке» появилась в обращении только после настойчивости Садата во время его разговоров с Брежневым. Но эта фраза оставалась только фразой, и не более того.

Ответ Никсона на жесткие послания Брежнева был более чем спокойным:

«Я согласен с Вами, что наша договоренность действовать совместно в пользу мира имеет величайшее значение и что нам надо осуществлять эту договоренность в сложной обстановке. Должен Вам сказать, однако, что Ваше предложение в отношении специфичного характера совместных действий, а именно о посылке советских и американских воинских контингентов в Египет, является неподходящим в нынешних условиях.

У нас нет информации о том, что прекращение огня сейчас существенно нарушается. При этих обстоятельствах мы должны рассматривать Ваше заявление об односторонних действиях как вызывающее серьезнейшую озабоченность и могущее вызвать непредсказуемые последствия… Я готов совместно с Вами немедленно увеличить нынешние силы по наблюдению за перемирием. Я был бы готов пойти на то, чтобы в указанные группы по наблюдению за перемирием было включено какое-то количество американского и советского персонала, однако не в виде боевых сил. Если это то, что Вы имеете в виду под контингентами, то мы можем это рассмотреть» [3. С. 275].

Однако стремление СССР вмешаться в арабо-израильский конфликт и действия советских дипломатов и военных (отличавшихся известной агрессивностью) не могли не напугать американскую администрацию. По американскому радио стали передавать сообщения со ссылкой на правительственные источники (хотя официального сообщения не было) о введении в войсках повышенной боевой готовности.

Реакция американской стороны стала неожиданной и для высших руководителей СССР. Как отмечал мемуарист, «что касается ответных шагов с советской стороны на “Дефкон III” [повышение боевой готовности], то в этом вопросе мнения разошлись. Некоторые участники заседания Политбюро высказывались за принятие таких же военных мер с советской стороны. Ю. Андропов, например, считал, что СССР должен ответить “мобилизацией на мобилизацию”».

Наиболее жесткую позицию вновь занял советский министр обороны Гречко, считавший военную силу ключевым фактором международных отношений. Он настаивал на том, чтобы ответные меры носили в основном военный характер, и рекомендовал, в частности, произвести дополнительный призыв на военную службу 50–70 тысяч человек на Украине и Северном Кавказе. Он считал, что в целях спасения Сирии необходима оккупация Голанских высот советскими войсками» [6. С. 228].

Однако советскому генералитету противостояли советские дипломаты, конструктивная политика которых может рассматриваться как своеобразный «противовес» подходу со стороны военных. Во время одной из встреч на Политбюро они

дали настоящий бой министру обороны, пройдя так называемую «проверку на прочность».

Всегда уравновешенный министр иностранных дел СССР А. А. Громыко заявил: «Нам не следует становиться на путь направления советских войск [на Ближний Восток], что будет означать конфронтацию с Соединенными Штатами. Мы не должны разжигать огонь третьей мировой войны».

Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин отметил: «Соединенные Штаты не начнут войну, и у нас нет причин, чтобы начинать ее».

Л. И. Брежнев поставил точку: «А что, если вообще не давать ответа на американскую ядерную тревогу? Никсон разнервничался, надо дать ему возможность успокоиться».

Эта замечание Брежнева и было принято за окончательное решение.

Начиная с 21 октября советские войска приводились в состояние боевой готовности. Через три дня 12 советских дивизий были готовы к отправке на Ближний Восток [13. С. 505]. В южных областях Советского Союза в боевую готовность были приведены семь авиадивизий.

Это спровоцировало серьезный политический кризис, однако прямой угрозы столкновения (как во времена Карибского кризиса 1962 года) не было. Тем более что 26 октября, ровно через сутки после объявления, было заявлено об отмене введения повышенной готовности в американских вооруженных силах: приведение американских войск на территории США и на зарубежных военных базах в полную боевую готовность тут же повлекло за собой принятие «компромиссной» резолюции в Совете Безопасности ООН (№ 340). Москва не желала конфронтации с Соединенными Штатами.

СССР, как считают современные исследователи, отступил, сохранив лицо, правда, обвинив США в «безнравственности» [10].

25 октября Совет Безопасности ООН принял третью по счету – № 340 – резолюцию, которая, наконец, реально способствовала прекращению военных действий [12]. И вновь первые роли отводились советским и американским дипломатам и политикам. Таким образом, воевали друг с другом арабы и израильтяне, а соглашение о прекращении огня для них вырабатывали советские и американские дипломаты. Однако необходимо отметить, что исход того или иного конфликта зачастую определялся именно в ходе дипломатических переговоров. Он зачастую не зависел от политического решения вопроса о том, кто прав, а кто виноват. Однако такой подход, казавшийся сторонам естественным, с каждым разом будет даваться труднее, вызывая все больше сомнений хотя бы тем, что результат мог не оправдать взаимных желаний, интересов.

Было принято решение послать на Ближний Восток чрезвычайные силы ООН, в состав которых, однако, не входили бы вооруженные контингенты пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

В четвертой арабо-израильской войне была поставлена точка. Наставало время подводить итоги арабо-израильской войны.

Выводы советского посла в Египте В. М. Виноградова сводились к следующему:

1. Израиль убедился, что непобедимость израильской армии – это миф, Израиль может быть побит. Это должно изменить настроения правителей Израиля, если они заботятся о судьбах своего народа, его будущем. Всем ясно, что арабы уже никогда не капитулируют, на что рассчитывает Израиль. Арабы могут иметь неудачи, но они не капитулируют. Это стало ясно и Израилю.

2. Арабы осознали, что имеют силу, это дает им сейчас возможность идти на политические переговоры. Раньше для политических переговоров у них не было оправданной возможности.

3. Создалось общеарабское единство, которого не было ранее, важным показателем которого является эмбарго на поставку нефти США и его союзникам.

4. Мировое общественное мнение сейчас практически на стороне арабов, никто не обвиняет их в «агрессии» против Израиля, хотя они первыми начали широкие военные действия. Все хотят скорейшего урегулирования.

5. Нынешний характер советско-американских отношений позволяет нам, несмотря на известные разногласия, обсуждать любые вопросы и сотрудничать вместо того, чтобы противостоять друг другу [1. С. 253].

Складывается впечатление, что войну выиграли арабы, а израильтян спасло от полного разгрома вмешательство СССР и США [11. С. 328–329]. Непонятно, что понимает под «общеарабским единством» бывший советский посол в Египте: ведь ни одна из арабских стран не решилась всерьез вмешаться в войну 1973 г. (даже Иордания, которая за несколько недель до начала боевых действий вынашивала подобные планы, уже после 11 октября даже не вспоминала об этих идеях, предпочитая оказывать сирийско-египетскому блоку лишь моральную поддержку).

И мировая общественность (за исключением стран социалистического блока) считала именно арабов виновниками войны Судного дня. Конечно, все стремились как можно скорее урегулировать конфликт, но пока не удалось уговорить в необходимости прекращения пострадавшую сторону – Израиль, вопрос о мире на Ближнем Востоке не мог получить разрешения.

Вполне убедительным представляется лишь последний вывод Виноградова, который констатирует результат взаимодействия советских и американских дипломатов за время октября 1973 г.

Обобщения дипломата и публициста В. Л. Исраэляна представляются нам более взвешенными:

«Октябрьская война 1973 года продемонстрировала неготовность Советского Союза к военной конфронтации с США. С другой стороны, искать возможности создания прочного международного порядка, отбрасывая идеологические догмы о неизбежности победы социализма в мировом масштабе, в Москве тоже не были готовы. Поэтому Октябрьская война на Ближнем Востоке была характерным проявлением международных отношений в годы холодной войны как одна из ярких страниц ее истории» [6. С. 229].

По нашему мнению, советская сторона, скорее, защищала интересы своих союзников на Ближнем Востоке, чем была готова ими жертвовать ради мира (как, впрочем, и американская дипломатия). СССР изначально не мог определиться: стоит ли акцентировать внимание на дипломатических средствах или, «задвинув» дипломатию на второй план, сконцентрировать внимание на военной стороне дела. Не стоит, однако, думать, что дипломатия играла действительно второстепенную роль. Наоборот, оказалось, что большая дипломатия всем нужна, что без настоящей работы профессионалов выхода из сложившегося тупика не найти.

После военных неудач сирийско-египетского блока, продолжать конфликт пришлось дипломатам, хотя и не совсем удачно. Советская дипломатия не смогла втянуть в конфликт Ирак, Иорданию и Алжир.

Еще два вывода заслуживают нашего внимания в ракурсе исследования советской внешней политики во время арабо-израильской войны 1973 года.

Советский дипломат Г. М. Корниенко: «Разрядка выдержала испытание ближневосточным кризисом 1973 г.».

Джеймс Шлесинджер (министр обороны США): «Атмосфера разрядки никогда после этого не была полностью восстановлена» [2. С. 63].

Как видим, оценки диаметрально противоположны: американская сторона считает, что политике разрядки был нанесен непоправимый урон; советская дипломатия, наоборот, настаивает, что разрядка удачно миновала кризисную точку и

продолжала эволюционировать [8]. Думается, что в данном случае ближе к истине стоял Корниенко: разрядка не была свернута, и с помощью ее потенциала был разрешен в дальнейшем еще ряд сложнейших внешнеполитических проблем.

Первостепенное внимание советская дипломатия уделяла тому, чтобы в результате арабо-израильской войны 1973 г. не был нанесен ущерб политике разрядки между СССР и США. Несмотря на наступившее потепление отношений между двумя сверхдержавами, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки поддерживали противоборствующие стороны в ближневосточном конфликте 1973 г. Без существенной поддержки сверхдержав, прежде всего военной, ни арабские государства, ни Израиль вести длительные военные действия не были бы в состоянии. Это прекрасно понимали лидеры всех стран Ближнего Востока, так или иначе втянутых в конфликт. Вместе с тем арабские руководители начали войну наперекор официальной советской позиции, и СССР был явно раздражен этой арабской инициативой. Но и Вашингтон был неприятно удивлен начавшейся на Ближнем Востоке очередной арабо-израильской войной. Он считал последнюю «несвоевременной», поскольку она совпала с нарастанием внутриполитического кризиса в Вашингтоне, вызванным Уотергейтом и окончившимся отставкой (под угрозой импичмента) президента Никсона.

Политика СССР в направлении урегулирования конфликта осложнялась излишней идеологизацией его позиции по отношению к арабским странам. Уверовав в «социалистический путь развития» ряда арабских стран (Египта, Сирии, Йемена и др.) и пытаясь включить их в зону своего влияния, советская сторона стала стремиться выполнить невыполнимые обязательства, взятые на себя ради поддержки своих ближневосточных союзников. Заключив многочисленные договоры «о дружбе и сотрудничестве» (а значит, и военной взаимопомощи) с арабскими странами, Советский Союз стал не только главным поставщиком оружия арабским странам, но и гарантом их безопасности, что не замедлило сказаться в период войны Судного дня. Подобная ситуация не могла не отразиться на взаимоотношениях СССР и США, так как перманентная милитаризация арабских стран в регионе угрожала существованию Государства Израиль. США, чтобы поддержать своего ближневосточного союзника, были вынуждены пойти на симметричные советским меры, сделав ставку на вооружение израильской армии. Подобные действия – как со стороны СССР, так и со стороны США – не способствовали укреплению политики разрядки, а лишь порождали новые проблемы.

Подход СССР к взаимоотношениям с США в октябре 1973 г. показал, что процесс разрядки не ликвидировал опасности вовлечения держав в региональные конфликты. По сути дела, события вокруг ближневосточного конфликта стали первым серьезным испытанием советско-американских соглашений 1972 и 1973 гг. по предотвращению конфликтных ситуаций в «третьем мире» и уменьшению ядерной войны между США и СССР [7. С. 181; 2. С. 62].

Американский президент Р. Никсон оценивал события октября 1973 г. как «наиболее тяжелый кризис со времен кубинской конфронтации в 1962 году. Однако, поскольку у нас было несколько начинаний с Советским Союзом и я поддерживал связи с Брежневым, нам удалось не только избежать конфронтации, но и сделать большой шаг в направлении реального мира на Ближнем Востоке».

Узнать оценку октября 1973 г. Брежневым или Громыко не представляется возможным, но, думается, она была бы во многом близка к американской. Хотя Москва и Вашингтон добивались противоположных целей в этом регионе, они всячески противодействовали расширению войны и своему прямому вовлечению в нее. В итоге они сделали невозможное возможным – сохранили сложившийся миропорядок, стратегическую стабильность. И это было самым важным во взаимоотношениях двух стран (они продемонстрировали всему миру умение не толь-

ко проводить эгоистичную внешнюю политику, но и другое качество – осуществлять совместную дипломатию, значение которой превысило важность силового удара) и серьезным, очень серьезным успехом советской дипломатии, системные усилия которой позволили остановить военный конфликт.

События 1973 года на Ближнем Востоке показали: Советскому Союзу и США равных в большой дипломатии не было, вопреки тому, что им пришлось решать острые вопросы ближневосточного урегулирования за других, и это в условиях биполярного мира. Они стали демонстрацией опыта большой дипломатии СССР и США, ориентированной, прежде всего, не на силовое, а на мирное решение проблем. Однако все же приходится констатировать, что с кризисом политики разрядки и дипломатия двух стран последовательно вступала в нисходящую фазу своего развития со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Литература

1. Виноградов В. Дипломатия: люди и события. Из записок посла. – М. : РОССПЭН, 1998.
2. Гончар Б. М. К вопросу о роли арабо-израильского конфликта в подходах США к отношениям с СССР (70–80-е годы) // Динамика арабо-израильского конфликта : материалы научной конференции. – Н. Новгород, 1991. – С. 60–68.
3. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. – М. : Автор, 1996.
4. Кудрявцев В. Когда пренебрегают уроками // Известия. – 1973. – 18 октября.
5. Известия. – 1973. – 23 октября.
6. Исраэлян В. На фронтах холодной войны: Записки советского посла. – М. : Мир, 2003.
7. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? – М. : Ладомир, 2002.
8. Корнилов А. А. Между войной и миром. – Н. Новгород, 1994.
9. Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
10. Олимпиев А. Роль СССР и США в войне Судного дня // Обозреватель. – 2005. – 12 октября. (Электронный вариант).
11. Смирнов А. И. Израиль в огне Джихада. – М. : Вече, 2004.
12. Резолюция Совета Безопасности ООН № 339 от 23 октября 1973 г. // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – Разд. : Документы : Заседания Совета Безопасности и принятые на них решения. – URL: http://www.un.org/ru/peacekeeping/missions/untso/resolutions.shtml
13. Штереншис М. История Государства Израиль. – Герцлия, 2005.

УДК 504.75

Комлева Елена Владимировна
аспирант, Институт философии и политологии
Дортмундского технического университета
(Германия, Дортмунд)
E-mail: komleva_ap@mail.ru

Komleva Elena Vladimirovna
Doctorate Student,
the Institute of Philosophy and Political Studies,
TU Dortmund University (Germany, Dortmund)

УТИЛИЗАЦИЯ ЯДЕРНЫХ ОТХОДОВ КАК МИРОВАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА*

UTILIZATION OF NUCLEAR WASTE AS WORLD AND REGIONAL PROBLEM

Аннотация
Рассмотрены некоторые антропосоциальные аспекты феномена ядерной энергии. Они сопряжены с первой попыткой создания международного подземного могильника ядерных материалов вблизи Красноярска. Отмечены проблемы, которые идентифицированы таким сопряжением.
Ключевые слова: ядерная энергия; нефть; международный ядерный могильник; Красноярск; Печенга; горно-химический комбинат; Россия.

Abstract
There are considered some anthropological and social aspects of the nuclear energy phenomenon in the paper. They refer to the first attempt of constructing an international underground repository for nuclear materials near Krasnoyarsk. Some problems generated by this phenomenon are mentioned as well.
Key words: nuclear energy; oil; international nuclear waste storage facility; Krasnoyarsk; Pechenga; mining and chemical plant; Russia.

Памяти советских геофизиков (прежде всего, производственников), работавших в Мурманской области, посвящает автор свою статью

Так будет с каждым, кто некультурно обращается с атомной энергией!
(Персонаж Ф. Раневской, фильм «Весна»)

В данной статье в контексте соотнесения ядерной и горно-геологической тематик речь идет о высокоэнергетических материалах ядерной отрасли, подлежащих в тех или иных обстоятельствах захоронению/подземной изоляции. Под ними понимается совокупность твердых/отвержденных радиоактивных отходов высокого уровня активности отработавшего ядерного топлива и демонтированного боезапаса – делящихся ядерных материалов оружейного качества. Такое понятийное объединение типов ядерных материалов находит широкие аналогии и достаточно давно применяется к высокоэнергетическим конденсированным системам (например, наукоград Бийск: ракетное топливо, боеприпасы, газогенерирующие субстанции)[1], работающим на основе химических реакций. Для химических систем-аналогов есть и «выверенные кровью» регламенты обращения с ними (в том числе, снятия их с эксплуатации).

Компоненты рассматриваемой совокупности ядерных материалов в разной степени, в зависимости от конкретных условий, могут оказаться в земных недрах.

*Автор выражает благодарность за поддержку исследований профессору Brigitte Falkenburg.

[1] ОАО Федеральный научно-производственный центр «Алтай» : [сайт]. – URL: http://www.frpc.secna.ru/index.php

© Комлева Е. В., 2014

Методологически полезно выделение по признаку запасенной энергии именно ядерной группы, имеющей аналог в химической отрасли. Это облегчает анализ ситуаций и дает возможность переноса оценок и прогнозов, хотя и с оговорками, с одних материалов на другие (как внутри группы, так и между группами). Не исключен перенос в сферу захоронения ядерных материалов и некоторых технических решений из области химических систем-аналогов, например способов и средств воздействия на подземное пространство с целью получения природно-промышленной среды с заданными свойствами (прежде всего, для регулирования гидравлической проницаемости). Близость материалов внутри ядерной группы в рассматриваемом контексте подтверждается и концепцией приведения при длительном хранении/захоронении оружейных материалов либо упаковок с ними (путем совмещения с высокоактивными отходами) к «стандарту отработавшего топлива», чтобы исключить несанкционированное использование оружейных материалов. С получаемым в результате конгломератом из-за высокого уровня радиации невозможно работать без специальных средств защиты и оборудования, бесконтрольно владеть и оперировать которыми, в свою очередь, достаточно проблематично.

Б. Никипелов [1], один из видных руководителей советской/российской ядерной отрасли в прошлом, со ссылкой на Гегеля, этику и диалектику, отстаивает мнение, что запрет на международное разделение труда в гражданской ядерной сфере – это противоречие, которое будет преодолено историей. И поэтому будут созданы крупные международные хранилища радиоактивных отходов в Китае, Монголии, Казахстане, Канаде, России. Мысль верная. Перехватив инициативу, Финляндия уже строит (пройдя национальные разрешительные процедуры!) на своей территории и пока самостоятельно такого рода объект Онкало на площадке Олкилуото[2]. Как и на каких других площадках (нас интересуют, в первую очередь, российские) эту верную мысль правильно реализовать? Вот в чем суть. По аналогии с проектом Yucca Mountain, стоимость только обоснования и строительства каждого подземного хранилища/могильника высокоактивных и долгоживущих отходов составит не менее $100 млрд. Такой объект, как и любой ядерный, будет приковывать повышенное международное внимание к региону размещения. Кроме того, существует мнение, что в будущем, возможно, нынешние отходы ядерной отрасли станут ценным сырьем, а их подземная изоляция обеспечит создание техногенных месторождений отложенного использования. Ведь все разнообразие элементного состава вещества Земли – результат когда-то и где-то произошедших ядерных реакций.

Можно сказать, что завершается определенный исторический этап развития ядерной отрасли, а именно ее «интеллектуальный период», предваряющий наведение «после себя» порядка. Это – время выдвижения преимущественно теоретических моделей, моделей первого приближения, предназначенных для выбора и частичной апробации самых общих схем того способа, каким должны завершаться ядерные топливные циклы в гражданской энергетике. И разомкнутый/открытый и замкнутый/закрытый циклы – оба в разной мере, но не обходятся без отходов. Завершение цикла первоначально предполагало захоронение тех или иных высокоактивных отходов каждой ядерной страной отдельно и исключительно собственными силами. Но безопасное захоронение таких материалов оказалось весьма непростым делом, постоянно откладывалось и постепенно стало «гирей на ногах» мировой ядерной энергетики. В СССР этот этап был еще и сокрыт от исто-

[2] Кан А. «В вечность»: фильм о ядерном послании потомкам. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110701_5thfloor_nuclear_waste_docu.shtml

риков и широкой общественности. Времена изменились, но этот важный для общества процесс (в том числе и его прагматика) до сих пор слабо документирован, неустойчив с социально-политической точки зрения, плохо обеспечен нормами права, а учеными-естественниками смежных отраслей и гуманитариями (для полноты картины) не изучается. В итоге он по-прежнему известен недостаточно и недостоверно, должным образом не осмыслен, надежно не регламентирован, а также во многом неуправляем.

Сегодня мы видим, что «интеллектуальный период» не только принес некоторые научно-методические и технические достижения, но и действительно сформировал международный вектор их внедрения. Установление баланса между разделением и объединением труда (и сопутствующего им распределения ответственности) в ядерной сфере сейчас если и не окончательная реальность, то приближается к ней. Человечество переходит от национальных усилий по захоронению/вечной изоляции всего, что сейчас отнесено к отходам ядерной отрасли, к интернационализации этой деятельности. И этот постепенный переход к всеобъемлющей практике пока относится только к России и Сибири. А. Глюксман еще в начале века писал о совпадении интересов некоторых политических сил России и Запада по вопросу создания международного ядерного могильника на российской территории (тогда предпочтение отдавали Челябинску) и о финансировании «уже несколько лет» процесса сближения[3].

Важной составляющей нового этапа, когда главной становится практика, должно быть научно-методическое (в том числе юридическое) сопровождение процесса, создание комплексной, без перекосов, нормативной базы, чтобы эта практика на международном уровне не превратилось в хаос или в «игру в одни ворота». Для того чтобы «принцип дополнительности» в политике страны-лидера (при учете всех рациональных и иррациональных аспектов действительности[4]) не привел к негативным деформациям во взаимоотношениях с другими странами, необходима согласованная всеми участниками международного процесса регламентация предпринимаемых действий и параметров (от методологии выбора площадки до ее нормативных характеристик) на всех уровнях (от межгосударственного до уровня предприятия), а также достижение консенсуса при разработке интегрированных международных стандартов на основе четкого понимания причин и следствий более ранних, отличающихся друг от друга, национальных подходов и целей.

Сближение в рамках темы ядерных отходов происходит на неудачном для российской атомной отрасли фоне – при резком свертывании реального строительства Россией за рубежом и внутри страны новых АЭС, лихорадочных и зачастую сомнительных действий менеджмента российской атомной отрасли[5]. Поскольку с системой принятия опасных и некомпетентных решений в Росатоме начинают не соглашаться полностью лояльные к отрасли в прошлом ее ветераны-профессионалы[6], поскольку «Россия за последние 15 лет проспала все основные мировые тренды развития энергетики…», поскольку «наконец, мы полностью проспали утрату мировой роли атомной энергетики…», то «в будущем наши воз-

[3] Глюксман А. Кровь, нефть и ядерные отходы. – URL: http://www.inosmi.ru/untitled/20020427/140631.html

[4] Шенк В. Принцип дополнительности Н. Бора как модель американской экономики. – URL: http://nuclearno.ru/text.asp?17564

[5] Сливяк В. Клоуны и хакеры захватили «Росатом»? – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4560; Нигматулин Б. И. Не позорьтесь, господа! – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4588; Сливяк В. На войне Сергея Кириенко. – URL: http://echo.msk.ru/blog/ecodefense/1100254-echo/

[6] Кудряков Н. Пишите письма. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4690

можности на мировых энергетических рынках будут становиться все более периферийными». И эти стратегические ошибки продолжаются[7]. И всё это происходит в условиях, когда экономика России перестает быть российской[8], а обрабатывающая промышленность и машиностроение страны исчезают[9].

Но, по словам академика Н. Лаверова[10], «США постоянно с нами советуются» по вопросам обращения с радиоактивными отходами и их захоронения. Таково мнение выдающегося геолога, специалиста в сфере безопасности ядерных технологий, основоположника и руководителя российских исследований по геологической изоляции отработавших ядерных материалов, политического деятеля и управленца в сфере нефтегазового бизнеса.

Ядерная отрасль страны и мира в нынешних ее трактовках – особенно ее гражданская часть – находится на чрезвычайно важном, переломном этапе, который отмечен большой неопределенностью относительно благоприятного исхода, а возможно, и перспективой тупика. По крайней мере, ядерная энергетика России должна осторожно, без рывков идти к смене технологической платформы, т. е. переходить от конверсионных (ВВЭР, РБМК) к новым типам реакторов. Вопрос – каким?[11] Ядерное оружие в наступившем веке – это «оружие бедных», что, в известном смысле, ставит его вне закона в глазах современной мировой элиты, которая сегодня практически монопольно владеет эффективными видами высокоточного неядерного оружия и социальными технологиями невоенного достижения своих целей. Впечатляющий объект и результат применения таких социальных технологий – «постсоветское пространство». Одна из составляющих этих технологий – денежный печатный станок, который как оружие эффективнее ядерной бомбы[12].

Не будем забывать о перспективе некоторых далеко не безобидных социально-технологических сценариев «трансгуманизма», которые глобально – хотя, может быть, в несколько иной конкретике – с вероятностью отзовутся усилением монополизма стран научно-технического и финансового авангарда. А также о «первом кибероружии», потенции которого уже отрабатывается, и прежде всего на ядерных объектах[13]. Проекты гражданской ядерной отрасли теряют свою жизнеобеспечивающую актуальность. «Сегодня актуальны лишь проблемы уничтожения запасов всех видов устаревшего ядерного оружия и проблемы окончательного захоронения отработавшего ядерного топлива»[14].

Следует подчеркнуть, что, естественно, вектор международных усилий в области захоронения ядерных материалов пока нацелен в основном на энергетику.

---

[7] Милов В. Стратегия ошибок: государство пока не знает, как развивать энергетику. – URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/konkurentsiya/250165-strategiya-oshibok-gosudarstvo-poka-ne-znaet-kak-razvivat-energe

[8] Катасонов В. У России нет своей экономики. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4599

[9] Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Современное состояние и проблемы развития отечественного машиностроения. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=54639

[10] Академия наук – журналу «Nature»: зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей. – URL: www.fontanka.ru/2013/06/24/138/

[11] Гордон Б. Г. О перспективах атомной энергетики. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4833

[12] URL: http://reosh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=321:l-r&catid=1:jdiscms&Itemid=22

[13] «Первое кибероружие» поразило ядерный объект в России // CNews.ru. – 2013. – 14 ноября. – URL: http://nuclearno.ru/text.asp?17591

[14] URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=comments&sid=4716&tid=68829&mode=&order=&thold=; http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=comments&sid=4716&tid=68954&mode=flat&order=&thold=:http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=comments&sid=4716&tid=69289&mode=flat&order=&thold=

Однако можно предположить, что в дальнейшем не исключены такие усилия и в отношении некоторых проблем военных. Исходная база для этого есть – хранилище (пока наземное) оружейного российского плутония около Челябинска, построенное с помощью США и по их технологиям. Правда, по поводу этого совместного объекта есть серьезные опасения[15], связанные с глобализацией процессов утилизации ядерных судов ВМФ РФ и рекультивацией береговых баз. Сейчас международными усилиями Сирию избавляют от химического оружия массового поражения. В будущем, возможно, некоторые ослабленные, не входящие в мировой авангард страны будут подобным же – принудительно-добровольным – образом избавлены и от ядерного оружия (или ядерных материалов), которые будут утилизированы международными усилиями, по международным технологиям и с использованием международных подземных могильников. Первое такого рода предложение относительно ядерной программы Ирана уже поступило во время встречи лидеров России и Израиля[16]. На слуху опасения по поводу аналогичной программы Северной Кореи. Через некоторое время вполне возможна реальная денуклеаризация Ближнего Востока. НАТО начинает перезахоранивать ядерные отходы советских времен на Украине[17].

Документы, касающиеся закрытия Yucca Mountain в США, разрешительные документы Финляндии относительно хранилища Онкало, американо-российские Соглашение № 123 (2010 г.) и Соглашение по ядерным НИР (2013 г.), Директива ЕС по обращению с ядерными отходами (2011 г.), материалы международного проекта ARIUS (а также конференций под эгидой МАГАТЭ 2002 и 2005 гг. в Москве) – это основные исходные информационно-правовые вехи на пути создания крупных международных подземных объектов для изоляции ядерных материалов и радиоактивных отходов – в том числе и в России. Детали, раскрывающие эту тенденцию, раскрыты в моих статьях в следующих периодических изданиях: «Научный вестник Норильского индустриального института» (2012. № 10; 2013. № 12; 2013. № 13), «Вестник аналитики» (2005. № 2; 2008. № 3; 2009. № 1; 2012. № 2 и 2013. № 3), «Юридическая наука» (2012. № 1 и 2013. № 3), «Геофизический журнал» (2008. № 2 и 2012. № 6), «Энергетическая политика» (вып. 4. 2012 и вып. 4. 2013), «Изв. Вузов. Горный журнал» (2012. № 2), «Горный журнал Казахстана» (2011. № 11 и 2013. № 9) и других (ссылки на тенденцию приведены Н. Лаверовым в блоге[18]).

Хотя политическая воля к созданию международных ядерных хранилищ/могильников достаточно определенно начинает демонстрироваться многими странами и поддерживается МАГАТЭ, конкретные юридические, финансовые и экономические механизмы этого, как отмечалось, еще предстоит создать (Росатом запускает сравнительные правовые исследования на тему создания площадок для могильников[19]). Для России это касается и сбалансирования интересов общефедеральных и того региона, где объект будет создаваться. Видимо, как аналог будет принята схема практической реализации Соглашения между МАГАТЭ и Россией

[15] Ядерный могильник под Челябинском – угроза России. – URL: http://worldcrisis.ru/ crisis/1300398

[16] Нетаньяху призвал решать ядерную проблему Ирана по аналогии с Сирией // Взгляд : деловая газета. – 2013. – 20 ноября. – URL: http://vz.ru/news/2013/11/20/660589.html

[17] НАТО начнет перезахоронение ядерных отходов советских времен // Iaftnews : информационное агентство. – 2013. – 18 декабря. – URL: http://news.traders-union.ru/economy/news/198851/

[18] Блог Н. Лаверова. – URL: https://twitter.com/news_nlaverov

[19] Закупка № 130722/0482/014: Право заключения договоров на Услуги в области сравнительного правоведения и представительства в интересах ФГУП «НО РАО» по вопросам размещения пунктов захоронения радиоактивных отходов, в том числе в ходе инвестиционной деятельности // Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». – 2013. – 22 июля. – URL: http:// www.zakupki.rosatom.ru/1307220482014

(2010 г.) о создании первого в мире международного банка свежего ядерного топлива. Приветствуется и критическая правовая позиция относительно международных хранилищ[20], способствующая комплексной оценке ситуации.

Необходимо также четко идентифицировать и укоренить социокультурные (светские и религиозные) основания и критерии таких действий – в частности, на базе православия, философского наследия Ф. М. Достоевского, с привлечением идей геоэтики и других элементов, формирующих духовно-гуманитарные начала безопасности. Как показано в моих ранних работах[21], в некоторых случаях плодотворно обращение к таким брендам, как «Медной горы Хозяйка», «Сампо», «Сампо-Лопаренок». Есть и другие ракурсы формирования в ядерном контексте необходимого «культурно-природного каркаса региона», а также «актуализации культурного и природного наследия» (термины Института социально-гуманитарных и политических наук САФУ им. М. В. Ломоносова). Так называемый «индекс безопасности ядерных материалов» Фонда «Инициатива по предотвращению ядерной угрозы», для сравнения, предусматривает анализ условий хранения и обращения с ядерными материалами в странах мира не только в плоскости военно-технической, но и социокультурной – от прошлого к будущему[22]. А в СССР, даже когда страна еще не овладела ядерной энергией, уже правильно понимали суть дела, назидательно говоря по поводу пострадавшего от нее человека: «Так будет с каждым, кто *некультурно* обращается с атомной энергией!» (персонаж Ф. Раневской в фильме «Весна», 1947 г.).

Примечательны в этой связи материалы и атмосфера общения на профессиональном сайте «Проатом», который обеспечивает разностороннее рассмотрение ключевых для отрасли проблем, и здесь «все как у людей» – от низкого до высокого. Представляется, что о желаемом, более высоком качестве человека и общества, по крайней мере, нужно думать. Но при регламентации действий по созданию международных ядерных могильников не стоит, прежде всего, забывать об антропосоциальной реальности. Применительно к оружейному ядерному комплексу, например, эту реальность изучают в США[23] и предлагают изучать в России[24]. Причем, как во многом справедливо заметил один из участников дискуссии по поводу такого изучения, «комментарии как раз и отражают суть проблемы». Да уж, далеко американским результатам академических исследований до российской правды-матки, высказанной в задушевной беседе!

---

[20] Талевлин А. А. Проблемы правового регулирования обращения с радиоактивными отходами : дис. … канд. юр. наук : 12.00.06. – М., 2008. – URL: http://www.dissercat.com/content/problemy-pravovogo-regulirovaniya-obrashcheniya-s-radioaktivnymi-otkhodami#ixzz2xXQCXGpu; Komleva E. Conditions of environmental impact assessment for the economic and military objects in the Russian part of the Barents region. – URL: http://www.barentsinfo.org/?DeptID=3549

[21] Комлева Е. Феномен ядерной энергии и пространство символических форм (За ясное “неядерное ядерное”!) // Знание. Понимание. Умение : информационный гуманитарный портал. – 2008. – № 1. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/1/Komleva/; Комлева Е. В. Ядерная Россия: гуманитарное измерение. – URL: http://www.voskres.ru/economics/komleva.htm; Комлева Е. Энергия Арктики: партнерство России, Германии и Европы // Вестник аналитики. – 2008. – № 3. – С. 90–103. – URL: http://elibrary.az/docs/jurnal-08/832j.htm

[22] Нуриахметова Е. В Московском Центре Карнеги обсудили условия хранения и обращения с ядерными материалами в странах мира // Оружие России : информационное агентство. – 2012. – 10 февраля. – URL: http://www.arms-expo.ru/050049054050124050054055048055.html; В США обнародован индекс безопасности ядерных материалов, Россия находится на 18-м месте // ИТАР-ТАСС. – 2014. – 8 января. – URL: http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/ 875805

[23] URL: vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/VV_EH1_W.HTM

[24] Новиков Г. А. Открытое письмо к специалистам ЯОК и всем читателям Proatom.ru. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4906

Вот ставший недавно достоянием широкой общественности пример[25]. В 1974 г. на первом блоке ЛАЭС «назревала» катастрофа, но не в связи с реактором РБМК (ленинградская предтеча Чернобыля датируется 1975 г.), а в связи с системой генерации пара. После предварительной эксплуатации персонал станции заподозрил неладное. Возникли сомнения в безопасности достижения проектной мощности. Назревал скандал. Поразительно, как вели себя участники сдачи в эксплуатацию нетипичного для мировой гражданской энергетики головного энергоблока. Начальство высокого уровня «выкручивало руки» подчиненным, чтобы получить подписи под документом о сдаче блока к знаменательной дате. Конструкторы и проектировщики молчали. Наука (от молодых ученых до академиков) опасность не фиксировала (по некоторым современным версиям, «знала, но бездействовала») и (чтобы не «трансклютировали») по прямому заказу подписывала гарантирующий полную безопасность документ. Случайно (не благодаря системе выявления брака) в составе сдаточной комиссии ЛАЭС нашелся один (!) человек, который, рискуя профессиональной карьерой и личной судьбой, имел смелость и доводы настойчиво повторять на официальных совещаниях иное – о необходимости пересмотра технических решений. Многие ли в жизни способны на такой ответственный поступок государственного значения? Но надо отдать должное и руководству тогдашнего Минсредмаша: неудобному специалисту оно «не заткнуло рот», а все-таки успело предотвратить беду на этом и последующих блоках из-за ошибок в парогенерации. Но не смогло предотвратить Чернобыль, где «стойкого оловянного солдатика» не нашлось.

Может ли сегодня общество быть более спокойным относительно принимаемых Росатомом решений?

Ведь применительно к захоронению отходов уже можно говорить о нарушениях правовых норм (как и морально-нравственных, а также научных критериев создания ТЭО). Звучит такое мнение: «Строительство подземной лаборатории возле Красноярского горно-химического комбината, несомненно, является началом сооружения пункта геологического захоронения радиоактивных отходов без получения лицензии на такое строительство, т. е. является строительством несанкционированного могильника высокоактивных отходов. <…> При сооружении подземной лаборатории… образуется депрессионная воронка, естественный гидрогеологический режим (объект изучения. – *Е. К.*) будет нарушен … т. е. от лаборатории будет больше вреда, чем пользы»[26]. Некоторые правовые инициативы в связи с могильником ГХК были переданы через В. В. Путина в адрес глав государств G20 участниками Гражданского саммита «Группы Двадцати»[27].

Даже при показательных проявлениях открытости специалистам и общественности не дают ответов на ключевые вопросы: почему выбран именно Красноярский край? каковы обстоятельства этого выбора, анализ других мест, критерии выбора, список ранее рассмотренных Росатомом (около 30 в 18 регионах!) площадок? Предполагается, что эти и другие вопросы не будут проигнорированы[28]. Известен «Эффект Селлафилда» как реакция общества на изменение в ходе работ

[25] Шавлов М. В. Освоение проектной мощности первым энергоблоком ЛАЭС.– URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4972

[26] Серебряков Б. Е. Комментарий к статье: Саммер Ю. Радиоактивные отходы. Диалог невозможен. – URL: www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4554

[27] Путину предложили обратить внимание на ядерный могильник под Красноярском // Пресс-Лайн : информационное агентство. – 2013. – 17 июня. – URL: http://www.press-line.ru/novosti/2013/06/putinu-predlozhili-obratit-vnimanie-na-yadernyy-mogil-nik-pod-krasnoyarskom.html

[28] Росатом показал экологам интересные места // ФедералПресс. Сибирь. – 2013. – 20 августа. – URL: nuclearno.ru/text.asp?17434

декларируемого назначения подземной лаборатории[29]. Без честных ответов на вопросы по Красноярску эффект может получить еще одно название. Некоторая информация к размышлениям по этому поводу приведена далее.

Площадку, которая была выбрана первоначально для одного объекта (наземного завода РТ-2 радиохимической переработки отработавшего ядерного топлива, согласно несбывшимся тогда планам расширения ГХК[30]), целенаправленно «подогнали» под принципиально другой. Другой, прежде всего, по сроку существования (миллионы лет – могильник, десятки лет – завод). Понятно, что требования к площадкам и к обоснованию их надежности будут различны для завода и могильника. Есть и другие признаки лукавого «протаскивания» Росатомом нужного решения[31].

Выбранный вблизи Железногорска Нижнеканский массив гранито-гнейсов вскрыт слабо, не глубже 700 метров по единичным (2!?) скважинам. Большинство остальных скважин (едва ли больше 10) – неглубокого (первые десятки метров) заложения. С учетом знаний о генезисе этого типа пород имеются принципиальные сомнения в их хороших гидроизолирующих свойствах[32]. Нижнеканский массив является южной частью Енисейского кряжа – важнейшей золотоносной провинции России. Кроме того, граниты в последнее время преподносят геологам поразительные сюрпризы, невообразимые ранее. Месторождение «Белый тигр» знаменито гигантскими запасами нефти в гранитах на глубинах 1–3 километра. Есть и другие примеры нахождения нефти в кристаллических породах[33]. Кстати, в породах Нижнеканского массива отмечали проявления углеводородов (Ф. Бакшт. Томск, устное сообщение). Для обоснования могильника ГХК эти факты важны двумя следствиями.

Во-первых, пришло время радикального пересмотра концепций поиска и разведки углеводородов. Во-вторых, доказано, что на глубинах в пределах первых километров граниты могут иметь мощные зоны массопереноса, в том числе с направленностью движения газов и флюидов к земной поверхности. Именно обнаруженные в США (на основе советского опыта изучения пещер) Ю. Дублянским[34] геологические индикаторы периодического появления глубинных вод у земной поверхности впоследствии стали главным аргументом при закрытии проекта Yucca Mountain. Кстати, гидротермальную историю изучали также по гранито-гнейсам Онкало (Олкилуото) и Канады[35]. Работы Ю. Дублянского – это впечатля-

[29] Никитин А., Зернова Л. Чтобы состоялся диалог, к нему надо готовиться // Bellona : [сайт]. – 2013. – 17 апреля. – URL: http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2013/1366203649.11

[30] Лешок А. В Красноярском крае построят уникальную подземную лабораторию // 1-LINE : информационное агентство. – 2012. – 2 августа. – URL: www.iapress-line.ru/dossier/item/10768-unik

[31] Ожаровский А. Красноярский могильник для РАО – проблемы и скандалы // Bellona : [сайт]. – 2013. – 31 января. – URL: http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2013/Krasnoyarsk-repositary-EIA; Красноярск против «Корпорации АДА». – URL: https://www.facebook.com/NETmogilniku; Малишевский А. Выгребная яма всего мира // Сегодняшняя газета. Красноярск : [сайт]. – 2013. – 23 мая. – URL: http://www.sgzt.com/krasnoyarsk/?module=articles&action=view&id=1617

[32] Серебряков Б. Е. Сказки о радиационной эквивалентности РАО и о замкнутом топливном цикле // PRoAtom : [сайт]. – 2013. – 18 сентября. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4774

[33] Тимурзиев А. И. Резолюция Первых Кудрявцевских чтений – Всероссийской конференции по глубинному генезису нефти и газа // Глубинная нефть : электронный журнал. – 2013. – Т. 1. – № 1. – С. 4–12. – URL: http://journal.deepoil.ru/images/stories/docs/DO-1-1-2013/2_Resolution_1-KR.pdf

[34] Самахова И. Американские атомщики тоже скрывают правду. – URL: http://www.seu.ru/programs/atomsafe/B3/g6.htm; Dublyansky Y. Papers // Academia.edu : [сайт]. – URL: http://uibk.academia.edu/YuriDublyansky

[35] Blyth A. R., Frape S. K., Blomqvist R., and Nissinen P. 1998 Combining fluid inclusion studies with isotopic investigations of fracture calcite to assess the past thermal and fluid history of the Olkiluoto research site, Finland. GSA Abstracts with Program. Toronto, Canada. A-88; Bukata A. R., Kotzer T.,

ющий и достойный подражания пример эффективного вхождения геолога «со стороны» в современную глобальную ядерную проблематику.

А если под ГХК море нефти или воды? Будем потом, после эксплуатации «ядерного кластера», разведку вести – как Казахстан?[36] Германия уже обеспокоилась прогнозом наличия газа ниже подземной лаборатории «Горлебен» на глубине 3 километра и соседством этой площадки с Эльбой[37]. МАГАТЭ, кстати, рекомендует при обосновании выбора площадки для захоронения *доказать* отсутствие в ее недрах и вблизи нее полезных ископаемых, особенно высоколиквидных. Есть и третье глобальное следствие. Абиогенная нефть, как частный случай нефти в гранитах, позволит не принимать всерьез разговоров о принципиальной невосполнимости запасов углеводородов, скором их исчерпании и неизбежности развития гражданской ядерной энергетики с применением опасной радиохимии.

Могильник за Уралом – исторически не первое предложение Минатома/Росатома. Кстати, первым (1985 г.) было предложение о Кольском полуострове[38], а первое впечатление, как говорят, всегда самое верное. Какова судьба предыдущих, каждое из которых в свое время было «всесторонне обоснованным и единственно верным»? Почему «один на всех» могильник вот-вот будут строить вблизи Красноярска – географического центра России? Всесторонне ли обоснован этот вариант с учетом предыдущих и еще сохраняющихся сейчас вариантов?

А почему бы не построить два могильника, но у границ – западной, в районе Печенги, и восточной, вблизи Краснокаменска? Могильники у границ с серьезными соседями на несколько порядков повысят безопасность объектов. По крайней мере, о разрушениях в результате военных действий, диверсий и терактов, направленных против России, можно будет не беспокоиться. Терроризм и промышленные аварии стали постоянными спутниками российской действительности. Новинкой применительно к ядерным объектам следует считать «интеллектуальный терроризм изнутри»[39]. Будем также крепко помнить о работе крылатых ракет по Югославии. Вовсю идет подготовка к подобному сценарию в Сирии. Но никто не решится потревожить таким образом взятых вместе Россию и Китай или Россию и Норвегию, Финляндию, Швецию. Да и другие аспекты безопасности могильника будут в этом случае выверены многократно, без лжи, в связи с жизненно важными интересами разных стран, и не только Росатомом. С учетом масштаба задачи и длительности качественного выбора, строительства, эксплуатации и мониторинга объекта, всё это должно «навечно» мотивировать международное сотрудничество в приграничье нынешней молодой генерации специалистов и будущих поколений.

В конце концов, если события к тому подведут, у Печенги и Краснокаменска есть и потенциал глобального или регионального (арктического – в случае Печенги) ядерного сдерживания – аналогично широко известной идее реального и фантастического вариантов «Периметр» и «Машина Судного дня». Никаких уязви-

---

and Cornett R. J. 1998 Fracture-infilling calcite as a proxy for the paleohydrogeology of a fractured granitic gneiss, an integration of stable isotopes, fluid inclusions and U-series dating. GSA Abstracts with Program. Toronto, Canada. A-225. – URL: http://pbadupws.nrc.gov/docs/ ML0227/ML022740218.pdf

[36] Назарбаев решил разведать недра Семипалатинского полигона // Lenta.ru : [сайт]. – 2013. – 25 июня.

[37] История германского хранилища ОЯТ – все против всех // AtomNews.info : [сайт]. – URL: http://atominfo.ru:17000/hl?url=webds/atominfo.ru/news/air8788.htm&mime=text/html&charset=windows-1251

[38] Комлев В. Н., Бичук Н. И., Зайцев В. Г. и др. Тенденции интеграции и потенциал севера России в проблеме изоляции радиоактивных отходов // Открытая экономика – OPEC.ru : [сайт]. – URL: http://www.opec.ru/news.aspx?id=221&ob_no=86000

[39] Красноярский ядерный могильник – это привлекательная цель для террористов // Facebook : [сайт]. – URL: https://www.facebook.com/ZelenaaLiga/posts/328816177263046; Катковский Е. А. Комментарий к статье: Гордон Б. Г. О перспективах атомной энергетики. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4833

мых средств ответной доставки не надо. И дополнительные усиливающие эффект «оболочки» из кобальта или урана легко выполнить из местного рудного сырья. «Ядерный остров» в границах родного мне Мурманска[40], как и хранилище на сто лет в Сайда-Губе, – видимо, задумка Росатома «из той же серии». Но, надо отметить, не до конца продуманная. Не учли настораживающую траекторию событий с АПЛ «Комсомолец», «Курск», «Екатеринбург». В части защиты безопасности страны и региона этот как бы остров не только многократно хуже, чем вариант Печенги, но и, скорее всего, подрывает ее. Береговые базы и судоремонтные заводы ВМФ России, прилегающие к акватории, впору назвать «Новыми Бермудами».

Единственное, чему сейчас можно безоговорочно верить, – это предположительный ответ Росатома по поводу Железногорска: здесь действует и будет все же расширено радиохимическое и иное производство ГХК с целью «одним махом» покрыть все потребности РФ в этой сфере. И при этом набор технологий ГХК очень уж подходит для курса на предоставление страной международных ядерных услуг расширенного спектра[41]. Вот так: главное – обеспечить решение не вполне очевидной задачи по развитию ГХК, а могильник – лишь необходимое дополнение к этому, а не самостоятельная сложнейшая проблема! Сознание определяют радиохимический завод для гражданских целей и другие относительно временные технологии, а не потребность правильно, всесторонне и надежно обосновать решение, касающееся вечной изоляции отходов.

Одновременно госкорпорация запускает амбициозный проект «Прорыв», который призван сформировать новый для России и мира облик отрасли и предусматривает, видимо, опасную радиохимическую переработку при каждой АЭС нового поколения отходов непосредственно на площадках этих станций. Кроме того, Росатом отрабатывает технологии консервации/захоронения хранилищ жидких радиоактивных отходов Сибирского химического комбината (Томск) непосредственно на месте их расположения и обещает тиражировать эти технологии на других объектах[42]. Кроме того, в Железногорске, в дополнение к могильнику Нижнеканского массива, будут навечно захоронены непосредственно на месте их эксплуатации промышленные/военные реакторы ГХК и другие высокоактивные материалы (в том числе, с фрагментами разрушенного отработавшего топлива). Причем один из главных доводов «великолепен»: другие варианты никогда не исследовались – поэтому будем хоронить так[43]. В РФ много ядерных объектов, при создании которых заранее не проводилось исследований насчет возможности последующего геологического захоронения на их площадках или где-то еще! Это же не повод везде «так хоронить».

Что за стратегическое противоречие: общий «санузел», а добавочно многим объектам еще и отдельные «удобства» с «головной болью» на миллион лет? И всем «законные геологические паспорта» оформляются задним числом! К тому же, замечу, радиохимические технологии решаются применить в промышленных

[40] Павлов А. На атомном предприятии будет «ядерный остров» // NuclearNo.ru : [сайт]. – URL: http://nuclearno.ru/text.asp?17345

[41] Рыбальченко И. Л., Сафутин В. Д., Завадский М. И. и др. Проектное видение облика международного центра по обращению с ОЯТ и РАО // PRoAtom : [сайт]. – 2007. – 20 марта. – URL: http://www.z101359.infobox.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=888

[42] Юшковская И. Два бассейна радиоактивных отходов захоронят на Сибирском химическом комбинате до 2015 года // ИТАР-ТАСС: [сайт]. – 2013. – 31 октября. – URL: http://itar-tass.com/c96/935360.html

[43] Гаврилов П. М., Устинов А. А., Сиренко А. Г. и др. Вывод из эксплуатации промышленных уран-графитовых реакторов ФГУП «ГХК» // Энергетика: эффективность, надежность, безопасность : материалы XIX Всероссийской научно-технической конференции (Томский политехнический университет, 4–6 декабря 2013 г.) – Томск : Изд-во ООО «Скан», 2013. – С. 524–528. – URL: http://portal.tpu.ru/files/conferences/eers/2013/sec4.pdf

масштабах гражданской отрасли далеко не все ядерные страны. Россию не смущают «странные метеориты»[44], осваивающие маршруты над ее территорией.

Обозначим четко последовательность и причины событий. ГХК вблизи Красноярска разместили, дабы до него не добрались тогдашние ударные силы США (бомбардировщики). Объект геологической изоляции ядерных материалов решили разместить в Нижнеканском массиве, главным образом, из-за близости ГХК, а не по геологическим критериям путем альтернативного выбора площадки применительно к условиям страны/региона. Но нет худа без добра. Очень хорошо (применительно к проблеме уже могильников, а не одного могильника вблизи Красноярска), что есть история и опыт создания и эксплуатации подземных объектов ГХК – история и опыт, достойные памяти и уважения. Но с горно-геологической точки зрения фиксируются тревожные факты, подрывающие веру в беспроблемное будущее ядерных могильников на данной территории. Можно сравнить ситуацию, в этом ракурсе, и с действующими подземными объектами Печенги и Краснокаменска, и с гипотетическими «ядерными пещерами» Нижнеканского массива.

Сначала администраторы горно-ядерной науки писали нам, что с качеством массива, вмещающего в себя подземные объекты ГХК, «все хорошо, прекрасная маркиза»[45]. Когда другие специалисты этой же научной отрасли стали писать для иностранных заказчиков, оценки изменились: «До начала строительства подземных объектов скальный массив ГХК в гидрогеологическом отношении был практически не изучен»[46]. В процессе же эксплуатации ГХК и исследований горных пород ГХК, аналогичных Нижнеканскому массиву, обнаруживаются (что было вполне ожидаемо для данного типа пород) участки с показателями высокой гидравлической проницаемости массива (кстати, гораздо выше, чем нормы на проницаемость пород по критериям размещения могильников), в том числе (и особенно) в пределах приконтурной зоны подземных сооружений. Налицо тесная связь поверхностных и подземных вод[47].

Факт «прозрения» неизбежно повторится и на Нижнеканском массиве, как только организаторы работ перейдут от благостных первоначальных обоснований к открытому обсуждению данных детальной разведки массива на глубину не менее 2–3 километров – не перескакивая при этом через этапы добротной *разведки* с поверхности до заложения дорогостоящих горных выработок подземной лаборатории, а также объективно оценивая имеющийся опыт натурных оценок термомеханических последствий воздействия на целостность вмещающих горных пород «начинки» подземных сооружений ГХК (см., например, технические отчеты и журнальные публикации А. Б. Зверева). Расчетные модели – это хорошо. Но разведка массива, которая в геологии предполагает также экспериментальную оценку основных параметров дальнейшей эксплуатации подземного объекта и натурные исследования имеющихся выработок, – лучше.

Вряд ли кому-либо из горняков, например, придет в голову идея строить подземный рудник, если для месторождения не утверждены (на государственном уровне) запасы руды, не выявлены достаточно надежно подземные условия, не отработаны технологии подземных работ и переработки руды, не определены потребители продукции. Совершенно точно, что для такой идеи данные по картировочным скважинам неглубокого заложения – никудышная основа. Каковы в Нижнеканском массиве «запасы» пород требуемого инженерного качества, их прост-

[44] Лекомцев В. А. Странный метеорит // SciTecLibrary.ru : научно-техническая библиотека. – 2013. – 8 марта. – URL: http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/12706.html

[45] Лопатин В. В., Камнев Е. Н. Подземное захоронение РАО // Атомная стратегия. – 2004. – № 13. – (сентябрь). – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=155

[46] URL: https://e-reports-ext.llnl.gov/pdf/321359.pdf

[47] Там же.

ранственное размещение? Каковы «запасы» отходов для Нижнеканского могильника и источники их формирования? Каков масштаб объекта, строительство которого пока предлагается одобрить (на общественных слушаниях) даже не населению Красноярского края и тех тысяч железнодорожных станций, мимо которых пойдут «ядерные составы», а лишь славным жителям Железногорска? «За себя и за того парня» – причем и за «парня» из будущего.

Народ, не очень смыслящий в математике, но знающий жизнь конкретно, говорит примерно так: «Лучше один раз увидеть и пощупать, чем сто раз имитационно моделировать». Поэтому предлагаю новую последовательность работ по подземно-ядерной науке. У ГХК (как и, в принципе, вообще в Красноярском крае) ведь многое уже есть. Надо перевести туннель под Енисеем (слух прошел, что конкурс объявляли на предмет нового его использования) в ранг Подземной лаборатории № 1, а подземной лабораторией № 2 сделать выработки, где будут на месте эксплуатации захоронены промышленные реакторы. Затем надо полностью отключить обе лаборатории от систем жизнеобеспечения и наглухо замуровать, избавив от влияния цивилизации. То есть, оставить наедине с реальными природными процессами, снабдив, конечно, каждую отдельной шлюзовой камерой – люком для периодического их посещения специально введенными в штат ГХК профессиональными спелестологами. Они будут совместно с учеными вести мониторинг результатов. Надо бы красноярских спелеологов спросить: а нет ли вблизи ГХК природных пещер? Вот нам и Подземная лаборатория № 3 была бы. Подземную лабораторию № 4 следует разместить на одном из объектов «Норильского никеля» в Красноярском крае. Подземные лаборатории № 5 и № 6 – это готовые выработки Краснокаменска и Печенги. Лет через 20–30 станет ясно, по нашим ли расчетным законам природа преобразует натурные модели могильников или же по своим. А уж потом, если еще не исчезнут желание и потребность, можно будет приступить к работам по Подземной лаборатории № 7 непосредственно в пределах Нижнеканского массива, предварительно в должной степени разведанного. А уж совсем потом из семи лабораторий надлежит выбрать лучшую. В ее-то площадку и следует вложить основные инвестиции. Можно «проигравшие» лаборатории и на миллион лет оставить в качестве «образцов-свидетелей». Есть-пить они не попросят, а в реальный могильник вход должен быть ликвидирован в силу его статуса.

Отметим, что авторство идеи о подземной лаборатории и могильнике в Краснокаменске, нашедшей поддержку в США и МАГАТЭ (см., например, приложение), принадлежит коллективу сотрудников ИГЕМ РАН во главе с Н. Лаверовым. Еще нужно внимательно посмотреть: что́ будет экологичнее и экономичнее – перевезти отходы Красноярского ГХК, например, в надежное подземное хранилище в Краснокаменске или переместить тот же объем отходов в Нижнеканский массив с последующим на миллионы лет ограничением хозяйственной деятельности на Енисее из-за радиоактивных протечек из этого массива?

Нынешняя администрация Росатома на примере программ строительства АЭС показала слабость в части разработки и реализации планов в интервале времени в десять лет. Но она на примере могильника вблизи Красноярска пытается убедить общество, что умеет на миллионы лет вперед предвидеть ход событий и тратить бюджетные деньги. Специалисты США несколько десятков лет поэтапно выбирали по всей стране площадку для могильника, сравнивая разные геологические формации, пока не получили право начать горные работы на Yucca Mountain. Но, увы, итог и здесь печален.

А Росатом быстро, в стиле нового «прорыва» и безальтернативно, нашел подходящий массив «у забора» ГХК. Хотя должен был бы оценить территорию страны (если говорить о международном могильнике) или того региона, отходы кото-

рого должен принимать могильник (если говорить о региональном могильнике). «Забыв» это сделать (т. е., «забыв» про общепризнанный в мировой практике необходимый этап), Росатом сразу создал основания для серьезных сомнений в объективности работы. Потом захочется «забыть» про добротную разведку (первооснову любых подземных начинаний) площадок Нижнеканского массива – и выручай, филология, вместо геологии… О похожих ситуациях в народе говорили так: «Дела идут, контора пишет». В результате именно такой «филологии» Нижнеканский массив еще в 2007 г. был объявлен разведанным и пригодным. На основании этого сделан следующий шаг – как бы вмонтирован нужный блок в фундамент обоснования будущего международного центра: «Кроме того, одним из преимуществ размещения на ГХК такого комплекса является наличие разведанного в данном районе Нижнеканского гранитоидного массива, который может быть использован для захоронения надежно упакованных высокоактивных отходов (ВАО) от переработки ОЯТ и неперерабатываемого облученного топлива»[48].

Выбор Нижнеканского массива осуществлен структурами Росатома – ВНИПИПромТехнологии и Радиевым институтом. Он не оптимален геологически[49]. Номенклатура подлежащих долговременной/вечной изоляции высокоактивных материалов уже сейчас не сводится только к отходам радиохимии ГХК. Со временем, особенно при ускорении процессов демонтажа ядерных объектов и все большей интернационализации отрасли, неадекватность по многим параметрам площадки вблизи Красноярска будет становиться все очевиднее и тягостнее. И шаг за шагом, если могильник здесь будет построен, его функции, скорее всего, будут последовательно, каждый раз «в связи с новыми непредвиденными обстоятельствами», расширяться. Модернизация станет постоянной. Радиационные нагрузки на территорию будут возрастать – как это происходит сейчас на площадках в Сосновом Бору, Сайда-Губе и Приморье и как, в принципе, уже предусмотрено в подготовленном на иностранные деньги документе, ссылающемся на международный статус могильника под Красноярском[50]. Всё будет происходить по схеме многоступенчатой со временем «актуализации» целей и задач (попросту говоря, подгонки под нужные) для создания условий конкурентоспособного на международной арене развития российской ядерной энергетики и промышленности.

При всем уважении к опыту упомянутых выше институтов, следует, однако, помнить и о некоторых неприятных итогах сделанных ими научных обоснований в условиях финансовой и корпоративной зависимости от администрации Росатома. ВНИПИПром Технологии – разработчик («научный» подход тот же – «у забора» своего объекта, но совершенно иного назначения) отвергнутого после критики со стороны Горного института Кольского НЦ РАН проекта подземного ядерного могильника на полигоне Новой Земли, незаконченного аналогичного проекта для территории ПО «Маяк». Кто может вспомнить добрым словом эти проекты? Прямое наследство ВНИПИПТ – неоднозначные результаты подземных ядерных взрывов в мирных целях. Радиевый институт, как минимум, поддержал продвижение одной из технологий обращения с радиоактивными отходами на объекты ПО «Маяк» и (совместно с ВНИПИЭТом) РосРАО, которую осудила Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований[51].

[48] Рыбальченко И. Л., Сафутин В. Д., Завадский М. И. и др. Проектное видение облика международного центра по обращению с ОЯТ и РАО …

[49] Безобразов Э. Разговоры об атомной безопасности всегда упираются в деньги // Уран-Батор : [сайт]. – 2013. – 1 июля. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid= 4634

[50] URL: https://e-reports-ext.llnl.gov/pdf/321359.pdf

[51] Котляр П. «Гравицапу» запустили в обход Фортова, и он ужасно обиделся // Газета.Ru : [сайт]. – 2013. – 28 июня. – URL: http://www.gazeta.ru/science/2013/06/28_a_5394973.shtml; Рябчи-

Ядерные могильники, подчеркивая главную роль природных условий в долговременной защите, справедливо называют еще геологическими хранилищами. Геология – не профиль Росатома по определению. Неурановые объекты – тем более. Это отражается и в тематике дискуссий на российском уровне – и официальном, и неофициальном. Преобладает одна только устремленность вперед: новые энергетические мощности, реакторы, топливные технологии. Проблемы «тыла» – демонтаж технических достижений, геологическая изоляция отработавшего оборудования, топлива и наработанных отходов – не являются при этом приоритетными. Когда же в этом сегменте отрасли время заставляет действовать, начинаются далеко не безобидные «фокусы» с терминологией, правовым статусом и нормами безопасности[52], переносом сроков. В итоге удобным по времени и финансированию оказывается погружение в пучину нереализуемых мечтаний о «Новом Атомном проекте», а неотложные задачи отрасли (включая геологическое захоронение) отодвигаются в сторону или выполняются абы как. При этом «неожиданно» выясняется, что реальные геологические процессы, экспериментальное изучение которых подменяется «высоконаучными» теоретическими расчетами «ядерных геологов» по части общих оценок[53], приводят к неприятностям, которые на порядки более значимы, чем предсказанные теоретически.

Российская ядерная отрасль изолируется от комплексных знаний о Земле, от горно-геологической науки и практики во всей ее полноте, фактически пренебрегает мировым опытом. Она проявляет готовность «свалить» отходы своей и чужой деятельности «в первую попавшуюся дыру», решает сложную задачу примитивно – по модели «приятного во всех отношениях» Нижнеканского массива «под боком», игнорируя факт развития и перспективы абиогенных и сланцевых углеводородов. Как, кстати, и возможность энергетической революции на новой ядерной технологической платформе[54]. Вслед за сланцевой революцией и так же быстро по срокам начала. Тем самым она многопланово дискредитирует себя в глазах «просвещенного человечества», рискуя полностью потерять надежных сторонников широкого профессионального спектра, в том числе и среди специалистов наук о Земле. Такой подход к делу далек от «культурного» обращения с ядерной энергией.

Может быть, для понимания статуса ядерной энергетики на реакциях деления полезно задуматься параллельно и о судьбе гражданского термояда на реакциях синтеза[55]. Когда в 50-х гг. прошлого века «на ура» и с величайшей верой начинали разработку этой научно-технической проблемы, мотивация была очевидной: нужно было поддерживать недавно народившуюся, но сразу ставшую приоритетной водородную бомбу. СССР в то время не был сказочно богат углеводородами, уг-

ков Б. Е. Еще раз о патенте Грызлова – Петрика // В защиту науки [электронная версия]. – 2013. – Бюллетень № 12. – С. 22–24. – URL: http://moi-vzn.narod.ru/VZN_12.PDF; Александров Е. Нужны фильтры против глупости // PRoAtom : [сайт]. – 2013. – 28 июня. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4630

[52] Серебряков Б. Е. Сказки о радиационной эквивалентности РАО и о замкнутом топливном цикле …

[53] Серебряков Б. Е. Комментарий к статье: Тихонов М. Н., Муратов О. Э., Рылов М. И. Ядерно-радиационное наследие на Северо-Западе России // PRoAtom : [сайт]. – 2013. – 15 ноября. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4887

[54] Просвирнов А., Ратис Ю. Л. Сомнений не осталось, LENR существует // PRoAtom : [сайт]. – 2013. – 29 ноября. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4921

[55] ITER – продукт шестидесятилетнего блефа // PRoAtom : [сайт]. – 2014. – 13 января. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4996; Термоядерная энергетика будет создана не раньше 2100 года // Интерфакс-Россия. – 2014. – 14 января. – URL: http://www.interfax-russia.ru/Siberia/news.asp?id=464721&sec=1671; Просвирнов А. Комментарии к статье: Просвирнов А., Ратис Ю. Л. Сомнений не осталось, LENR существует …

леводороды только еще набирали силу в качестве основы мировой экономики. Сейчас, по прошествии многих лет, военное дело и гражданская энергетика существенно обновились технически, технологически и организационно. Россия обладает серьезными реальными и потенциальными запасами нефти и газа (не говоря уже об угле), но за рубежом спрос и цены на российские углеводороды будут падать, а нефтегазовая отрасль страны будет выдавливаться с внешнего рынка. Положительных перспектив глобального освоения термоядерной энергии в мирных целях не просматривается. Нужны ли и не ведут ли в тупик крупномасштабные проекты и финансовые траты в области термоядерной энергетики?

Завершающие стадии любого ядерного топливного цикла экономически достоверно не исследованы[56], как не поняты до конца и причины Чернобыля, «а реакторы продолжают работать»[57]. Кто после ликвидации нынешней РАН будет хоть как-то (а необходимо комплексно) контролировать, учитывая необозримые во времени перспективы позитивной роли ядерной отрасли и ее негативных последствий для здоровья и кошелька множества людей, геолого-географо-экономические «открытия» и гарантии безопасности Росатома?

Немного о гранях «существа» проблемы. Меня часто подозревают в некомпетентности. Например, мне говорили: «Статьи по существу не геологические/не горных наук». Да, не геологические и не горные в устоявшихся традициях и правилах работы геологов и горняков. А «геологическое хранение ядерных материалов» – это горно-геологическая проблематика? Да, горно-геологическая. Тем не менее, по ряду исторических и политических причин «гражданские» геологи и горняки со всем их разносторонним опытом и методами исследований отстранены или самоустранились от этих дел, хотя в начале «Атомного проекта» работами по массовым поискам урана, строительством подземных объектов значительно помогли Минатому и стране. Когда атомные энергетики сотворили при помощи «национального типа реактора» беду в Припяти, «рудознатцам» и «горщикам» выпало «врукопашную» бороться с «китайским синдромом» под разрушенной активной зоной. Сейчас же они находятся не в активной позиции, а на правах «гастарбайтеров» на вспомогательных (чтобы не дело сделать, а общественность формально успокоить) подрядных работах. Кто платит, тому и «танцуют» по заказу. Это ошибка. Я пыталась, хотя и неумело, поспособствовать исправлению дел, инициировать понимание того, что участие специалистов по Земле в таких исследованиях должно быть усилено. Во взаимодействии с ядерщиками, но без давления со стороны Росатома. А как и по каким направлениям? Ну, это уже дело этих специалистов «по существу»: понять задачи и определить свое место в строю. Думалось, что вот тут-то и хороши были бы статьи «по существу геологические/горные», но не мои.

А пока, как мне кажется, даже в рамках специальной ядерно-горно-геологической тематики горняки, геологи и ядерщики существуют и предпочитают существовать в «разных параллельных мирах». Воспользуемся удачным применением термина О. Двойниковым по иному поводу из ядерной сферы[58], но характеризующим общую картину российского общества. При этом в одном из миров вкладывают большие деньги в навязчивый агрессивный пиар и саморекламу.

Международные подземные ядерные хранилища/могильники можно рассматривать как элементы будущих систем ядерного нераспространения и физической

[56] Красноруцкий В. Будущее ядерной энергетики немыслимо без реакторов на быстрых нейтронах. – URL: http://www.atomnews.info/?T=0&MID=62&JId=62&NID=3481

[57] Комментарии к статье: Угроза мирного атома // PRoAtom : [сайт]. – 2013.– 19 августа. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4718

[58] Двойников О. В. Параллельные пересекаются // PRoAtom : [сайт]. – 2013. – 31 декабря. – URL: http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=4990

защиты ядерных материалов, как панацею, в том числе и от попадания этих материалов (возможная начинка радиологического оружия) в руки террористов.

Но прежде все же следует, минимум на двух уровнях, переосмыслить вопрос: «Нефть или ядерная энергия/ядерные отходы?» На глобальном уровне вопрос стоит так: если абиогенная нефть реальна (как реальна на Земле вода различного происхождения), то нужно остановить или приостановить развитие нынешней и любой другой будущей ядерной энергетики, неизбежным следствием которых есть и будет штатное и аварийное генерирование высокоактивных и долгоживущих отходов, а также – развитие системы международных подземных ядерных могильников, в том числе приостановить работы вблизи Красноярска. На локальном же уровне – если строительство могильника вблизи Красноярска необходимо, то надо с помощью глубокого бурения доказать отсутствие нефти и благоприятный гидрологический режим применительно к оконтуривающим предполагаемое место заложения объекта кристаллическим породам Нижнеканского массива.

Для Печенгской геологической структуры (породы основного и ультраосновного состава) и ее обрамления (где обильно, как и в зоне урановых месторождений Краснокаменска, представлены и граниты) эти вопросы имеют ответы. Множеством скважин глубиной 2–2,5 километра, сетью горных выработок «Норильского никеля» и Кольской сверхглубокой скважиной доказано отсутствие нефти и показаны благоприятные предпосылки естественной гидроизоляции[59] будущих подземных сооружений могильника. Породы собственно Печенги в сравнении с гранитами более устойчивы к внешней дестабилизирующей энергии (диссипация напряжений) и более эффективны в способности «самостоятельно залечивать» возникшие все же из-за внешнего воздействия трещины. На основе местного сырья разработаны долговечные строительные материалы, предназначенные для дополнительной (в составе защитных инженерных барьеров) изоляции радионуклидов, а также блокирования опасных процессов внутри могильника. Об инженерно-геологических и других свойствах гранитов Краснокаменска (в частности, об их опасной склонности к горным ударам[60]) много знают тамошние и московско-петербургские специалисты.

А мурманские геологи, геофизики и горняки пока еще способны (даже, вероятно, самостоятельно и уже в ближайшее время) наполнить при наличии заказчика имеющимися на сегодня фактическими результатами полевых работ первоначальную «затравку» для дальнейшего полновесного обоснования альтернативного варианта международной площадки захоронения высокоактивных и долгоживущих ядерных отходов на Северо-Западе РФ. В прошлом веке их усилиями и по их инициативе в честном научном соревновании было доказано, в том числе на международном уровне (TACIS Project NUCRUS 95410), преимущество Мурмана перед Новой Землей. Кроме того, был подготовлен вариант комплексного учета критериев отбора площадок, применимый и для других регионов. Почему бы им с имеющимся горно-геологическим опытом, примерами площадок на Кольском полуострове и анализом, прежде всего, соседских шведско-финских аналогов (мировых лидеров по части гранитоидных массивов) не быть спарринг-партнерами исследователям площадки около Красноярска? А иногда – и стимулирующими объективность оппонентами. Горный институт Кольского НЦ РАН, например, изучает проблемы ядерных могильников совместно с научными и производствен-

[59] Komlev V. N., Bichuk N. I., Zaitsev V. G. et al. Nickel-Producing Regions and Zones Where Nuclear Waste Might Be Stored // Biodiversity Conservation Center : [сайт]. – URL: http://www.biodiversity.ru/publications/arctic/archive/n12/nikel.html

[60] Баринов И. Уникальный прибор на урановом руднике в Забайкалье повысит безопасность шахтеров // ИТАР-ТАСС : [сайт]. – 2013. – 27 ноября. – URL: http://itar-tass.com/novosti-partnerov/794047

ными организациями как России, так и Германии, Франции, Бельгии, Норвегии и Китая[61].

Есть предположение, что Нижнеканский массив выше уровня моря не будет лидером по объему исследований в настоящее время. И никогда (природу не обманешь!) – по гидрогеологическим условиям пород в сравнении с данными[62] не только по Печенге, но и по гранито-гнейсам Швеции и Финляндии. Выбранные для могильников условно слабопроницаемые гранитоидные блоки Швеции и Финляндии дополнительно находятся под дном моря в равновесии с окружающей средой. Равновесие компенсирует некоторый их недостаток по проницаемости. То есть и с точки зрения наличия внешних гидравлических потенциалов надо помнить о разной динамике в поведении воды в Нижнеканском массиве и зарубежных «эталонах»: явно подвижная и условно неподвижная.

По воспоминаниям геофизиков, стенки разведочных скважин (бурением как с поверхности, так и из подземных выработок) и целостность массивов на Печенге вне рудных зон, как правило, без дефектов. Свободной воды в таких интервалах пород нет. Это позволяло успешно применять для разных качественных и количественных (производственных и экспериментальных) каротажных исследований не только кавернометрию, но также гамма-гамма плотностной и гамма-гамма селективный, рентгенорадиометрический, спектрометрический нейтронный гамма-, нейтронно-активационный, нейтрон-нейтронный и другие методы. Такую, существенно дополняющую результаты непосредственно гидрогеологических работ (которые не являются в технологии геологоразведки массовыми) оценку качества массивов можно проверить по архивам Мурманской геологоразведочной экспедиции и комбината «Печенганикель». В том числе – посредством интерпретации заново (в связи с новой задачей) первичных материалов полевых работ. Или при постановке новых каротажных исследований. Применение некоторых из перечисленных методов, несомненно, повысит достоверность оценок инженерных условий и должно стать важной составной частью будущей методики выбора конкретных блоков заложения подземных сооружений.

Одновременно с работами по Красноярску, применительно к Кольскому полуострову были бы созданы предпосылки строительства объекта новой отрасли, сочетающей горно-геологическую основу и функции энергетики, – объекта, который бы (дольше, чем горное дело прежних и нынешних лет, стоящее на пороге кризиса: особенно предприятия цветных и черных металлов[63]) стабильно наполнял бюджет региона основными доходами. Прочерчиваются новые векторы развития энергетической системы Мурманской области, определяются ключевые факторы «бытия» горной промышленности и проблемы создания новых горных технологий. Эти вопросы обозначены в программе II Мурманской международной деловой недели (2013 г.) среди центральных. Горному буму в Финляндии последних лет нужна серьезная альтернатива на Мурмане. В докладах П. Машегова, С. Симонова и Г. Победоносцевой возможность рывка в развитии северных регионов, например, связана с крупными научно-производственными проектами (в том числе на базе Кольской сверхглубокой скважины), которые сравниваются по масштабам и значению с проектами в ядерной сфере[64].

---

[61] Партнерские связи института // Горный институт Кольского научного центра РАН : [сайт]. – URL: http://www.goikolasc.ru/partner

[62] Komlev V. N., Bichuk N. I., Zaitsev V. G. et al. Nickel-Producing Regions and Zones Where Nuclear Waste Might Be Stored …

[63] Тимофеева В. Будущее в разрезе // Кировский рабочий. – 2013. – 28 ноября. – URL: http://www.kolasc.net.ru/russian/press/13/2811_05.pdf

[64] Машегов П. Н., Симонов С. В. Мегасайнс проекты как источник инновационного развития регионов российского Севера // Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы : тезисы

Предлагаемая же «Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года» вряд ли может дать ориентиры серьезному делу. Таковыми не могут быть иллюзорные надежды на строительство Кольской АЭС-2[65] и активное освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения. Как и прогнозы соответствующих инвестиций и результатов (опубликованное на сайте Института экономических проблем Кольского НЦ РАН письмо № 17547-2115 от 24.10.13[66]). Налицо, во многом, имитация радения о деле путем реанимации на уровне области разговоров, которые на уровне страны и крупных международных компаний за несколько десятков лет (и несколько лет «Стратегии»!) не дали даже приближения к результату. Малая значимость и ошибки «Стратегии» видны и простому люду[67]. И такая реакция в области на «Стратегию», подготовленную на стороне, наблюдается не впервые[68]. Но, к сожалению, предлагаемые вновь и вновь стратегические подходы не учитывают несомненных тенденций. И не случайно, видимо, II Мурманскую международную деловую неделю воспринимают как «Неделю сказок»[69]. Стоило бы вспомнить пословицу: «Чем богаты, тем и рады». А ядерная инфраструктура, горно-геологический потенциал и надежные скальные массивы Мурмана – это недооцененное ныне российскими стратегами реальное богатство. Пока же, к сожалению, регион теряет время и перспективу.

«Неделя сказок» контрастно по смыслам, но совпала по времени с юбилейными воспоминаниями об академике А. Ферсмане – знаменитом геологе-государственнике и хорошем человеке. Его не мечтания, но мечта, его дела, усиленные счастливым образом нацеленностью страны на реальное ускоренное развитие, преобразили регион. С другой стороны, чуть позже «Недели», на которой было с привязкой к важным федеральным документам 2013 г. торжественно объявлено об арктическом курсе и инновационной траектории развития области[70], нынешнее государство обнародовало решение о замораживании госпрограммы социально-экономического развития Арктики[71], хотя формировать и укреплять арктические границы РФ, похоже, собирается[72].

Именно с Мурманом отчасти связаны разработка основ научного направления по локализации радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива, стра-

---

докладов Всероссийской научно-практической конференции (Апатиты, 6–8 ноября 2013 г.). – Апатиты, 2013. – С. 43–45. – URL: http://www.iep.kolasc.net.ru/tezis2013.pdf; Победоносцева Г. М. Арктическая зона как возможный катализатор экономического роста РФ // Развитие Севера и Арктики: проблемы и перспективы : тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции (Апатиты, 6–8 ноября 2013 г.). – Апатиты, 2013. – С. 54–55. – URL: http://www.iep.kolasc.net.ru/tezis2013.pdf

[65] Пока экономике региона не потребуется дополнительная энергия, Кольскую АЭС-2 строить не будут // B-port.com : [сайт]. – 2013. – 6 декабря. – URL: http://www.b-port.com/news/item/119715.html

[66] URL: http://www.iep.kolasc.net.ru/news/news25102013.php

[67] Отдели зёрна от плевел // bloger51.com : [сайт]. – 2013. – 26 октября. – URL: http://bloger51.com /2013/10/46992

[68] Стратегия не порадовала ученых // bloger51.com : [сайт]. – 2011. – 22 ноября. – URL: http://bloger51.com/2011/11/21668

[69] Неделя сказок // bloger51.com : [сайт]. – 2013. – 18 ноября. – URL: http://bloger51.com/2013/11/47405

[70] Дмитриева Е. Марина Ковтун: арктический курс предполагает инновационную траекторию развития // ФедералПресс : Российское информационное агентство. – 2013. – 20 ноября. – URL: http://fedpress.ru/news/econom/reviews/1384947163-marina-kovtun-arkticheskii-kurs-predpolagaet-innovatsionnuyu-traektoriyu-razvitiya#comments

[71] Правительство РФ заморозило госпрограмму развития Арктики // FlashNord : информационное агентство. – 2013. – 09 декабря. – URL: http://flashnord.com/news/pravitelstvo-rf-zamorozilo-gosprogrammu-razvitiya-arktiki

[72] Фаляхов Р. За нефть и газ стоит ледовая дружина // Новости Mail.Ru : [сайт]. – 2013. – 11 декабря. – URL: http://news.mail.ru/politics/16044427/?frommail=1

тегическому использованию подземного пространства страны, а также руководство крупномасштабными исследованиями в области подземного строительства специальных объектов государственного значения, в частности – подземных АЭС и ядерных могильников[73]. В ходе работы Контактной экспертной группы МАГАТЭ на Кольском полуострове в октябре 2013 г. прозвучали высокие оценки выполненной работы и перспектив. «Мурманская область – крупнейшая территория по развитию ядерных технологий». «С использованием немецких технологий и наших подходов… рождаются совершенно новые технические решения», «…будет создан полный цикл обращения с радиоактивными отходами на северо-западе России. Технологии и методы, которые здесь применяются, позволят решить глобальный вопрос с захоронением РАО»[74]. Аналогично думают и члены Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии ГД РФ, которые работали в Мурманске сразу вслед за иностранными экспертами[75].

Попытки «навести мосты» между площадками двух регионов со стороны специалистов Кольского полуострова имели место [2][76].

Печенга максимально обеспечит выполнение упомянутой рекомендации МАГАТЭ по недрам: известные месторождения исчезнут, а новые практически невероятны при высочайшей геологической изученности территории. Не изменится коренным образом ситуация на данной площадке даже при использовании новых технологий и организации поисковых и разведочных работ относительно традиционного и нового (золото) для Печенги сырья, гипотетические результаты которых предполагает в общем по региону А. Калинин[77]. Новые исследования по высоколиквидным полезным ископаемым здесь беспроигрышны при любом их результате. В частности, при отрицательном результате или, в крайнем случае, локальной находке они усилят доказательную базу в части подземного ядерного объекта вне зоны месторождений. Аналогия: в РАН (Н. Лаверов) такой же подход к Краснокаменску считают «единственно верным»[78]. «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» может работать при существующих запасах урана 30–35 лет.

---

[73] Медведев поздравил с юбилеем академика РАН Николая Мельникова // РИА Новости : [сайт]. – 2013. – 25 июля. – URL: http://ria.ru/science/20130725/951940224.html; 25 июля исполняется 75 лет академику РАН Н. Н. Мельникову // Горный институт КНЦ РАН. – URL: http:// goikolasc.ru/congratulation

[74] Мурманская область – крупнейшая территория по развитию ядерных технологий // Nord-News : информационное агентство. – 2013. – 11 октября. – URL: http://nord-news.ru/news/2013/ 10/11/ ?newsid=54929

[75] Елкин А. Мирный атом : Круглый стол профильного комитета Думы // Мурман : [сайт]. – 2013. – 30 октября. – URL: http://murman.rfn.ru/rnews.html?id=1186841&cid=7

[76] Комлев В. Н., Бичук Н. И., Зайцев В. Г. и др. Тенденции интеграции и потенциал севера России в проблеме изоляции радиоактивных отходов …; Мельников Н. Н., Амосов П. В. Миграционная модель объекта окончательной изоляции отвержденных РАО в слабопроницаемых скальных породах. – URL: http://conf.sfu-kras.ru/uploads/MelnikovNN.doc; Радиоактивность и радиоактивные элементы в среде обитания человека: материалы IV Международной конференции (Томск, 4–8 июня 2013 г.); Томский политехнический университет. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – URL: http://portal.tpu.ru/files/conferences/ radioactivity/book-light.pdf

[77] Калинин А. А. 8-я конференция “Fennoscandian Exploration and Mining”: впечатления участника по горячим следам // Золотодобыча. – 2011. – № 156 (ноябрь). – URL: http://zolotodb.ru/ articles/geology/placer/10553

[78] Обсуждение научного сообщения: Юдинцев С. В. Обращение с высокоактивными отходами ядерной энергетики: прошлое – настоящее – будущее / Заседание Президиума Российской академии наук. – 2011. – 15 февраля. – URL: http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=bb9c25dd-630b -4f87-8d3e-6fad9a0ba9ca; Лаверов Н. П. Геологическое хранилище для ОЯТ // Барьер безопасности. – 2005. – № 3–4. – С. 14–18. – URL: http://newmdb.iaea.org/GetLibraryFile.aspx?RRoomID =694

Международные перевозки ядерных материалов и радиоактивных отходов в Печенгу (как и часть российских, например с Дальнего Востока), скорее всего, будут осуществляться морем через незамерзающие порты Киркенес или Лиинахамари по освоенным несколькими странами (США, Япония, Франция, Швеция, Россия и др.) технологиям. Или через Балтику и северную Финляндию. Логистические системы Онкало и Печенги во многом пригодны для унификации. При этом территория России не будет подвергаться опасности. И страна претендует на роль лидера на рынке морских перевозок ядерных материалов с неограниченным районом плавания[79].

Желательно было бы протестировать излишне категоричный тезис о Нижнеканском массиве как единственном пока еще в России природном объекте с максимально высоким статусом подготовки для сооружения подземного могильника высокоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива[80]. Только такое тестирование может позволить говорить о научной достоверности этого тезиса и легитимности основанных на нем приоритетных исследований вблизи Красноярска, а также надеяться на получение так называемой социальной лицензии на строительство и эксплуатацию могильника. Несомненно, полезными были бы и сравнительные исследования российских, украинской (Чернобыльская зона), казахстанской (Семипалатинский полигон), китайской (Бейшан[81]) и других (монгольских, канадских) потенциальных площадок подземной изоляции ядерных отходов сквозь призму данных по объекту Онкало.

Следует отметить, что разрабатываемая для Печенги методология обращения в контексте геологического хранения/захоронения ядерных материалов к бывшим или истощающимся сульфидным медно-никелевым месторождениям (но не к вновь вводимым в эксплуатацию, например, в Воронежской области) имеет потенциал расширения/тиражирования/унификации, в частности, в пределах Балтийского щита (особенно Финляндии), а возможно, и для условий ядерных технологий Северной Америки и никеленосных провинций Канады, и для условий Казахстана (Жезказгана). Вспомним как аналогию давний зарубежный опыт. В свое время сочетание инфраструктуры и хороших геологических (прежде всего, гидрогеологических) условий вмещающих массивов бывшего рудника «Конрад» (железная руда), бывших соляных шахт «Ассе» и «Морслебен» позволили Германии первой в мире прагматично и системно создать на базе этих природно-техногенных комплексов эффективные одноименные подземные хранилища радиоактивных отходов. Но, как тогда требовалось, лишь низкого и среднего уровня активности.

При необходимости «Норильский никель» и на равноудаленном от западных и восточных поставщиков Таймыре найдет пригодный массив и/или готовые выработки для хранилища, дополнительно изолированные покровом естественных многолетнемерзлых пород. Или на Северо-Востоке России. Не промороженные приповерхностные известняки в качестве непосредственной среды захоронения (как предлагалось ВНИПИПТ для полигона Новой Земли), которые гидравлически связаны с морем (как грунты Фукусимы-1) и без глобального потепления пре-

[79] Разработан сухогруз для вывода ядерных отходов с АЭС на Чукотке // GlobalSib.com : информационный портал. – 2013. – 25 ноября. – URL: http://globalsib.com/18894/

[80] Андерсон Е. Б., Савоненков В. Г., Любцева Е. Ф. и др. Результаты поисковых и научно-исследовательских работ по выбору площадок для подземной изоляции ВАО и ОЯТ на Нижнеканском массиве гранитоидов (Южно-Енисейский кряж) // Труды Радиевого института им. В. Г. Хлопина. – 2006.– Т. XI. – С. 8–64. – URL: http://www.khlopin.ru/proceedings/11-2.pdf

[81] Сверхглубокое захоронение в скважинах: Китай выражает интерес к разработкам Великобритании // Atomic-Energy.ru: Российское атомное сообщество : портал. – 2012.– 26 марта. – URL: http://www.atomic-energy.ru/news/2012/03/26/32151

вратятся в «газированное болото» под действием тепловых и радиационных нагрузок, а приличного инженерного качества породы с плюсовым температурным режимом под отдельной «шапкой» многолетней мерзлоты для дополнительной гарантии от проникновения метеорных вод. Вот ведь на Фукусиме-1 после более чем двух лет неудачных попыток предотвратить миграцию радиоактивной воды приняли решение применить надежно опробованную в горной промышленности искусственную заморозку грунта вокруг и под АЭС. Правда, не надо скрывать, что, как говорится, здесь «две большие разницы». Горняки применяют конкретную систему заморозки локально и максимум на десятки лет, а с загрязнением прибрежных вод Японии и Тихого океана в предложенных ядерщиками очередных «неприятных» обстоятельствах придется бороться минимум сотни лет.

Удачным сочетанием для любых сценариев будущего ядерной энергетики может быть подземное хранилище вблизи Норильска и уже действующее наземное хранилище Красноярского ГХК. Люди «Норильского никеля» занимают ключевые административные посты не только на Таймыре, но и на Кольском полуострове.

Печенгская структура по праву должна рассматриваться как уникальное геологическое (с комплексом других привлекательных для решения проблемы подземного ядерного могильника черт) место Кольского полуострова и России. Как научно-технологический полигон для международных объектов MegaScience. Печенга – непревзойденный стандарт степени геологической изученности (советский, ставший по наследству российским) и, возможно, качества породных массивов. Ствол Кольской сверхглубокой скважины служил глубинной геофизической лабораторией, позволявшей изучать различные геофизические поля. Может быть, и в дальнейшем послужит? Здесь (как нигде еще) даже граница мантии установлена точно, по данным геофизики и бурения[82]. На Мурмане расположена уникальная установка сверхнизкочастотного с поверхности зондирования и мониторинга земных недр «Зевс». С помощью этой установки уже проводился поиск мест для захоронения радиоактивных отходов[83]. И могут передаваться под землю ключевые команды в экстренной ситуации аналогично управлению АПЛ. При использовании других технических средств имеются предпосылки и беспроводного контроля этим методом подземного объекта и вмещающего массива изнутри[84]. Кольский полуостров называют «окошком» внутрь Земли. Здесь проводилось глубинное электромагнитное зондирование и другими методами, при разных вариантах «Кольского зонда»[85].

Необходимо приветствовать попытки новых разносторонних исследований применительно к данной площади. Такая высокая планка подхода к знаниям о литосфере и критериям ее пригодности наиболее адекватна задаче создания природно-техногенного объекта в недрах Земли, безопасного и никому не мешающего существовать, который впервые в истории человечества должен выполнять свою полезную функцию не иначе как в координатах времени геологического и, возможно, на протяжении всей дальнейшей жизни рода человеческого. Стоит задача

[82] Жамалетдинов А. А. На квадроциклах по Печенге // Тиетта. – 2012. – № 3(21). – С. 63–66. – URL: http://geoksc.apatity.ru/images/stories/Print/zh21.pdf

[83] Кононов Ю. М., Жамалетдинов А. А. Системы СНЧ-радиосвязи и мониторинга среды: перспективное направление конверсионной политики России // Информост – Радиоэлектроника и Телекоммуникации. – 2002 – № 3. – С. 4–6. – URL: http://www.rit.informost.ru/rit/3-2002/4.pdf

[84] Терещенко Е. Д., Любчич В. А., Миличенко А. Н., Пильгаев С. В. Использование электромагнитных волн экстремально низкочастотного диапазона для аварийной связи в шахтах // Вестник Кольского научного центра РАН. – 2013. – № 1. – С. 36–42. – URL: http://www.kolasc.net.ru/russian/news/vestnik/vestnik-1-2013.pdf

[85] Файнберг Э. Б., Абрамова Л. М., Барсуков П. О., Хабенский Е. О. Кольский зонд (проект). Природа корового проводящего слоя на Мурманском геоблоке Кольского полуострова. – URL: http://www.igemi.troitsk.ru/emr/kola.html

определения, соответственно, новой, экологической, функции литосферы. Настолько важной, что если бы неандертальцы, кроманьонцы и другие древние люди имели рукотворный ядерный реактор, но не имели бы технологий надежного использования подземного пространства (науке известны природные ядерные реакторы дочеловеческой эпохи в урановых месторождениях), то мы и сейчас должны были бы опасаться отходов «первобытной» ядерной отрасли.

Литература

1. Никипелов Б. Этика и диалектика в ядерной энергетике // Бюллетень по атомной энергии / ЦНИИ Атоминформ. – 2003. – № 10. – С. 7–14.

2. Мельников Н. Н., Конухин В. П., Комлев В. Н. Материалы на основе минерального и техногенного сырья в инженерных барьерах для изоляции радиоактивных отходов. – Апатиты : Изд-во Кольского НЦ РАН, 1998.

Статья поступила в редакцию 14 января 2014 г.

Мир культуры:
субъекты, институты, практики

УДК 1(091)

Звиревич Витольд Титович
д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: zwirewi4@mail.ru

Zvirevich Vitold Titovich
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at History of Philosophy and Philosophy of Education Chair, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ РИТОР ДИОН ХРИСОСТОМ

DIO CHRYSOSTOM: RHETORICIAN ON PHILOSOPHY

Аннотация
В публикации представлен авторский перевод с древнегреческого языка диалога Диона Хрисостома «О философии». В диалоге Дион Хрисостом осуждает софистическое мнение о философии и убеждает собеседника в том, что только философия несовместима с пороками и отвращает человека от позорного и дурного поведения.
Ключевые слова: диатриба; назначение философии; философия киников; философское красноречие.

Abstract
The article presents the author's translation from the ancient Greek of «On Philosophy» dialogue by Dio Chrysostom. In the dialogue Dio condemns a pseudo-philosophical sophistical idea of philosophy and convinces the reader that true philosophy cannot be reconciled to any vice; it turns a man away from ignominious and wicked behavior.
Keywords: diatribe; mission of philosophy; philosophy of Cynics; philosophical eloquence.

Дион Хрисостом (Златоуст; от греч. χρύσεος – золотой, στόμα – рот) из города Пруса в малоазийской провинции Вифиния жил во второй половине I – начале II в. н. э. Он оставил значительное литературное наследие: речи и беседы – содержание которых составляют философские, общественно-политические и даже, если можно так выразиться, литературоведческие вопросы, что позволяет считать Диона не столько оратором, сколько философом, а его риторическое искусство зачислить в особый разряд «философского красноречия».

Действительно, если сравнить речи Диона с принятым в античности разделением красноречия на три рода: торжественное, включающее речи хвалебные и порицательные, в которых оратор исходил из категорий хорошего и дурного; совещательное, которое включало речи, убеждающие или разубеждающие в принятии решения на основе представлений о полезном и вредном; судебное – речи обвинительные и защитительные, исходящие из категорий справедливого и несправедливого [1], – то едва ли их можно распределить по этим видам речей с их жесткой привязкой к определенным моральным категориям. К тому же «чистые» ораторы произносили свои речи в основном по поводу какого-нибудь конкретного лица, общественно-политического события или судебного дела, даже если и включали в них так называемые «общие места», т. е. положения философского характера. Ведь именно таковы преимущественно адресаты речей, например, Демосфена [2], Исократа [3], Цицерона [4].

Речи же Диона обращены ко всем людям, так как поднимают общечеловеческие социально-политические и моральные проблемы, представленные, разумеется, в их конкретно-историческом, античном, выражении. Поэтому его правильнее

© Звиревич В. Т., 2014

было бы назвать даже не «философствующим ритором», а «ораторствующим философом», продолжающим по существу дело Сократа – обучение философии словом, произнося речи или вовлекая человека в беседу. В то же время можно сказать, что Дион воплотил в своем творчестве также и пожелание Цицерона сделать философию красноречиво говорящей. Согласно Цицерону, римская философия появляется в облике совершенного римского красноречия [5]. Он утверждал, что «безмолвная и лишенная речи мудрость не в состоянии ничего произвести» [6].

Каковы же были собственно философские воззрения Диона? По общему мнению, он придерживался в основном кинической философии. Приведем по этому поводу слова видного советского исследователя философии киников И. М. Нахова: «Влияние кинизма на творчество Диона оказалось столь глубоким и разносторонним, так отразилось на наиболее значительных его произведениях, что некоторые исследователи склонны видеть в нем стопроцентного киника. Тем более что в изгнании он не только произносил кинические речи, но и вел kynikos bios» [7]. Дион принял не только киническую философию, но и литературный жанр киников – диатрибу [8].

Оценивая творчество Диона Хрисостома, будет вполне справедливым признать его одним из выдающихся философов-киников римской эпохи, как это и делает И. М. Нахов [9]. Однако следует отметить, что даже при такой высокой оценке Диона на русский язык переведена ничтожная доля его произведений[1].

В данной публикации предлагается перевод еще одного небольшого диалога Диона Хрисостома – «О философии», в котором он убеждает собеседника в том, что только одна философия среди всех занятий и наук несовместима с пороками, отвращает человека от позорного и дурного и, по-видимому, осуждает софистическое мнение о философии.

Дион Хрисостом
О философии[2]

Dio Chrysostom
The Seventieth Discourse: On Philosophy

(1) Д[ион]. Ну вот, если бы ты услышал кого-нибудь, говорящего, что он хочет земледельствовать, но увидел бы (ὁρῴης), что он ничего для этого не делает: ни быков не покупает и не выращивает, ни плуга не подготавливает, ни других орудий для земледелия; и не поселяется в сельской усадьбе (ἀγρῷ) или, владея ею или нанимая [ее] у другого, большей частью (τὰ πολλὰ) в городе околачивается (διστρίβοντα) около площади и гимнасия и пребывает на попойках, или у гетер, или [в прочей] такой праздности, – то будешь ли ты больше внимать тому, что он говорит, или совершаемому им? И скажешь ли ты, что этот человек – земледелец и работник, или [что он – из числа] бездельников и праздных [людей]?

[Собеседник Диона]. Ясное [дело], что [он – из числа] бездельников.

[1] Античная философия / Энциклопедический словарь. – М., – С. 341; Известия Уральского федерального университета. – Серия 3. – 2012. – № 3. – С. 147–159; Звиревич В. Т. Жанр утешений в античной философской литературе. – Екатеринбург, 2013. – С. 341–344.

[2] Перевод с древнегреческого В. Т. Звиревича по публикации: Bill Thayer's Site: [сайт]. – URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/ (дата обращения: 11.10.2013) (греческий оригинал и английский перевод).

(2) Дион. Пусть будет [так]. А (δὲ) если бы кто-нибудь сказал, [что] он – охотник и превосходит Ипполита[3] или Мелеагра[4] и мужеством, и выносливостью (φιλοπονίᾳ), но нисколько не проявлял [себя], совершая [что-либо им] подобное, и не приобретал ни собак, ни [охотничьих] сетей, ни коня, и вообще не выходил на охоту да (ἀλλὰ) и на солнце не сжигал тело и стужу не способен выдерживать, а изнежен в тени и не закален (ἁπαλὸς) и весьма подобен женщинам, возможно ли, [чтобы] ты признал (ὑπολάβοις), что он говорит правду (τἀληθῆ) и что он имеет какое-то отношение к охоте?

Собеседник. Я-то – нет.

(3) Дион. Конечно, странно, чтобы скорее по речам, которые высказывает кто-нибудь, чем по [его] делам представлялась и определялась жизнь каждого [человека]. Но если бы кто-нибудь предлагал [свои] услуги как наилучшим образом (ἄριστα) наставляющий в мусическом искусстве (μουσικὴν) и в нем упражняющийся, а никто не слышал бы когда-либо его игры на кифаре (κιθαρίζοντος) да и не видел бы [его] кто-либо, держащим [эту самую] кифару или лиру, и не [слышал бы его], произносящим о них [хоть] какое-нибудь слово согласно мусическому искусству, притом что (γε) он без предложения услуг и [без] наставления считает (φάσκειν) [себя] лучше Орфея и Тамирия[5], однако (δ') видел бы его, обихаживающим и кормящим петухов или перепелов и по большей части проводящим время вместе с такими же людьми, то нужно ли его причислять (ὑπολαμβάνειν) к мусическим или к тем людям, вместе с которыми он находится и с которыми этим занимается?

Собеседник. Ясно, что – к этим [последним].

(4) Дион. А если бы кто-нибудь уверял, что он – астроном и самым точным образом (σαφέστατα) знает обращения, и пути, и расстояния Солнца, и Луны, и таких же звезд, какие (πῶς) они имеют по отношению друг к другу, и [знает другие] небесные явления, но ничем таким не был бы увлечен (προῃρημένος) и об этом не думал, а (ἀλλὰ) больше находился с играющими в кости (κυβεύουσι), и с ними каждодневно (ἑκάστοτε) проводил жизнь, и общался (βλεπόμενος), то назовешь (φήσεις) [ли] ты его астрономом или игроком в кости?

Собеседник. Клянусь Зевсом, я-то бы подумал (ἡγησαίμην), что к нему имеет отношение что-либо не из астрономии, но гораздо скорее – [что-нибудь] из игры в кости.

(5) Дион. А вот (δέ), из каких-то [людей] один (τοῦ μὲν) говорит, что он весьма скоро поплывет и получит много денег (χρήματα) от торговли, однако ни (μήτε δὲ) кораблей, ни (μήτε) матросов не снарядил да и (μήτε) груза не имеет никакого, а еще и ни (ἀλλὰ μηδὲ) в гавань, ни (μηδὲ) к морю совсем не приходит, другой же (τοῦ δὲ) занимается [всем] этим: и судно осматривает, и кормчего, и товары (χρήματα) предоставляет. Какой же из двух этих [людей], скажешь ты, прилагает старание (νοῦν) к торговле? [Только лишь] говорящий [о ней] или делающий и приготавливающий корабль (τὰ) для плавания (πλοῦ) и товары (τὰ) для торговли?

Собеседник. Я, конечно (μὲν), [скажу, что] – тот, [второй].

[3] Сын афинского царя Тесея.

[4] Участник Калидонской охоты.

[5] Фракийский певец (миф.).

(6) Дион. Во всех случаях (Ἐπὶ παντὶ), стало быть, слово, если бы оно высказывалось само по себе, так что [его] не дополнял никакой труд, считалось бы бессильным и не заслуживающим доверия, труд же, [напротив], сам [по себе считался бы] заслуживающим доверия и истинным, даже если бы [его] и не предваряло слово?

Собеседник. [Именно] так.

Дион. Следовательно, есть ли какие-нибудь [одни] дела и орудия у земледелия или мореходства и другие, имеющие отношение к охотнику, и к астроному, и еще к другим всем [занятиям], у философии же нет никакого собственного занятия, ни дела, ни снаряжения?

Собеседник. Конечно же, [есть][6].

(7) Дион. Но почему (ταῦτα) [тогда] вещи (τὰ), относящиеся к философу и философии, неочевидны, а вещи (τὰ) торговцев, и земледельцев, и музыкантов, и астрономов, и [всех тех], о которых я уже (δὴ) говорил, очевидны и ясны?

Собеседник. Мне [так] не кажется.

Дион. Да, пожалуй (Ἀλλὰ δὴ); [ведь] есть и слова какие-то, о которых должно слышать философствующему, и науки, которые должно изучать, и образ жизни, согласно которому должно жить, и вообще, одна ведь (μὲν) жизнь у философствующего, и совсем (δὲ) другая у большинства людей; ведь он (ὁ μὲν) тянется (τείνων) к истине и разумению, и к заботе и попечению о богах, и к простоте и целомудренности своей (αὐτοῦ) души, отдаляясь (μακρὰν) от хвастовства, и хитрости, и избалованности.

(8) Притом еще (γὰρ), и одежда вот (μὲν) одна – у философствующего, а (δὲ) [совсем] другая – у обычных людей, и также – застолье, и гимнасии, и омовения; и [вообще, у него] иной образ жизни. И придерживающегося [этого] и пользующегося этим должно признавать в качестве обращающего [свой] ум к философии. Не отличающегося же ни в чем от этих (τούτων)[7], а также не (μηδὲ) являющегося всецело другим [среди] многих [людей] не должно считать [и] одним из тех (ἐκείνων)[8], даже если бы (κἂν) он тысячи раз говорил [об этом] и [всюду] вещал о [своем] философствовании (φιλοσοφεῖν) перед народом афинян или мегарцев или при царях лакедемонян. Но этот человек должен быть отправлен (ὠστέον) к крикунам, и к неразумным, и к баловням.

(9) Однако вот не невозможно быть мусическим (μουσικὸν) [человеком] не занимающемуся [исключительно] делом (τὰ) знатока мусического искусства (τοῦ μουσικοῦ). Ведь мусическое искусство (ἡ... μουσικὴ) не заставляет [никого] уделять [все] внимание [только] ему и ничего другого более не делать. Также и являющемуся астрономом ничего равным образом не препятствует держать петухов или играть в кости. Ибо астрономия никак не (οὐδὲν) является помехой (ἐμποδὼν) тому, чтобы делать ненадлежащее (μὴ τὰ δέοντα). И, клянусь Зевсом, [нет] ничего удивительного [в том], что ставшего [искусным] наездником, или хорошим кормчим, или геометром или познавшего грамматику (γράμματα) видят или у гетер, или у флейтисток. В самом деле (γὰρ), знание (τὸ... ἐπίστασθαι) [всего] этого нисколько не (οὐδὲν) делает душу человека лучше (βελτίω) и не (οὐδὲ) отвращает от пороков.

[6] Вставка по англ. переводу: Most assuredly it has.

[7] Обычных людей?

[8] Философствующих?

(10) Но любой (τις), обращающийся к философии и причастный (μετασχὼν) к этому знанию (μαθήματος), никогда (ποτε) бы не отошёл от наилучшего, и не (οὐδὲ) не стремился бы (προέλοιτ᾽) совершать ничего (τι) позорного и дурного, и не [стремился бы] бездельничать, и объедаться, и пьянствовать, пренебрегая [всем] этим. Ибо философия должна (ἐστίν) не восхищаться этим, но (καὶ), напротив, устранять желание этого из души и приводить к неприятию (μίσος) и осуждению этого. Однако вот, могли бы сказать (φήσαι), [что] ничего не препятствует, чтобы [и] философствовать, и лгать, и обманывать равным образом и себя, и других.

Литература

1. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон М. Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 18.

2. Демосфен. Речи. – М., 1954. – С. 5, 405–408, 452–454.

3. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. – М., 1994. С. 9–12.

4. Цицерон М. Туллий. Речи : в 2 т. – М., 1962.

5. Звиревич В. Т. Цицерон – философ и историк философии. – Свердловск, 1988. – С. 41.

6. Звиревич В. Т. Античная антропология. – Екатеринбург, 2011. – С. 155.

7. Нахов И. М. Киническая литература. – М., 1981. – С. 188; Антология кинизма. – М., 1984. – С. 41.

8. Нахов И. М. Киническая литература. – М., 1981. – С. 212; История греческой литературы. – М., 1960. – Т. 3. – С. 211–212.

9. Нахов И. М. Философия киников. – М., 1982. – С. 208.

УДК 13

Лучанкин Александр Иванович
д-р филос. наук, профессор кафедры менеджмента и экономики Уральского международного института туризма (г. Екатеринбург)
E-mail: lu-chan-kin@yandex.ru

Luchankin Aleksandr Ivanovich
Doctor of Philosophy, Professor at Management and Economics Chair, the Ural International Institute for Tourism (Ekaterinburg)

Базаров Евгений Юрьевич
канд. филос. наук,
проректор по научно-воспитательной работе Уральского международного института туризма (г. Екатеринбург)
E-mail: bazarov_uit@mail.ru

Bazarov Evgeniy Yur'yevich
Candidate of Philosophy, Vice-rector for Teaching and Educational Work, the Ural International Institute for Tourism (Ekaterinburg)

Кадырова Лейла Алиевна
выпускница Уральского международного института туризма (г. Екатеринбург)
E-mail: v169955@yandex.ru

Kadyrova Leila Alievna
Graduate of the Ural International Institute for Tourism (Ekaterinburg)

ТРОПОЮ ДОВЕРИЯ

PATH OF TRUST

Аннотация
Статья посвящена феноменологии доверия. В ней рассматривается соотношение философии и теологии, исследуется феномен жизнестойкости в проекции на тот или иной образ Возвышенного (имеющий не только коллективный, но и персональный смысл). Дается инструментальное описание процедуры мифологизации.
Ключевые слова: уверенность; доверие; вера; философия и теология; Возвышенное; благочестие; Абсолютное начало.

Abstract
The article is devoted to the phenomenology of trust. It examines the correlation of philosophy and theology related to the phenomenon of persistence in the projection on a specific mode of the Sublime (which has not only collective but personal meaning). The instrumental description of mythologization procedure is given.
Key words: confidence; trust; faith; philosophy and theology; Sublime; piety; Absolute Beginning.

В движении префиксов (приставок) от «не − до» (верия) к «до» (верию) просматривается убывание их многозначительной роскоши. Налицо уменьшение дистанции к персональной истине или интимному переживанию: от духа «культуры вообще» движение направляется к чистоте персональной души (в идеале и горизонте стремлений души к Возвышенному благочестию). Свобода приходит к тем, кто не требует от духовности и жизни личных благ [4. С. 19, 22–24, 100–101].

Сравнивая философские практики Платона и Аристотеля, представим их в виде пересечения двух перспектив: вертикали и горизонтали – «высокой» (платоновской, в проекции на идеал «достойной и благой жизни») и «низкой» (аристотелевской, в проекции на эмпирические очевидности) [3. С. 125–131]. Во взаимообразной смене ритмов обратной и прямой перспектив, образов «храма и рынка», «Средневековья и Возрождения» (о. П. Флоренский) обнаруживаются два основных сценария жизнестойкости («за кого костью стою?»). Педагогически они артикулируются как дилемма «индивид – социум» или «человек – государство» (Б. Акунин).

© Лучанкин А. И., Базаров Е. Ю., Кадырова Л. А., 2014

Пространство персональной жизнестойкости душевно и лирично, интимно и трепетно: в самом главном меня еще нет, я еще не сказал своего главного Слова. Если «Душа – это имя отношений Я и Ты» (М. Бахтин), то гибель общего духа во имя души – естественное условие персонального творчества: юный творец использует предшествующую духовность как знаковый материал для преодоления, старый мастер для «поновления» (в отличие от постмодернистов, старые мастера иконы именно «поновляли», вычеркивая свою индивидуальность) [2. С. 189]. Взятое как Возвышенное – идеал и горизонт, удаляющийся по мере приближения к нему, – возвышенное благочестие определяет силу жизнестойкости: «благо и честь» (Платон). У каждого из нас есть вера – в проекции на зеркало идеалов (Возвышенное). В этих зеркалах поверяется жизнестойкость ученых и мирян, художников и любителей искусства, духоискателей и паломников, скитальцев и путешественников.

Понятие «благо-честие» двусоставно, определяется как дизъюнктивный синтез платоновского понятия идеального «блага» для всех, ментально питающего «офицерскую честь», предметно являющуюся в поступках персоны как образец для подражания. Строго говоря, «чистое» Благочестие всегда отсутствует как воображаемая точка-идеал на горизонте, которая ускользает (вместе с горизонтом) по мере приближения к ней. При всем том идеалы благочестия персонифицированы, сравниваются с их живыми подобиями. В свете этого повседневные трудности воспринимаются нами как очередное испытание жизнестойкости, позволяющее свободно пользоваться опытом и памятью своих концептуальных персонажей – образов Возвышенного благочестия. «Свобода пользования» ими и есть становление кем-то: Сократом, Бахтиным, Эриксоном, Стивом Джобсом и т. д., т. е. всеми душевно и духовно близкими предшественниками и современниками как сугубо интимными и «своими» концептуальными персонажами. Всеми теми, в кого вжиться легко и заманчиво, за кого думать и жить прелестно и концептуально, за кого страдать и умирать не жалко. Печаль и юмор усиливают нашу жизнестойкость напоминанием о приближении судного часа, преображая каждый конкретный и предметный момент нашей буквальной длительности в предельный образ того или иного Возвышенного благочестия. Высокие (Возвышенные) образы – смысловое зеркало мышления, думающего о жизни (смысл – это то, что нас смыкает или размыкает с кем-то). И здесь правомерен вопрос: «А что существует прежде мышления, думающего о жизни?» [1. С. 79, 205, 293].

Прежде мышления должен быть материал мысли, набор образов воображения; прежде воображения необходим материал следов-воспоминаний; прежде памяти нужен материал чувственных восприятий. Такая логистика имеет итогом «квадрат» человеческих способностей: «чувства – память – воображение – мышление», где последующее не бывает без предыдущего. Прежде мышления существует коллективная и персональная память мифа, а также имагинативная («воображающая») сила воображения (Я. Голосовкер). В методологии философов-диалогистов такое предшествование артикулируется двояко – как «Другой мышления» (генетический подход), и как «Другое мышления» (функционализм). Генетический подход к мифу усматривает в нем порождающее начало коллективного бессознательного, уверенности в себе, исток обращения к Другому в себе как к зеркалу Возвышенного благочестия. Функциональный подход к мифу не ставит вопроса о его генезисе: миф трактуется фигурой доверия, воплощенной в ритуале, в топике стыковки тела и языка как «тела без органов», где обращение к Другому есть процесс социализации, размещения персоны в позиционном пространстве социальной машины.

Позволим себе феноменологическую редукцию, поставив онтологию мифа под вопрос. Если онтология мифа критикуется, то не проще ли поставить под воп-

рос саму онтологию, оставляя вне критики веру в нее конкретных людей? Такой когнитивный диссонанс к самому диссонансу проистекает из элементарного сравнения: науке надо доказать, что смерти нет; мифу надо доказывать, что смерть есть. Так, яйцо воспроизводит свои органы, если только развивается в независимой от них среде: противоположностью вещи является не другая вещь, а ее собственное подобие (клон). Подобие и образ всегда доносят на свой прообраз недоверием к нему.

Наверное, поэтому гоголевский Нос сбегает от собственного лица как онтологически нестерпимого и фискального, скептического и критического донесения на себя. Разрыв отношений между означающими персонального лица (или лицами) можно диагностировать как шизофрению или психоз.

Речь идет об Эросе и Танатосе, о невротическом забвении принципа удовольствия во имя принципа реальности или о забвении принципа реальности во имя принципа удовольствия (шизофрения). Способы усиления жизнестойкости лучше понимаются на фоне ее же ослабления: так, Иуда ненавидит Христа потому, что предал его; потому, что, предав Господа, возненавидел его еще больше; потому, что, предав и возненавидев его, умер Иуда с беспокойной ненавистью к Нему [1. С. 404–407].

Михаил Бахтин по-своему показал механику невроза – натурализацию людей в надобных власти «концептуальных персонажей»: миряне самым серьезным образом подвергают себя добровольному обращению в роли представителей – типических героев, борцов, инакомыслящих, отщепенцев, юродивых, страдальцев, офисных планктонов и т. п. «социально-политических скитальцев». Тем самым они становятся персонажами городских или деревенских мифов. Иногда проявления жизнестойкости сводятся к «нисхождению в народ» городского интеллигента: сельского учителя, художника-просветителя, странника, миссионера-путешественника, священника и т. п. Всегда наивного, по сути своей, человека, решившегося на одинокое миссионерство (случай Фарбера).

Память совпадает с мифами, если легко обманывается «писаными» книгами по истории, обосновывающими легитимность существующей власти; необходимые памяти восприятия искажаются «зомбоящиком», сплетнями, глянцевыми журналами. Ожидания мирян не сбываются, предвыборные обязательства не исполняются. Невроз ширится и длится, а поэтому мирянам нужен катарсис, временное бегство в воображаемый мир, симулирующий действительность «иной натуральностью»: невроз и натурализация ходят рядом. Способом, с помощью которого современные мифы пытаются заслужить доверие адресных аудиторий, является процедура натурализации (реификации). Не секрет, что мы являемся свидетелями дрейфа некоторых современных верований и религиозных институтов к фундаментализму. Чем тверже адепты той или иной религиозной веры претендуют на господство и политическую власть, тем больше критики, сомнений, скепсиса, недоверия вызывают не только отправляющие ее институты и персоны, но и – в логике психологического переноса – сама вера. Критика означающих ведет к сомнению в онтологической уместности означаемого, к переосмыслению, например, вышедших на поверхность отношений философии и богословия: небрежение философией ведет к буквальному пониманию Священного Писания. Здесь забывается, что Библия создана по законам мифа, где нет различий конкретного и абстрактного, образа и концепта, символа и ритуала, означающего и означаемого. Тем не менее религиозное познание имеет методологию, сходную с научной, что позволяет изучать не только опыт собственного сердца, но и опыт многих поколений верующих.

Чем выше доверие, тем больнее разочарование: чтобы не разочаровываться и не сокрушаться, уходя в депрессию, – не следует очаровываться. В психотерапев-

тическом регистре сказанное означает: пациента надо сначала убедить, что он может доверять вам потому (добровольно подчиняясь), что вы доверяете его управлению вами, а он может доверять самому себе (Эриксон). Доверие – не отношение к действительности, а отношение в действительности (лакановское Реальное); в этом качестве доверие есть преддверие Веры, предполагающей работу воображения – лакановского Воображаемого – в проекции на зеркало Возвышенного (или Абсолютного начала). Недоверие связано с символической идентификацией: «я принимаю и понимаю эту ритуальную символику, а эту – нет». Топика доверия в эриксонианстве мыслится как онтологическая уверенность персоны, преисполненной доверия к себе и значимым другим, когда нет необходимости «висеть на других» или «вешать других на себя». Кризисы становления проявляются в размерности недоверия: от острой депрессии младенца до паранойи у взрослых. Шрамы, нанесенные драматической игрой доверия и недоверия в младенчестве, будут болеть и рубцеваться всю жизнь. Отношения доверия/недоверия подобны отношениям понимания/непонимания: в зазоре преодоления непонимания живут уверенность и надежда. У взрослых снижение базисного доверия и превалирование базисного недоверия ведет к отчуждающему регрессу как психопатическому состоянию, где есть лишь Present, дар «чистого присутствия».

Вот почему шизофренический опыт оказывается своеобразной «монадологией», где монады, или шизоиды, изолированные друг от друга фрагменты жизни и соответствующие им концептуальные персонажи, не имеют окон, а их синхронизация в предустановленную гармонию всегда под вопросом. Момент синхронизации и сборки в целое разорванного сознания – дело случая, ожидающего своего звездного часа. Перед нами гул и шепот изолированных и не связанных между собой материальных означающих: слова потеряли свое ментальное значение, превратившись в материю звука, Слова перестают быть уловом смыслов, условием нового слова (с-лова с-лов), гнездами бытия, опорными точками лета перелетных означающих. Если нормальный человек, называя что-либо, окликает ничто и нечто, взывая их к существованию, то больной – отзывается и откликается натурализованным небытием (рисунки, стихи, музыка неординарных и великих людей, решившихся «жить на пределе», об этом).

Пока означающие не станут внятной смысловой последовательностью высказывания, стало быть, переживанием несовпадения идеально-самостоятельной мысли и жизненных, материальных средств ее реализации (сопровождаемое переживанием постоянства изменений содержаний самого переживания), – до этих пор в устах шизофреника будут жить неизменяемые материальные означающие, погруженные в извечное «сейчас». У нормального сознания тщательность вмонтированных в проекты «затем и потом» заставляет нас весьма избирательно видеть и слышать, наделять статусом существенности и существования лишь такие подробности жизни, которые полезны и надобны для реализации проекта. Между тем, не устаем мы повторять, черт живет в подробностях: каждый из нас невротик в той мере, в какой подчиняется символическому обязательству, непрерывному во времени.

Этимологически «питать доверие» (в латинском языке – credo) означает «сердце даю» или «сердце кладу». Доверие, помимо того, что уже было о нем сказано, имеет аспект, связанный с интимной территорией Своего и собственного, аспект, не отчуждаемый из процессов обмена смыслами в «круговороте общения». Говорить с кем-то – это уже означает дарить собеседнику ту или иную степень доверия или творить возможность рождения доверия. Недоверие – это утрата доверия, когда рушится не только ранее обожаемый и обоженный (возвышенный) образ другого, но и самоидентичность Своего, созданная воображением в проек-

ции на зеркало Возвышенного благочестия или Абсолютного начала: с точки зрения ада, рай – это ад.

Мирянин на теле хранит каждое оскорбление собственного достоинства и цельности; поэтому каждая новая обида реанимирует старые, наслаиваясь на них, творя негативную историю. Обиженное недоверие не полагается на надежду, полагая будущее непредсказуемым и опасным (Пиррон). Поэтому акцент в ситуациях недоверия делается на настоящем: обиженный один раз станет исследовать и прогнозировать возможности быть обиженным многократно. Недоверчивый скептик нуждается в информации больше, чем тот, кто «не обжигался» и доверяет (Н. Луман). Однако и среди собранной информации недоверчивый человек должен выбрать ту, которая заслуживает наибольшего доверия, становясь уязвимым для поджидающих его обид от вроде бы неважных и незначительных сил. Феномен обиды имеет не только «страдательный» (экзистенциальный) аспект. Поговорка «на обиженных воду возят» имеет вполне прагматическое содержание. Претерпевая известное напряжение от взаимного недоверия, обиженные миряне проявляют осторожность, стараясь минимизировать повседневные риски: ожидания недоверчивого отношения к себе заставляет просчитывать возможные обиды, которые может нанести другой, ставить себя на его место.

Такие «рокировки» парадоксальным образом укрепляют доверие во всех сферах общественной жизни. Доверяя, персона рискует, но этот риск доброволен и связан с процессом принятия решения [5. С. 495–508]. Фактор доверия выступает здесь в качестве уверенности в том, что другие разделяют твои фундаментальные ценности и, подобно персоне, ставят себя на ее место, просчитывая – прямо по Веберу – все выгоды обеих сторон. В русской православной традиции Обида мыслилась не только как внутреннее состояние персоны, которое можно скрыть от других. Напротив, поскольку она изначально ассоциировалась с грехом – «грех обижаться» на больных и юродивых, – постольку играла психотерапевтическую роль. Хватка обиды подставляла обиженную персону под осуждающую критику других: нельзя «вынашивать обиду», скрывая ее от других, иначе вы больны забвением собственной немощи и греховности, одержимы бесами, преисполнены гордыней-завистью, грехом сребролюбия или чернокнижия. Вот почему сострадание к обиженной персоне выражалось термином «крушение», указывающим на диалогический характер Обиды; префикс «со» (в слове со-крушение) фиксирует погибель двух начал – ошибочной самоидентификации персоны, сподобившейся на Обиду, и «неправильность» ее зеркала Возвышенного, чье благочестие не выдержало испытания жизнью. Напротив, послушник исповедуется, корректируя свой образ, отраженный в зеркале Возвышенного благочестия или Абсолютного начала. Верить и проявлять волевое усилие по удержанию «своего» отношения к тематике «внутренней речи про себя» (мышлению) – одно и то же: удержание самого удержания предполагает веру, сконцентрированную в «точке сборки» (К. Кастанеда). Специфику веры как диалогического типа со-вместности, взламывающего «во внутрь» пределы повседневных разговоров, следует, повторимся, связывать с обратным – в отношении трансцендирования – движением, т. е. с таким человеческим «опытом, в котором метачеловеческая реальность вторгается в человеческую жизнь» (П. Бергер). Этот момент контакта с Иной реальностью невидим и условен как для реального, так и для гипостазируемого (в воображении) идеального «Внешнего наблюдателя». Опыт проявления сакрального (иерофания) переживается самой персоной и оценивается ею как приход истины Откровения извне. Различие философии и богословия – это различия в целях духовного путешествия: философ стремится в духовный и культурный космос, богослов − к душе и сердцу персоны.

Доверие, закрепленное верой, можно интерпретировать в логике становления различия: вначале – интимная Вера как доверие Своему и собственному. Далее: пульсирующая динамика отношений «доверие/недоверие» к нейтральному Чужому (в логике освоения или отчуждения). Третья фаза – недоверие к Чуждому. Свой – в этом контексте – тот, кому я могу безусловно доверять, кому я могу подчиниться без угрозы потери моего собственного образа, сотворенного в проекции на зеркало Возвышенного благочестия или Абсолютного начала. Предательство или обида, нанесенная своими, разрушает не только образ «обожаемо обоженного» другого, но прежде всего, как мы упоминали, рождает недоверие к результатам собственного творения – зеркалу Возвышенного благочестия или к истине Абсолютного начала.

Чужой может быть нейтральным и безразличным, загадочно непонятным и заманчиво мистическим, требуя для освоения работы воображения. «Чуждый» же несет крайнюю степень недоверия, угрожающей непонятности и опасности. В этих различиях, включая переходы между ними, реализуется безличная коммуникативная (групповая, общественная, государственная) вера, посредством которой и воспринимаются все формы «Иного» (князь Н. Трубецкой: «тоска об ином как чужом или чуждом» – предмет критики и/или утверждения).

Человеческий капитал, основанный на вере, к примеру, в миссию фирмы (потенциальная способность создавать добавленные стоимости), противостоит воспроизводству «научно-производственной предметности». Диалог противостоит не монологическому мифу социального воспроизводства «все того же», а непредсказуемому молчанию веры перед предсказуемой скукой коммуникативно-ролевого функционирования и гонок за преференциями. По М. Бахтину, диалог предполагает обмен живыми «верами-правдами», воспринимаемыми на индивидуальном уровне вне «принятой» коммуникации безличных элементов социальных машин. Еще Спиноза утверждал, что доверие между любящим и любимым возможно при наличии общей почвы в их жизни, или «третьей» силы, имеющей смысл Откровения, Провидения, Прощения, Совести (проговариваемой или существующей по умолчанию). Именно на этой основе возможно прекращение позиционной коммуникации с неизбежным «уточнением понятий» и борьбой за доминирование той или иной онтологии (картины мира). Если общение – поиск общего, то диалог – это попытка вызвать доверие и взять на себя ответственность за происходящее.

Пространство понимания возможно между Чужими (друг для друга персонами) в силу того, что диалог происходит на уровне события, вне жестких механизмов каузальности (Ж. Делёз). Поэтому диалог различий – это становление «Чужого-третьего», и он неизменно нацелен на изменения, на сотворение нового, нетождественного Своему (старому). Только необычное привычно, только различие повторяется. Схемы обыденного мышления (у Гуссерля: «и т. д., и т. п.», и «я могу это снова», ограничивающие индуктивные повторения различий) типизируют повседневность, образуя серии и порядки доверительности. Реально все то, что реально по последствиям на рутинно-повседневном уровне взаимодоверительных ожиданий (социального воображаемого), общих фантазмов, сновидений и галлюцинаций, – идеологии.

Приобретение способности к интерпретации проявлений неожиданных (Чуждых) установок без предварительной агрессивности является условием доверительного отношения к Чужому. Эта способность веры-доверия невозможна без понимания того, что Чужой, а особенно Чуждый – есть лишь проявление «иных» игровых площадок, предполагающее встречное усилие понимания. Итак, доверие – реальность как социальной, так и символической идентификации – предстает: а) в форме функционального позиционирования в ролях и репертуарах, заданных

механикой социальных машин; б) генетически, как смысл индивидуального (воображаемого) мира, формируемый в контексте диалогического общения, задаваемого содержанием Другого в проекции на Возвышенное благочестие или Абсолютное начало. В генетическом смысле доверие, будучи интимным переживанием, невозможно в отношении чуждого и незнакомого без оговорок и условностей, без аффектаций и фантазмов. В отношении чужого и нейтрального доверие предполагает активную работу воображения (в логике магических превращений, гипноза, управления собеседником и собой). Наличие функционально-позиционного доверия является условием нормальных деловых и личностных коммуникаций в обществе.

Заметим: безусловность доверия основывается на скепсисе другой стороны диалога – собеседника или предмета доверия, т. е. на необусловленности (небезусловности) взаимного понимания. Вопрос адекватной реакции Чужого или Чуждого на наши поступки, слова и тексты − всегда вопрос степени нашей твердой уверенности в успехе, в редукции неопределенного будущего к собственной ответственности, а не к форме педагогики заранее известных ответов «вообще», присущей современной мифологии. Мы знаем, что миф следует понимать не только как форму доверия, но и как фигуру доверия, монологически не способную к диалогу и к самоизменению: обобщающее сравнение мифических фигур ведет к их гибели, рождая понятия и категории логоса (типа античных первоначал). Напротив, миф как форма (тело) доверия стремится к повторению; например, не уверенное в себе волнение не приводит к утрате доверия, а, наоборот, является импульсом для поисков понимания на основе все той же формы воспроизводства доверия. «Неопределенность нашего времени становится мощной индивидуализирующей силой» (З. Бауман).

В любом случае миф существует прежде мышления, предшествуя формальной логике. Он предшествует чистому мышлению двояко: как «Другое мышление» и как «Другой мышления». На их стыке «жизнестойкость» становится темой. Так, последействие сильного переживания проявляется усилением жизнестойкости средствами поэсиса – печалью молчания (нет слов) или экзальтацией юмора (смех до смерти и до упаду). В ином случае нас поджидает академическая, известная всем студентам-психологам, фрейдовская цепочка: «травма−защита−латентность−невроз−возврат ранее вытесненного». Печаль и юмор − способы, которыми означаемые, эти как бы «онтологические» события, презентируют себя и лгут о себе. Векторы печали и юмора всегда адресованы неким третьим лицам (Чужим: слушателям, читателям, интерпретаторам, потомкам); они игнорируют рассказ или молчание «претерпевшего», имея цели в себе. Более того, юмор и печаль, смех и грусть экономят путь к наслаждению: когда разум спит, бессонный страж бессознательного держит пост и творит новое на территории «третьих лиц» – Чужого (или нового Своего).

Жизнестойкость – в смысле «выстаивания» персоны перед трудностями жизни – усиливается печальным смехом, даже будучи высмеянной. Если ни объект осмеяния, ни сам остроумец не имеют никакого отношения к их причинам и генезисам, то и жизнестойкость может быть понята лишь третьими лицами, в логике «объект-знание» (эпистемологически) [5. С. 433]. Усиленную жизнестойкость не с чем различить; нет для нее предела, из которого можно заставить печально смеющуюся жизнестойкость вернуться под контроль суждения: даже сдавленное хихиканье и скрытая грусть все равно кому-то адресованы – Божьему суду, Истине, Совести, потомкам. Печаль и юмор обнаруживают нашу жизнестойкость хотя бы тем, что сильные люди дважды над одним и тем же не печалятся и не смеются: повтор не смешен, а трагичен. И в той мере, в которой проявляется бескорыстная непреднамеренность грусти и смеха, находится и их суверенная доонтологическая

(дометафизическая) суть. Нельзя вынудить к смеху и печали без повода. По блату или знакомству грустить и смеяться невозможно. Нет в этом мире никаких сил, способных обуздать юмор и печаль как нечто негативное, потому что они сами – сила утверждения. Печаль и юмор усиливают нашу жизнестойкость, преображая каждый конкретный и предметный момент нашей буквальной длительности (напоминая о приближении судного часа) в предельный образ того или иного Возвышенного благочестия, чей смысл – «с-мыкать и/или раз-мыкать» нас с кем-либо. В точках событий и мысли сгущаются персональные надежды и мечты, иллюзии и фантазии о жизни: здесь мы либо молчим, либо находим «новые слова» для выражения случившегося, сопровождая их грустным смехом. Язык, напоминаем, сам по себе ни к чему не отсылает, способствуя лишь тому, чтобы мы легко расставались с означаемыми (онтологиями и картинками мира), причем без их персонификации.

Изначально «не-начало». Поэтому жизнь мыслится как след – смех и слезы – до определения бытия сбывающегося присутствия, притягивающего грядущую смерть. В промежутке «жизнь − смерть» обнаруживается их взаимная нехватка, стало быть, их взаимное влечение. Экономика доверия, рассмотренная как вид экономики желания (доверять, инвестировать, дарить и отдаривать), полезна логикой учета количеств, их скопления и рассеяния, совокупности и потери, ансамбля и уникальности, сборки и детализации. Напомним: понимание логоса как символа, симулирующего Абсолютное начало, поставило логическую аргументацию, как основание безусловного (метафизического) доверия, под вопрос. Если символ предшествует вещи, переименовывая ее, а ритуал − замещает и заслоняет мирскую повседневность, то даже сильная форма доверия (с возможностью стать верой) всегда уступит свою позицию сомнению, скепсису и самому слабому недоверию, усиливая тем самым тенденцию современной институциональной религии в ее интенции к идеологическому и государственному фундаментализму. Но это и означает, что способом, с помощью которого современный миф пытается заслужить доверие веры, является процедура натурализации (реификации) или мифологизации.

Литература

1. В ночь на 14 нисана: Иисус Христос. Иуда Искариот. Понтий Пилат / сост. В. А. Блинов. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во : Ассоциация уральских издателей, 1991.

2. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000.

3. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб. : Алетейя, 2010.

4. Рассел Б. Почему я не христианин: избранные атеистические произведения : пер. с англ. – М. : Политиздат, 1987.

5. Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. – М. : Политиздат, 1991.

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Закс Лев Абрамович
д-р филос. наук, профессор, ректор,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Zaks Lev Abramivich
Doctor of Philosophy, Professor,
Rector of Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР: СЛУЧАЙ «ТУРАНДОТ» ДЖ. ПУЧЧИНИ

AT THE CROSSROADS OF TIMES AND CULTURES: THE G. PUCCINI'S «TURANDOT» CASE

Даже те, кто не слишком хорошо знаком с искусством оперы, наверняка слышали арию Калафа из оперы Джакомо Пуччини «Турандот», входящую в «обойму» мировых оперных хитов и, соответственно, в репертуар всех великих теноров мира. Между тем опера Пуччини – интереснейшее явление мировой художественной культуры XX века. Оперный «неореалист», принадлежавший течению «веризма» (vero по-итальянски означает «подлинный», «истинный», «правдивый»), Пуччини достаточно неожиданно обратился к пьесе представителя условного игрового театра Карло Гоцци (XVIII век). У нас «Принцесса Турандот» известна, прежде всего, по блистательной новаторской постановке Евгения Вахтангова в 1922 году, превратившего экзотическую «китайскую» сказку Гоцци в вольное буйство молодой фантазии и парад яркой импровизационной театральности. А Пуччини создал оперу со сложной, многозначной художественной концепцией, вступив в глубокий и изысканный диалог с культурами первоисточника и его исторических прообразов. «Вестник» предлагает читателю подборку материалов, позволяющих осмыслить интереснейший во многих отношениях (не говоря о том, что речь идет о гениальной музыке) «случай Турандот».

Первый материал – фрагмент пока не законченного последнего, третьего тома уникальной оперной энциклопедии «Хроника мировой оперы». Автор этой колоссальной, беспрецедентной по историческому охвату и фактической полноте научно-художественной работы – известный оперовед и оперный критик Михаил Мугинштейн, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, руководитель Центра музыкального театра Гуманитарного университета. Первые два тома «Хроники мировой оперы» вызвали огромный интерес и одобрение у специалистов и общественности. Достаточно назвать приветствующее энциклопедию Предисловие Валерия Гергиева к первому тому; грант Президента РФ, выделенный М. Мугинштейну для завершения работы над вторым томом; наконец, присуждение автору «Хроники мировой оперы» премии губернатора Свердловской области «за выдающиеся достижения по литературе и искусству» за 2013 год. Мы поздравляем нашего коллегу Михаила Львовича Мугинштейна с этой высокой наградой и замечательной работой. И предлагаем его интерпретацию «Турандот» Пуччини из будущего третьего тома «Хроники мировой оперы».

Второй материал – статья известного петербургского музыковеда, ведущего научного сотрудника Российского института истории искусств, кандидата искусствоведения Анны Леонидовны Порфирьевой, являющейся, заметим, редактором второго и третьего томов «Хроники мировой оперы». В статье «Туранское приданое» читатель найдет глубокое и оригинальное прочтение историко-культурных истоков пьесы Гоцци и оперы Пуччини. Она существенно обогащает наши представления о последнем (и, увы, оставшемся незавершенным) шедевре Пуччини и вместе с текстом Мугинштейна создает его объемное современное видение.

© Закс Л. А., 2014

УДК 792.54

Мугинштейн Михаил Львович
историк оперы, критик,
кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств РФ,
директор Центра музыкального театра
Гуманитарного университета (г. Екатеринбург)

Muginshtein Mikhail L'vovich
Opera Historian, Critic, Candidate of Arts,
Honored Arts Worker of Russia,
Director of Musical Theatre Centre,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

«ТУРАНДОТ» – ОПЕРА ДЖАКОМО ПУЧЧИНИ

«TURANDO», GIACOMO PUCCINI'S OPERA

Аннотация
В статье речь идет об опере Пуччини «Принцесса Турандот» как о синтезе культур, художественных стилей, направлений развития театра («театр переживания» и «театр представления»). «Турандот» представляется как самое человечное произведение, как проявление гуманизма и романтики XX в.
Ключевые слова: опера Пуччини «Принцесса Турандот»; пьеса Гоцци «Турандот»; полилог; синтез; театр переживания; театр представления; метаморфоза Турандот; «китайский Грааль»; ориентальная тема; гуманизм.

Abstract
The paper regards Puccini's opera «Princess Turandot» as a synthesis of cultures, artistic styles, theatre developmental areas («Theatre of the Senses» and «Theatre of the Imagination»). «Turandot» seems to be the most humanistic work of art, a manifestation of the 20th century romanticism and humanism.
Key words: Puccini's opera «Princess Turandot»; Gozzi's play «Turandot»; polylogue; synthesis; Theatre of the Senses; Theatre of the Imagination; metamorphosis of Turandot; the «Chinese Grail»; oriental theme; humanism.

«Турандот» – феномен культуры начала XX века. Китайская принцесса Гоцци и Шиллера вдохновила оперы Пуччини и Бузони (1917), спектакли Райнхардта (1913, с музыкой Бузони) и Вахтангова (1922) и др. Это «оригинальнейшая опера на китайский сюжет, старинная легенда, почти фантастическая, спектакль пышный и в то же время не лишенный чувства, очень *разнообразный*, прекрасные типы» (Пуччини) (курсив мой. – *М. М.*). Действительно, это необычный музыкально-театральный *синтез*, полилог. Напряженную целостность драматургии, специфическую *динамику* образует контрапункт самых разных пластов: трагедии и гротескной комедии, лирики и эпоса, иронии и насилия (социально-исторический подтекст), человеческих страстей и сказочной фантастики, интимности чувств и декора фресок, роскоши китайской экзотики и мрака зловещего колорита. То же происходит и в музыке оперы, самой сложной у Пуччини. Открытая романтическая мелодика (партии Калафа и Лиу) сочетается с приметами XX века: жесткими, битональными гармониями (чтение Мандарином указа), рафинированной оркестровкой, прежде всего, «китайским» ансамблем с инструментами «коротких тонов» (арфа, челеста, колокольчики, ксилофон) и варварскими ритмами (сцены подготовки казни). Этот новый, более острый и терпкий стиль Пуччини инкрустирован подлинными китайскими темами, ритмами и элементами пентатоники (гимн Турандот, музыка в храме). Мучительные проблемы, болезненные комплексы человека послевоенной эпохи начала 1920-х замаскированы азиатской архаикой (выделяются хоры пекинцев, жаждущих крови, и ритуальный выход Турандот

© Мугинштейн М. Л., 2014

в первом акте), но погружены в европейскую гуманистическую традицию, идущую от фьябы Гоцци: «“Турандот” самая нормальная и человеческая пьеса из всего, что написал Гоцци» (Пуччини). Человек проходит в опере Пуччини основные стадии бытия, явленные в основных жанрах представления – лирике, героике, драме и эпосе. Однако емкое содержание, полифония смыслов сочетается с лапидарностью письма и сценического действия – примета нового времени, уходящего от романтической многословности. Постромантизм и антиромантизм включают здесь условность символизма, приемы импрессионизма и экспрессионизма, черты неоклассицизма (маски) и модерна (завораживающая красота хора восхода луны – дивный эстамп – изысканный образ Древнего Китая). Отсюда главное – взаимодействие основных типов театра: *переживания* и *представления*. И если театр переживания, вслед романтикам, традиционен для Пуччини, то театр представления является, по сути, впервые (финал «Джанни Скикки», 1918, не в счет), не разрушая эффекта переживания. Их сплав определяет концепцию оперы, «оперы-пьесы или оперы-спектакля, подчиненного принципам музыкального развития» (Левашова), прежде всего *симфонизма* (образец – совершенный I акт и особенно его финал – великолепная динамическая реприза, вершина сквозного развития). И все же подчиненность здесь относительна. Скорее, Пуччини, продолжая поиск «Тоски» (1900), утверждает новое качество оперного симфонизма в плане темпоритма действия: особую театральную насыщенность, сценическую действенность музыкальной драматургии, чья логика обусловлена театром. Маска и условность, игра и сказка, карнавальная эксцентрика и *остранение* – истинно театральная поэтика, идущая от Гоцци и комедии дель арте, актуализированы XX веком. Театр становится кулисами жизни. Яркий эффект остранения у Пуччини несут большие сцены трех масок: Пинга, Понга и Панга. Введенные для «искренности» (Пуччини) вместо традиционных персонажей комедии дель арте у Гоцци, они приобретают гротескно-зловещие черты и важные – не интермедийные – функции в действии (созерцательная беседа во II действии – оригинальный комментарий происходящего, но одновременно переход в сферу переживания и др.). В отличие от Бузони (да и Вахтангова), выдвигающего представление, условность в противовес психологическому театру, Пуччини ориентирован на взаимопереходы переживания и представления. Со-бытие переживания и представления заложено и у Гоцци. Однако Пуччини усиливает переключение, эффект театральной модуляции. Углубляя психологическую насыщенность и символику образов и ситуаций, эмоциональный накал, контрасты и атмосферу легендарного Китая, заменяя иронию Гоцци пафосом страстей, композитор поднимает фьябу до уровня трагедии. Ее цель – *метаморфоза* Турандот – решается сменой театральных установок: Турандот вступает в сферу переживания (знак рубежа – поцелуй Калафа). Однако вершиной становится сцена смерти Лиу – поэтический шедевр Пуччини. Здесь кроется известное противоречие оперы. Камень преткновения лежит и в гендерной проблематике. Треугольник Пуччини совсем не банален. Лиу воплощает вечную женственность, а Турандот вечную красоту, которая и пленяет Калафа. Непреодолимая страсть владения красотой характеризует мужское начало. Но Калафа, наследника романтических героев, влечет и превращение. Мечтая пробудить в Турандот вечно женственное, он выступает как мужчина-творец, тоскующий об идеале. Застывшая Турандот – не андрогин, но айсберг. Ее ледяная жестокость и страшная скованность, прорывы женского величия и мести – реакция красоты, оскорбленной мужским насилием (вершина – грандиозный рассказ Турандот во II д.). Ответы принца на три загадки правильны вовсе не формально. Вдохновение дает суть и *со-чувствие*. Сила Калафа – в творчестве, победа – в любви и бережности к разгаданной им тайне женщины. Он читает ее душу, и в этом его отличие от претендентов-неудачников, также страстно любивших, но не понявших Турандот. После

разгадок (финал II д.) принц жаждет уже не владения красотой, а ее преображения – щедрой ответной любви. Вот почему, рискуя жизнью, герой предлагает теперь раскрыть свою загадку – понять его душу. Он жаждет обрести заново родившуюся женщину и стремится помочь пробуждению нежной сущности жестокой принцессы. Мужское благородство и героика вызывают таянье льдов. Союз с Калафом катализирует взрыв новой жизни, который изменит этот мир пыток и казней. Но принцесса страшится себя новой. Она боится открытия. Ее смятение выдает поразительная деталь: после разгадок Калафа, в мольбе к отцу о помощи, в оркестре звучит тема Лиу (из I д., когда она бросается к упавшему Тимуру и встречается с Калафом). Еще раз у Турандот эта тема появляется в сцене смерти Лиу. Прекрасная девушка словно передает потрясенной принцессе иную энергетику – поэзию, дух вечной женственности. Великая любовь и смерть Лиу рождают новую Турандот? Недосягаемая греза романтика в XX веке. Трогательно простившись с Лиу (хор: «Прощай, доброта, нежность, поэзия»), Пуччини словно закрыл для себя главную тему творчества – поэзию и, вместе с ней, галерею своих поэтических героинь. Гениальная кульминация – смерть Лиу – подавляет замысел финала. Превращение Турандот выглядит искусственно, потому что оно вряд ли возможно. Об этом говорит недописанный «великий дуэт» (Пуччини) Калафа и Турандот (беспрецедентное количество эскизов). По идее композитора «два существа, находящиеся, так сказать, по ту сторону реального мира, внезапно преображаются в живых людей силой любви». Пуччини грезился в финале «китайский Грааль», который «обнаруживает черты герметических представлений, характерных для эпохи Символизма» (Порфирьева). Наблюдения музыковеда раскрывают драматическую попытку автора представить «мистико-географический антипод подлинного царства Грааля». В китайском Граале «мужскому началу, солнцу, жизни противоположены луна, дева и смерть. Свадьба Солнца и Луны становится искуплением, благодаря которому происходит пробуждение человеческого» (Порфирьева). Задуманное мистическое представление не образует целого с предыдущим театром переживания (смерть Лиу). Отсюда четвертая загадка «Турандот» – проблема финала, которую тем более не мог решить и вариант Альфано. Сегодня интересней загадочно-трагические тона новой версии финала, сделанной Берио (2002, Ласпальмас, концертное исполнение, Амстердам и Зальцбург). Далекая от прямолинейного хеппи-энда Альфано, она ведет тихий диалог с Пуччини, смешивая мисстериальные звуки мастера в конце его жизни (у Берио звучит в одном месте «тристан-аккорд») с сумрачным современным психологизмом. Но и эта версия не отвечает сложнейшему замыслу автора. Динамика взаимовлияния двух театральных концепций у Пуччини, уходя от более простого совмещения в пьесе Гоцци, отражает веяния эпохи. Психологическая сгущенность и условность, переживание и показ, переходы из одной сферы в другую и единовременный контраст двух начал, смещение театральных акцентов в процессе действия, сопряжение эффектов иллюзии и остранения – этот синтез определяет феномен «Турандот». Она не только венчает модную ориентальную тему: «Мадам Хризантема» Мессаже (1893), «Ирис» Масканьи (1898), «Мадам Баттерфлай» самого Пуччини (1904). В своем новаторстве Пуччини органично и виртуозно развивает историю оперы от XIX века к XX. «Турандот» участвует в театральной революции начала XX века. Поиск новой формы объединяет Пуччини с прорывом других реформаторов: «Арлекино» и «Турандот» Бузони (оба – 1917), «Пульчинелла» Стравинского (1920), «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева (1921), «Балаганчик мастера Педро» де Фальи (1923) и др. Опираясь на Гоцци с его идеей «театрализации театра», композитор театрализует оперу и погружается в культуру, которую классик XVIII века, по собственным словам, «так старательно оберегал». При этом Пуччини, соединяя переживание и представление, строит новый *лирический* театр (где нужно быть

«более синтетичным, чем в прозе») и также длит дыхание культуры. Неслучайно он, классик жестокого XX века, выделяет в «Турандот» «светлый, волнующий гуманизм этой истории, полной поэзии и особого аромата» (Пуччини).

УДК 792.54

Порфирьева Анна Леонидовна
кандидат искусствоведения,
заведующая сектором музыки,
Российский институт истории искусств
(г. Санкт-Петербург)

Porfir'yeva Anna Leonidovna
Candidate of Arts, Head of Music Branch,
Russian Institute of Art History (Saint-Petersburg)

ТУРАНСКОЕ ПРИДАНОЕ

TURANIAN DOWRY

Аннотация
В статье речь идет о скрытых мистических смыслах оперы Пуччини «Турандот», представленных в символике ее постановки Ш. Рубо и И. Парсьо-Пери. Также выявляется эзотерический подтекст пьесы Гоцци и ее интерпретации у Пуччини. Определяется связь «Турандот» не столько с китайской, сколько с туранской традицией.
Ключевые слова: символизм; мистика; оккультизм; опера «Турандот»; круг; мандала; астрологические символы; китайский Святой Грааль; туранцы.

Abstract
The article highlights implicit mystic meanings of Puccini's opera «Turandot» revealed by C. Rubaud's and I. Partiot-Pieri's performance symbolism. It also reflects esoteric connotations of Gozzi's play and its interpretation by Puccini. The paper identifies links of «Turandot» to Turanian traditions rather than Chinese ones.
Key words: symbolism; mysticism; the occult; «Turandot», the opera; Round; Mandala; astrological symbols; Chinese Holy Grail; Turanians.

Один Бог ведает, сколько рассуждений об умо- и душеполезности театра накопилось за то время, что он существует. Театр учит, ибо являет умному взору наглядное «представление» основных сущностей и заставляет пережить, т. е. наипрочнейшим образом запомнить открытое, сохраняя в душе его след. В этом смысле он – продолжение мира, «этого наиблистательнейшего театра Божия», и так же, как мир, требует работы постижения, «ибо не затем мы были посланы... чтобы, подобно зверям, лишь поедать корм на пастбищах земных». Так считал таинственный современник Шекспира Иоганн Валентин Андреэ, предполагаемый автор манифестов розенкрейцерского ордена, опубликованных в Германии в 1610-х гг. Тех, кого интересует историко-филологическое, а не оккультно-надувательское изложение истории учения, приписываемого братству креста-розы, могу отослать к вышедшей уже по-русски книге почтенного английского ученого Френсис А. Йейтс «Розенкрейцерское просвещение». В этом трактате, как и в других, не менее известных: «Искусство памяти» и «Театр мира», – автору удалось показать значение универсальной философской метафоры «Театр» для мыслителей XVII в. Труды Йейтс высвечивают некоторые темные места театральной символики Барокко и Просвещения. Благодаря им становится более очевидным, что именно «привела в действие» театральная концепция Вагнера, инициировавшая явление Символизма и новый виток распространения оккультной мифологии.

Столь пышная, исторически декорированная преамбула понадобилась, чтобы поделиться совершенно необычным переживанием, настигшим меня на премьере оперы «Турандот». Благодаря Шарлю Рубо и Изабель Парсьо-Пери, поставившим этот чудесный, простой и удивительно емкий в символико-философском отноше нии спектакль, произошла вспышка понимания. Сказочка, судя по литературе о Пуч-

© Порфирьева А. Л., 2014

чини, морочившая всех на протяжение почти столетия, обещала открыть свои смыслы, если настойчивый зритель пойдет вслед за постановщиками, не убоится испытаний и, держась за данную ему путеводную нить, сумеет найти разгадки. «Нитью» стал обычный поворотный круг в центре сценической площадки. Как оказалось, его движение в данном контексте порождает некоторый круг образов и ассоциаций, выводящих далеко за пределы сюжета и позволяющих прикоснуться к тайной, т. е. – истинной, подоплеке происходящего. Чтобы привести в какую-то обозримую систему проблески интуиций, порожденные спектаклем, мне пришлось месяца два искать и читать странные книги. Мозаика так и не сложилась целиком: где-то осталось пространство для альтернативных толкований, где-то – лакуны, которые пока нечем заполнить. И все же рискую предложить свою разгадку как частично обоснованную гипотезу. Хотя бы потому, что она позволяет увидеть пуччиниевский chef d'oeuvre в совершенно новом историко-культурном ракурсе.

Сосредоточимся на том, какие ассоциации вызывает круг и куда они могут вести. Круг в центре прямоугольника сцены (почти квадрат) – мандала, ориентированная по сторонам света. Место императора и восход солнца оказываются на севере, если следовать обычной для нашего времени ориентации географической карты. Мандала ассоциируется с многочисленными кино- и телекадрами, в которых руки насыпают ее из разноцветного песка или зернышек, а потом сметают. Буддийский ритуал, символизирующий время и миротворение, использован в качестве заставки к серии фильмов о К. Г. Юнге, посвященной его алхимическим и другим, не собственно медико-психологическим, штудиям. Далее воображение ведет к дневникам Юнга, его книге «Mysterium conjunctionis», содержащей толкование символов алхимии в свете истории культуры и глубинной психологии. Трактату «Theatrum chemicum», на который Юнг поминутно в ней ссылается, вторит другое любопытное произведение: «Химическая свадьба Христиана Розенкройца», анонимно изданная И. В. Андреэ в Страсбурге в 1616 г.

Получается, что ассоциации с мандалой, возникающие по ходу спектакля, свидетельствуют о том, что она – не атрибут восточной мистики вообще, а указание на совершенно определенную традицию европейской мысли, называемую «герметической». В начале XX в. розенкрейцерская мифология вместе с идеями возрождения «магической науки» переживает настоящий бум в учении доктора Штайнера и его театре мистерий, в других, но сходных по своим внехудожественным целям театрах Клоделя и Йейтса, Метерлинка и Сологуба. Немного позже, в 1927 году, появится на свет «Ангел западного окна» Г. Майринка: исследование тайнописи доктора Ди, одного из главных героев «герметической истории». Ассоциативная канва представлений Юнга, Скрябина, Андрея Белого, Шёнберга и, между прочим, Пуччини, соткана тем же временем, сделавшим Блаватскую едва ли не самым читаемым автором после Библии.

Из писем Пуччини эпохи «Турандот» видно, что его подход к произведению был совсем не мистическим, а, скорее, «рыночным». Он желал успеха, денег, славы, видевшейся ему целью бешеной скачки: «Живей, живей, парная упряжка отборных лошадей, гривы по ветру, грязью в тех, кто сзади!» В век торжества паровозов и автомобилей старомодная «птица-двойка» вызывает невольную улыбку. Но кто же те, кому предназначены комья из-под копыт? Творцы «атональной музыки», «три с лишним часа которой могут убить»? Или носители бацилл «кельтской болезни» (модернистский театр)? Очевидно, что великий баловень оперы озабочен конкуренцией и так боится выглядеть несовременным, что даже подбивает своего ученого либреттиста начать PR-кампанию «Турандот» публикацией статьи в «Коррьере делла сера»: «Надо сделать это очень толково, чтобы произвело “сенсацию”», – поучает он. (1921 год. Не только опера, но даже либретто еще не написаны. Р. Симони должен объяснять свой великолепный замысел, скрыва-

ясь за подписью некоего Буччи.) Что же (или кто) скрывается за беспокойством Мастера?

Ответ неожиданный: Вагнер. «Весь вопрос сейчас в том, как решить финал, – пишет Пуччини в сентябре 1921 г. – Сделать, как в “Парсифале”, с чистой переменой в III акте, и сразу оказаться в китайском Святом Граале. Всё в розах, всё дышит любовью». Эта обмолвка в ансамбле с «кельтскими болезнями» и «китайским маньеризмом» обнаруживает, что Маэстро не так прост, как его любят представлять поклонники. Он был осведомлен или, по крайней мере, наслышан о том, о чем они не имели ни малейшего понятия, и видел в мистике конкурентоспособный товар. Несмотря на то что на русском языке издана лишь малая толика его переписки, даже в ней проскальзывают фразы, позволяющие думать, что он вполне понимал, какое либретто озвучивает. «Человечность», «голос сердца», «светлый и волнующий гуманизм этой истории» – это не просто чувства, а требования, которые композитор предъявлял к поэтической «окраске» либретто. Лучшая похвала, адресованная автору драматического источника: «“Турандот” – самая нормальная и человечная пьеса из всего, что написал Гоцци». Концентрация эпитетов свидетельствует о том, что педалируемый гуманизм должен был смягчить или завуалировать смысл не очень «человечный» и «нормальный», т. е. не являющийся непосредственным проявлением «слишком человеческого». Читая намеки в письмах Пуччини вместе с итальянским текстом либретто (в русском переводе «Турандот» многие детали отсутствуют), начинаешь убеждаться в том, что самой трепетной и в то же время самой конкретной для него была проблема финала как Чуда Преображения. Он называет Турандот «дочерью неба», что можно было бы интепретировать как этнографическую погрешность (китайский император – Сын Неба, а его дочь – соответственно, Дочь Неба, но такого титула нет), если бы не фраза в ее монологе: «Cosa **umana non sono**» – «Потому что я **не человек**»! В который раз описывая «великий» (по собственной оценке) заключительный дуэт, он подчеркивает: «Два существа, находящиеся, так сказать, **по ту сторону реального мира,** внезапно **преображаются в живых людей** силой любви» (6 октября 1924).

«Китайский Грааль» как *место*, в котором это происходит, обнаруживает черты герметических представлений, характерных для эпохи Символизма, описывавшей его, в том числе, как «пространство, которое является временем», область соединения миров, охраняемую избранными мертвыми (отсюда «кельтские болезни»). Головы на шестах, служащие оградой «места, где правит Турандот», вкупе с нечеловеческой природой героев, наталкивают на мысль, что оно является мистико-географическим антиподом подлинного царства Грааля. Мужскому началу, солнцу, жизни противоположены луна, дева и смерть. Свадьба Солнца и Луны становится искуплением, благодаря которому происходит пробуждение человеческого. Если иметь в виду специфичность герметических символов, то «пробуждение» следует понимать как новую человеческую жизнь, ибо проповедовавшие его внеконфессиональные учения, имевшие хождение в Европе, отличались от христианства последовательным дуализмом и верой в многократное рождение (и путешествия в других мирах) избранных душ.

Сценический круг привлекает множество образов, связанных с идеей мандалы: это циферблат (пластически воплощенный кордебалетом), лунный диск, меняющий облик на полумесяц сабли, rota, колесо Фортуны, точильный камень, о котором поется в первом хоре: «Gira la cote» – «Крутите точило», плаха. В качестве последней он – наглядное место смыкания миров, смерти как перехода. Когда в финале на нем соединяются, наконец, герои, его медленное движение вторит круговращению небосвода, ходу планет, дивной гармонии божественного театра Вселенной.

В предисловии к единственному полному изданию фьяб Гоцци на русском языке С. Мокульский без ссылок утверждал, что сюжет «Турандот» заимствован у Низами. В благословенные советские времена писавший на фарси мистик и суфий считался едва ли не азербайджанским народным поэтом, а связь итальянца с «местным» авторитетом давала возможность порассуждать о реализме и народности. Согласно Мокульскому, в «Турандот» Гоцци отказался «от всякого магического элемента» и сосредоточился на «географической локализации»: в пьесе «действуют реальные, если и не исторические, то полуисторические лица: китайский император» и пр. Причина жестокости принцессы – в том, что она «протестует против униженного рабского положения, в котором находятся женщины в ее стране» и «в порядке самозащиты от тирании мужчин становится мужененавистницей». Прелесть этой «исторической справки» не только в ее обезоруживающей глупости. Сюжет о брачной инициации, об испытаниях жениха, разумеется, не может быть авторским достоянием, поэтому речь о его «заимствовании» бессмысленна. К тому же «географическая локализация» Гоцци прямо противоположна мистической системе Низами, изложенной в поэме «Семь красавиц». Во второй ее части на зимнем пиру, проходящем под знаком огня, маг и мудрец предлагает устранить сглаз с Ирана. Для этого нужно «построить» семь дворцов, символизирующих дома семи планет, поселить в них жен – принцесс семи «главных» народов, и посещать их, каждую – в ее день недели, поддерживая таким образом космическое равновесие. Сказку об испытании женихов рассказывает шаху «русская» царевна, живущая в красном доме Марса. Однако у Низами есть и «звезда Турана», владеющая дворцом солнца. Именно она – китаянка. Вчитываясь в комментарии к поэме, как ни странно, обнаруживаешь нити незримых смыслов, протянутых сквозь века и к сказке Гоцци, и к опере Пуччини. Паутина магической ауры, астрологический символизм в несравненно большей степени, чем сюжет, указывают на общность этих загадочных произведений, их принадлежность к полю тех же «ментальных синтезов», к которым М. Элиаде отнес представления восточной и западной алхимии.

Вопрос о том, как пришел к этим синтезам Гоцци, остается открытым. В современных исследованиях о венецианском театре он почему-то тоже не обсуждается. Йейтс указала на венецианские отголоски «розенкрейцерского фурора», но как соотносились они с деятельностью итальянских академий и с их театральными концепциями, сформулированными уже в XVIII в., пока никто не интересовался. Поскольку «исторический» путь доказательств представляет собой одну большую лакуну, попробуем обратиться к структуре мифа, совершенно затемненной «экзотическим реализмом исторического сюжета». Несмотря на то, что эта формула скомбинирована из определений Мокульского, есть надежда, что она еще откроет нам смысл, о котором не подозревал ученый автор.

Если попробовать изложить интересующую нас сказку в ее названии, то, применительно к обработке Гоцци, получится «Сказка о жестокой китайской принцессе Турандот, влюбившейся в принца Калафа и даровавшей ему жизнь». Главной интригой пьесы является разгадывание имени принца, сопряженное с предательством, муками отца, страхом, попытками самоубийства и молитвой о прощении грехов гордыни и отчаяния. В качестве предшественницы фьябы называют французскую комедию Лесажа, в которой нет имени Турандот и нет загадки об имени принца. Ближайшая из великих обработок сказки была написана Шиллером и шла под руководством Гёте в веймарском придворном театре в начале XIX в. Ее отличие от пьесы Гоцци состояло в том, что для каждого представления «Турандот» Шиллер должен был придумывать новые загадки. Таким образом государственно-космический смысл загадок принцессы Гоцци (ответы: солнце, год, лев Адриатики, – образуют зашифрованное многолетие венецианской власти) ус-

тупил место загадкам-развлечению в роде модных шарад. Тем не менее имя Гёте в истории странствий Турандот по европейским театрам возникло явно не случайно. Легко предположить, что, как знаток герметической традиции, он недаром обратил внимание на странную принцессу.

Бузони не ставил своей целью переделку Гоцци, а вот просвещенные либреттисты Пуччини проявили изрядную самостоятельность. Они объединили основные мотивы, сделав ставкой загадки об именах героев. Этот ход оказался не менее сильным, чем воссоединение копья и чаши в вагнеровском «Парсифале». Он структурировал миф, превратив его в действие. Три загадки об имени Турандот подводят к его сущности. Ответы на них – надежда, кровь и Турандот – отчасти повторяют стадии мифологического действия в опере Вагнера: надежду на искупителя, явленное чудо Христовой крови, вертикальное слияние миров. Юнг начинает «Mysterium conjunctionis» с утверждения о том, что «образующие conjunctio факторы представляются противоположностями, как противостоящими друг другу в силу своей взаимной враждебности, так и притягивающими друг друга в силу своей взаимной влюбленности». «Турандот» – это conjunctio «царства» и «рабства», льда и огня. Как мифологическая монада, она подобна чаше Грааля, сосуду с кровью, каким видел этот символ Вагнер. Однако по функции в структуре мифа она не обладает властью пресуществления и нуждается в качественном дополнении, в спасителе. Пользуясь техникой символической номинации, разработанной Вагнером, итальянские поэты выстроили мифологический «ряд Турандот»: точильный камень – сабля – луна – отрубленная голова («Саломею» Уайльда уже усвоили) – ночь – тень – бледность – холод. Альтернативные атрибуты – кровь и пламя – можно трактовать как условия алхимического превращения темной луны. Его движущей силой становится разгадка второго имени. Настоящее имя принца – Amor. Это тайное имя Бога итальянских гуманистов, открывающее врата Вечности.

«Химическая свадьба» Луны и Солнца, изображенная на гравюре XVII в., безусловно является структурным прототипом сюжета «Турандот» в версии Пуччини и его либреттистов. Дополнительное алхимическое обоснование можно видеть в том, что Луна и Солнце символизируют среднюю и высшую стадии изготовления lapis philosophorum – магического инструмента Преображения, тождественного Граалю. Алхимия креста-розы учит, что человеческое тело несет в себе нечто, существовавшее, когда начиналась Земля, prima materia, объединяющую все субстанции. Поэтому оно способно воспринять зародыш нетленного «тела Воскресения». Штайнер указывал на постоянное повторение алхимической максимы: человеческое тело состоит из субстанции, тождественной совершенно прозрачному, кристально чистому «философскому камню».

На этом можно было бы закончить, но осталась еще одна, главная, загадка: что значит «Турандот» и какую роль играет это имя? Совершенно очевидно, что оно не имеет отношения к китайской экзотике. Столь же ясно, что оно является ключом сказки, без него немедленно превращающейся в другую сказку. Вообще-то Турандот – обычное для комедий «говорящее имя», имя-маска, однако в данном контексте оно едва ли могло бы найти сколь-нибудь убедительное рациональное оправдание. Буквально оно переводится с итальянского как «Туранское приданое» (если внимание обращено на свадьбу), «Дар туранцев» или «Туранский дар» (в последнем смысле: талант). Туранская принадлежность предполагаемого сокровища оказалась наиболее сложным моментом интерпретации. Она никогда не обращала на себя внимания. Перекопав груды книг, могу без особой уверенности предложить два пути объяснения. Один, квазиисторический, опирается на персидские средневековые источники. Согласно эпической традиции «туранцы» вместе с иранцами вели свое происхождение от общих прародителей, т. е. принадлежали к индоперсидской ветви ариев. Они враждовали с иранцами (например,

погубили их героя Сиявуша), обитали в Восточном Туркестане, который благодаря им приобрел репутацию родины прославленных белолицых красавиц. Указание на протоиранское происхождение Турандот и у Гоцци, и у Пуччини могло напоминать о ее тождественности небесным нисхождениям Грааля (ср. стихи детского хора: «В пустыне моря тысячи голосов зовут: “Принчипесса, спустись ко мне! Всё расцветет, всё засияет”»), чей древнейший мифологический слой, по мнению Н. К. Рериха, имел иранские корни.

Другая версия происхождения «приданого» связана с оккультными теориями эволюции, получившими широкое хождение в начале XX в. Наиболее общепринятой была «история четырех лун», изложенная, например, в «Человеке без свойств» Музиля. Она обосновывала смену «рас», регулярно уничтожавшихся космической катастрофой – очередным падением ледяной луны. Само по себе соединение Луны, льда и огня как атрибутов Турандот достаточно красноречиво для человека, начитанного в оккультной литературе XX в., обсуждавшей «теории», предложенные на роль натурфилософского обоснования фашизма. Однако у знаменитых «белых адептов» – у Рериха, Блаватской расовая доктрина была украшена гностическими блестками: новая формация людей наследовала тайное сокровище, дарованное силами Иерархий. Оно позволяло начать эволюционный труд не с нуля, а с того места, на котором он был прерван. Небесный камень, или огонь, или иная высшая по отношению к наличной материи сущность, позволяла хранить мудрость Иерархий, знание о прошлом, вступать в контакт с высшими, а также общаться с уцелевшими потомками предыдущих рас, обеспечивавшими разнообразие и преемственность в развитии Человека. Согласно этому учению туранцы были четвертой подрасой потомков Атлантов – представителей преимущественно магической цивилизации. Желтолицые, они мигрировали из Атлантиды в район бывшего Центрального моря Азии, на месте которого теперь простирается пустыня Гоби, и стали предками монголов, позднее захвативших Китай и основавших там императорскую династию. Можно предположить, что Турандот, как и мечталось Мокульскому, «почти историческая» принцесса из династии Юань, но гораздо интереснее напомнить читателю об удивительных совпадениях в мифологии тайных сокровищ, наблюдающихся в индоевропейских, индоиранских и монголотибетских сказаниях. Так, в одном из саянских вариантов эпоса о Гэсэре (кстати, имя монгольского героя, как принято считать, имеет ирано-согдийское происхождение и является производным слова «кесарь») расказывается, что витязь, некогда победивший дракона и забравший клад, который он сторожил, долго и со славой правил своим народом, но потом решил его оставить. Перед тем как он удалился, сокровище было отдано народу с условием, что разделить его люди смогут только тогда, когда воинство Северной Шамбалы принесет им Копье спасения. Так излагают предание сойоты, коренные жители Саянских гор, почти ассимилированные бурятами и тувой. В их версии на удивление много звеньев, совпадающих с преданием о Граале. Так что сущность Турандот и в монгольском эпическом толковании сохраняет память о неземном происхождении «дара», о его женственной природе, нуждающейся в копье спасения.

Напомню, что сколь далеко ни углублялась бы я в рассуждения о тайном смысле пуччиниевской «Турандот», виновниками оккультной интерпретации являются постановщики спектакля. А поскольку они исходили из музыкальной композиции, то и она без натяжек и противоречий принимает новую трактовку смысла. Распределение действия, протяженность сцен, система повторов свидетельствуют о том, что перед нами итальянское воплощение символистской драмы. Действие по большей части выражает себя в магических ритуалах. В их контексте милая сердцу композитора «китайскость» воспринимается не столько как продолжение вердиевского «Древнего Египта» («натуральный историзм»), сколько в ви-

де парадоксальной гиперболы, усиливающей эффект «остраннения». Даже корона Мелисанды не удивительнее маски Турандот или Бригеллы в роли китайца. Вручение туранского наследства под звуки по тем временам «неземной» музыки, наверное, действовало на современников сильнее, чем какие-нибудь «Звездные врата». Недаром с самого рождения опера Пуччини была окружена аурой таинственности, питавшей, и, как выяснилось, не без оснований, цветущую мифологию магических соответствий.

УДК 792

Севастеенко Алена Вадимовна
канд. филос. наук,
зав. учебно-методическим сектором,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: anders-alena@yandex.ru

Sevasteyenko Alyona Vadimovna
Candidate of Philosophy,
Head of Teaching Methodology Brunch,
Liberal Arts University – University
for Humanities, (Ekaterinburg)

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПЕРФОРМАНС НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ЭКРАНИЗАЦИЯ КАК КИНЕМАТОГРАФИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ СПЕКТАКЛЯ МОСКОВСКОГО ТЕАТРА ИМ. М. Н. ЕРМОЛОВОЙ «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ» В ПОСТАНОВКЕ АЛЕКСАНДРА СОЗОНОВА)

A NEW GENERATION OF THE THEATRE PERFORMANCE: SILVER SCREENING AS CINEMATOGRAPHIZATION (ALEKSANDR SOZONOV'S STAGING OF «THE PICTURE OF DORIAN GRAY» IN MOSCOW THEATRE NAMED AFTER M. N. ERMOLOVA)

Аннотация
В статье представлена философская концепция театрального перформанса как экранизации и, таким образом, кинематографизации произведения. Как пример театрального перформанса нового поколения рассматривается спектакль Московского театра им. М. Н. Ермоловой «Портрет Дориана Грея» (2013) в постановке молодого режиссера Александра Созонова и при участии художественного руководителя театра Олега Меньшикова.
Ключевые слова: абсурдистская драма; авангардный театр; виртуальная реальность; воображаемое; воображение; греза; двойничество; катарсис; кинематографизация; крюотический театр; мимесис; миф; онейрическое пространство; перформанс; трансгрессия; трансформация; экранизация.

Abstract
A philosophical vision of the theatre performance (as the screen version and consequently the cinematic transformation of a script) has been presented in the article. The example of this new theatre performance is Moscow Ermolova Theatre «The Picture of Dorian Gray» stage version produced by a young stage director Aleksandr Sozonov with the help of the theatre's artistic director Oleg Men'shikov in 2013.
Keywords: absurd drama; avant-garde theatre; virtual reality, the imaginary; imagination; dream; duplicity; catharsis; cinematographization; Theatre of Cruelty; mimesis; myth; oneiric space; performance; transgression; transformation; screen version.

Его театральный иллюзионизм носил конструктивный, а не живописный характер.
О спектаклях по проектам
Леонардо да Винчи[1]

[1] Леонардо да Винчи конструировал для спектаклей особое сценическое пространство, которое можно было расположить в любом помещении, на любой площадке. «Поставить спектакль для него означало не столько его декорировать, сколько изобрести и сконструировать». (Новые концепции театра // Театральная лаборатория Вадима Максимова [Электронный ресурс]. – URL: http://teatr-labor.info/wp). Леонардо, таким образом, можно рассматривать как «инженера-сценографа», «технолога» и «режиссера-постановщика», а к новаторским достижениям рубежа Кватроченто и Чинквеченто относить, в том числе, развитие режиссуры.

© Севастеенко А. В., 2014

Существенно то, что есть некие надежные средства,
способные привести чувственную сферу к более глубокому
и тонкому восприятию; такова цель обрядов и магии, а ведь театр,
в конечном счете, – это всего лишь их отражение.
Антонен Арто.
Театр и его Двойник

Весной 2013 года в Московском театре им. М. Н. Ермоловой состоялась премьера спектакля по роману Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»[2] в постановке молодого режиссера Александра Созонова[3] и при участии художественного руководителя театра Олега Меньшикова[4].

Пресса отреагировала на спектакль критическими рецензиями: «Какую вещь испортили» (Николай Берман, «Газета.ru», 08.04.2013); «Дориана Грея превратили в бренд» (Марина Шимадина, «Известия», 08.04.2013); «Если бы молодость знала» (Григорий Заславский, «НГ», 08.04.2013); «Жертва моды» (Елена Губайдуллина, «ПТЖ», 10.04.2013); «Возраст с человеческим лицом» (Роман Должанский, «Коммерсант», 12.04.2013); «Раздвоение Дориана» (Алла Шендерова, «Огонек», 15.04.2013).

Но режиссер был награжден за «Портрет Дориана Грея» премией им. Андрея Лобанова. В интервью, данном Вадиму Рутковскому и размещенном на официальном сайте «Театра им. М. Н. Ермоловой», Александр Созонов заявил о своей принципиальной позиции в театральном искусстве: «Настоящий художник может быть только свободным», но при этом оговорился: «Независимых режиссеров не существует» [13]. Допустим, что мы можем пропустить вопросы культурной политики, конфликтных ситуаций внутри цехов и постановочных команд, то есть не рассматривать процесс создания спектакля как проблему режиссерской зависимости. Тогда, сосредоточившись на проблемах художественных, зададимся вопросом: что принципиально нового внес в театральное искусство Александр Созонов?

А. Созонов амбициозный молодой режиссер, который работает в новых театральных жанрах (спектакль-квест, спектакль-перформанс): на грани с документальным театром поставлен байопик[5] «Ермолова. Вне игры» (Москва, 2013), идея

[2] Автор настоящей статьи присутствовал на спектакле 11 сентября 2013 г. в Екатеринбурге во время гастрольного тура театра им. М. Н. Ермоловой.

[3] Александр Созонов (1983 г. р.) – театральный режиссер; выпускник Школы-студии МХАТ (курс Кирилла Серебренникова); режиссер спектаклей «Про Федота стрельца» (2006), «Морфий» (2006), «О любви» (2007), «Риверсайд Драйв» (2009) (спектакль по Вуди Аллену в Пермском «Театре Театре»), «Медленный меч» (2012) (спектакль по пьесе А. Роппер в Центре драматургии и режиссуры), «Остров Рикоту» (2012) (постановка в Алтайском театре драмы и режиссуры А. Казанцева); принял активное участие в режиссерских лабораториях «Жизнь удалась» (лучший эскиз спектакля на «Семинаре-лаборатории современной драматургии» в театре «Встречи»), «Она скакала на бирже как на лошади» (лучший эскиз спектакля в рамках лаборатории «Мастерская на Беговой»).

[4] Олег Евгеньевич Меньшиков (1960 г. р.) – советский и российский актер театра и кино, театральный режиссер (с 2012 г. – художественный руководитель театра им. М. Н. Ермоловой); выпускник Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина (курс В. Б. Монахова); народный артист России (2003), трижды лауреат государственных премий России (1995, 1997, 1999 гг.); в 1981 г. поступил в Малый театр; с 1985-го по 1989 г. работал в труппе театра им. М. Н. Ермоловой; в 1995 г. организовал свою театральную компанию «Товарищество 814»; играл в спектаклях Петра Фоменко (роль Калигулы в одноименном спектакле, 1990), в лондонском театре «Глобус» (роль Сергея Есенина в спектакле «Когда она танцевала», 1991). В 2008 г. поставил свой первый моноспектакль «1900» на сцене театра им. Моссовета в рамках фестиваля «Черешневый лес».

[5] Байопик [от англ. *biographical picture* – биографическое кино] – кинематографический жанр (или отдельное художественное произведение), представляющий собой повествование о судьбе известной личности или наиболее драматических моментах жизни этой личности. В отличие от картин, основанных на подлинных событиях, или исторических фильмов, целью фильма-биографии является не хроникальное освещение фактов и событий, а раскрытие того, как известная личность повлияла на исход событий.

перформанса в доме Ермоловой была частью проекта фестиваля-школы «Территория» «Живые пространства» (этот проект Созонов рассматривал как часть эксперимента по нахождению правильной формы диалога со зрителями).

Активно использует Созонов и мультимедийные технологии, которые, по его мнению, являются неотъемлемой частью современного актуального театра. «Театр в принципе невозможен без технологий», – утверждает Созонов [13]. Но режиссер не считает видео новаторством. «Театру как культурному явлению несколько тысяч лет – недальновидно изобретать колесо… после опытов почти столетней давности Пискатора, Мейерхольда» [13]. Тем не менее, современный человек получает максимум информации через зрительный образ. «Иконки и условные знаки все чаще заменяют текст» [13]. Поэтому спектакль «Портрет Дориана Грея» начался с привлечения к работе Натальи Шендрик – талантливого дизайнера, создателя фирменного стиля «Гоголь-центра», принесшего ей европейскую премию Ed Awards, – и разработки логотипа DG – Dorian Grey.

Действие спектакля Александра Созонова перенесено в «условные наши дни» и разворачивается «как бы в виртуальной реальности» [6].

Декорации современного «Портрета Дориана Грея» рождены авторским видением режиссера. Антураж сцены колеблется между киностудией (в перерыве между масштабными съемками) и безразмерной художественной мастерской (в момент переезда). Так посредством декораций Созонов манифестирует скрещение эпох – романтизма и современности.

Пространство сцены технически размежевано спецэффектами: компьютерная графика, светомузыка. Сцена словно «распахивается» на переднем плане, впуская в себя зрителя. Но, тем не менее, не дает ему зайти слишком далеко, ограничивая перспективу кирпичной стеной на заднем плане. Там же на стене вращается огромный вентилятор.

В центре сцены расположены подиумы. По краям установлены станки с макетами декораций. В глубине светится неоновая табличка с надписью «Выход». Над сценой размещается гигантский монитор, который с помощью специальной конструкции «постоянно перемещается во все стороны». Но, кроме того, в собственном ритме (где-то между вентилятором, монитором и подиумами) разлетаются мистические световые фейерверки.

Так антураж постановки приобретает романтические черты. Сцена напоминает колбу алхимика, в которой извиваются золотисто-зеленые змейки, прельстившие гофмановского студента Ансельма. Только современные версии Серпентины порождаются не действием алкогольных напитков, а влиянием компьютерных технологий.

В свою очередь, художник Бэзил Холлуорд использует не краски и живописное полотно, а видеокамеру и компьютерный монитор. Его фантазия рождает «причудливые ирреальные образы и вписывает живых актеров в абстрактные композиции» [6]. Например, «в кукольную гостиную леди Брэндон среди крошечных игрушечных человечков» [19].

Портрет Дориана – центр постановки Созонова – также выполнен в духе романтизма, но современными средствами. Портрет – «размытое изображение человека, похожее на разряд молнии», «нечто светящееся», которое «записывается на мигающую зеленым огоньком флэшку». Чтобы проверить свой портрет, Дориан должен включить компьютер [8].

Так портрет у Созонова становится объектом видеоарта. «Ослепительно белый мужской силуэт на голубом фоне и переливающийся радужным сиянием – получается, что Бэзил в прямом смысле запечатлевает не внешность Дориана, но его душу. И с первым проступком красивого юноши рука портрета окрашивается в ядовито-зеленый цвет, переставая светиться» [6].

В ходе спектакля ведется видеосъемка. Все происходящее на сцене транслируется «в прямом эфире» на огромный монитор. Как реклама в бегущей строке на экране мелькает новый бестселлер «Портрет Дориана Грея», хит сезона, далекий от оригинала Уайльда [6].

Реакция прессы на спектакль была во многом негативной. В отзывах критиков о спектакле Дориан Грей Созонова «олицетворяет современную индустрию глянцевого жизнелюбия», постепенно превращаясь «из человека в торговую марку»: «вечно молодой Дориан не только красуется на рекламных фотографиях», но превращается в «модный бренд» – инициалы DG становятся «узнаваемой торговой маркой, мелькают на одежде, пакетах, аксессуарах» [8].

Режиссера обвиняли в создании постановки-профанации, искажающей ключевые смыслы романа-оригинала. Елена Губайдуллина, в частности, замечала, что в версии Ермоловского театра роман Оскара Уайльда превратился в мемуары лорда Генри (Олег Меньшиков), ставшего продюсером «красавчика Грея (Сергей Кемпо)» [7].

Критика достигла своего пика при сопоставлении двух ведущих артистов постановки Созонова. «Дуэт Олега Меньшикова и Сергея Кемпо строится на контрастах, – подчеркивает Елена Губайдуллина. – Лорд Генри, одетый подобно лондонским денди конца XIX века, высокомерен, насмешлив, харизматичен.

Дориан, словно “downtown man”, только что вынырнувший из московского метро, подобострастен, неврастеничен и, несмотря на внешнюю красоту, довольно жалок.

Худрук, играющий наставника, задает тон. Держится свободно и уверенно, демонстрирует безупречное владение красивым голосом, переходя от небрежной скороговорки к размеренным назиданиям» [7].

Меньшиков играет «персонажа от автора», – добавляет Роман Должанский, – становясь не только героем, но и рассказчиком. Кроме того, «он превращается в модель для видеопортрета – именно движения лорда Генри, преображаются техникой в переливы темной кляксы на экране, доводящей Грея до самоубийства» [8].

Конечно, – утверждают все журналисты, оценивая работу Меньшикова, – тема Дориана Грея близка самому актеру. Марина Шимадина заявляет: «Дориан Грей с его культом вечной молодости – это 100-процентно меньшиковская тема. Романтичный герой-одиночка, он всегда создавал вокруг себя ореол таинственности, как никто из современных актеров продолжая играть в уайльдовское жизнетворчество» [19].

Впрочем, пресса все-таки отдала дань таланту Олега Меньшикова, признавая, что он «царит на подмостках»: «Элегантный, ироничный денди, он сыплет уайльдовскими афоризмами, причем не только из романа, но и из других произведений английского острослова» [7].

Журналисты с удовлетворением отмечали, что Меньшиков часто выходит на сцену с книгой в руке. Но тут же ставили Созонову в упрек, что другие персонажи «книг в руки не берут, зато не расстаются с флэшками и компьютерами» [7].

«На самом деле, – утверждает Роман Должанский, – Меньшиков играет несостоявшегося Дориана. Время, конечно, делает с ним свое дело: пару раз лорд Генри въезжает в спектакль из своей старости, на инвалидной коляске. Но более важным кажется тот момент, когда герой Меньшикова появляется спустя 20 лет после начала повествования рядом с Дорианом, и мы понимаем, что время пощадило не одно, а оба лица» [8].

В конце концов, именно молодой Меньшиков как «вечно прекрасный Дориан смотрит на нас с рекламных страниц глянцевых журналов» [19].

Тем не менее пресса с удовольствием подлавливает Меньшикова на панической боязни стареть. «По крайней мере, в спектакле, – оговаривается Марина Ши-

мадина, – у его лорда Генри лишь один раз сквозь маску циника и шутника прорывается живая эмоция – когда он пытается выведать у друга секрет его молодости» [Там же].

Что касается актерской игры Сергея Кемпо, то ей журналистского сарказма досталось не меньше, чем режиссуре Созонова. «Роль самого Дориана – это краеугольный камень и, как правило, слабое звено любой постановки или экранизации», – пишет Марина Шимадина [Там же].

Николай Берман называет постановку Созонова историей развенчания и гибели образа, которого никогда не существовало. «Дориан, сыгранный Сергеем Кемпо совершенно обычным человеком, в котором нет ничего особо прекрасного, совсем не похож ни на компьютерный портрет, ни на свой идеализированный образ, глядящий на зрителей с проекций-билбордов (сексапильные и хорошо отфотошопленные портреты Дориана со слоганом “Будь особенным. Будь ДГ”). Это всего лишь выдуманный и хорошо продаваемый бренд, сочиненный продюсером лордом Генри и не имеющий отношения к своему прообразу» [6].

Дориану Грею, если подытоживать оценку прессы, нужно быть молодым Олегом Меньшиковым с его «победной, неотразимой харизмой», а не Сергеем Кемпо, молодым актером со своим стилем, который в спектакле Созонова выглядит не более чем «продуктом удачной рекламной кампании» [19].

В целом, сочетание в постановке Созонова разных эпох журналисты расценивают как натянутое, ненатуральное: «Чтобы оправдать пересечение эпох, лорду-продюссеру приходится прикинуться дьяволом». Только дьявол способен возвысить и унизить, заразить энергией вседозволенности, толкнуть на преступление.

Так в глубокий и многослойный роман Уайльда приходит мораль о том, «что хорошо, а что плохо». «Все стало проще, примитивнее и, вроде бы, понятнее, – подытоживает Елена Губайдуллина. – Но смещение важных смыслов нарушило логические связи первоисточника. Осколки сюжета, оставшиеся в инсценировке, сделанной самим режиссером, дробят спектакль на разностильные фрагменты, запутывая происходящее» [7].

Елена Губайдуллина называет спектакль Созонова «жертвой моднейших высокотехнологичных веяний». «В абстрактном полотне, сотканном из чередований едких афоризмов, слепящих цветовых пятен, резкой музыки и нервного бега, сюжетные вставки кажутся лишними» [7].

Григорий Заславский также раскритиковал техническое исполнение спектакля: «Видео, как любой второй, другой план берут обычно, когда этот план имеет и какую-то дополнительную нагрузку, визуальную, смысловую». Но в спектакле «Портрет Дориана Грея» видео лишь имитирует второй и третий планы, которых у Созонова просто нет [9].

Роман Должанский, поддерживая общую идею неудачности постановки Созонова, конкретизирует: «Компьютерную графику зритель все-таки воспринимает умозрительно: на трехмерной человекообразной фигуре появляются какие-то зеленые пятна, потом изображение превращается в текучую темную субстанцию» [8]. Но компьютер для того и нужен, чтобы мгновенно преобразовывать.

Вадим Рутковский, говоря об оборотной стороне экспрессивного режиссерского стиля Созонова, отметил «драйв, который при неудачном раскладе может обернуться таким вот “много шума и ничего”» [13].

В конечном счете, журналисты сошлись на том, что режиссер напрасно решился на «абстрактные фантазии по мотивам», заменив события романа рядом ассоциаций. «Все-таки пока еще сознанию зрителя доверяют больше, чем подсознанию» [7].

Итак, Александр Созонов был публично заклеймен как «неудачник». Но негативная реакция прессы, на наш взгляд, только подтверждает неординарность пос-

тановки молодого режиссера. Парадокс журналистского внимания как раз в том и заключается, что «много шума» без «ничего» не бывает. Чем негативнее критика, тем более примечателен объект, на который она направлена.

Даже критикуя режиссерские приемы Созонова, журналисты не могли не признать, что для него «эти приемы – не голый эпатаж и не способ самовыражения, а метод мышления и оптимальная для его замысла форма» [6].

Действительно, «Портрет Дориана Грея» – после того как в 2012 году Театр им. М. Н. Ермоловой возглавил Олег Меньшиков, – был самым глобальным его проектом. Не только в финансовом плане (бюджет спектакля составил несколько миллионов рублей), но и в концептуальном. Олег Меньшиков давно высказывал идею создания «нового театра», отличающегося от традиционного.

До премьеры уже было известно, что «Портрет Дориана Грея» – «нечто бесконечно современное» [9]. После премьеры даже суровые критики были вынуждены признать: «Спектакль Созонова идеально придуман концептуально и воплощен технически» [6]. Сам Александр Созонов, комментируя «Дориана Грея», сказал: «Спектакль собирает полные залы, помогает найти нового зрителя, так как он диаметрально отличается от того, что делал Олег в товариществе, и от всего предыдущего репертуара Ермоловского театра» [13].

Чем же так уникален «Дориан Грей» в постановке Александра Созонова?

Во-первых, он в новой, по сути кинематографической [17], форме развивает философские идеи «крюотического театра» Антонена Арто.

Во-вторых, новыми техническими средствами Созонов воплощает конструктивный и – в то же время – живописный способ постановки спектакля, открытый еще уникальной «режиссурой» Леонардо да Винчи.

Что же мы имеем в итоге? «Портрет Дориана Грея» Александра Созонова представляет собой театральный перформанс, обладающий ярко выраженными кинематографическими чертами. Вопрос о преимуществе кино перед театром на массовом рынке, таким образом, снимается. Между искусством кино и искусством театра как бы заключается перемирие. Вернее, мы оказывается свидетелями рождения совершенно новой, гибридной формы *театральной* и *кино*драматургии.

Каким образом это удается Созонову? Давайте рассмотрим форму и содержание спектакля с точки зрения двух отмеченных тенденций.

I

Прежде всего, как развивается авангардистская концепция «крюотического театра» Антонена Арто в постановке Александра Созонова?

Театральная лаборатория Вадима Максимова[6], в рамках которой в 2009 году проводилась научная конференция «Новые концепции театра и их практическое воплощение на рубеже веков», развивает идею возрождения концепции театра Арто, рассматривая его как своего рода авангардиста.

Арто называет свою концепцию «театром жестокости». В. И. Максимов употребляет французский термин дословно «крюотический театр» (théâtre de la creauté), убедительно показывая, что Арто рассматривал «жестокость» как дисциплину и прилежание. По сути, Арто подразумевал жестокость вещей, которые «связывают» восприятие человека; постулировал «диктат вещи как знака», который нужно преодолеть.

[6] Вадим Игоревич Максимов – театровед, режиссер, доктор искусствоведения (с 2008 г. – заведующий кафедрой зарубежного искусства СПбГАТИ); специалист по французскому театру XX века и творчеству Антонена Арто; создатель и руководитель Театральной лаборатории, основанной в 1984 г. как экспериментальный театр, задача которого – освоение театральных схем, отличных от системы Станиславского.

Театр представлялся Арто единственным пространством, в котором преодоление диктата вещи может быть осуществлено. Так что жестокость – это жесткость требований к самому себе – актера, режиссера, зрителя.

В одной из статей Арто сравнивал актера с человеком, сжигаемым на костре и подающим знаки собравшимся вокруг.

Другими словами, Арто утверждал, что актер говорит на языке, возникающем во время исполнения некой практики, проживании реального события. «Как танец с острова Бали (вдохновивший Арто на создание его концепции театра), так и аутодафе – это реальный процесс, а не игра, хотя театрализация и в том и в другом случае несомненна» [10].

Авангардизм Арто, проявившийся в постановке Созонова, «фактически утверждает, что мысль, выраженная средствами вербального языка, растрачивает “по пути” частицы смысла». Вслед за Арто, режиссер пытается преодолеть пропасть, пролегающую между «неясной субстанциальностью поэтического озарения и его словесной формой», тем самым, указывая не очевидные пределы словесности [7].

Гастон Башляр, «философ-сновидец», «покидающий область рефлексии» и «отдающийся во власть воображения» [5] рассматривает «неясную субстанциальность поэтического» как продукт озарения, возникающего под действием творческой силы воображения.

В книге «Вода и грезы. Опыт о воображении материи» Башляр использует понятия «*воображения формального»* и «*воображения материального*», без которых считает невозможным философское исследование художественного творчества. «Необходимо, чтобы причина, порожденная чувством, – рассуждает он, – причина, идущая из сердца, стала причиной формальной: только тогда произведение обретет разнообразие слова и живую переменчивость света» [4].

Вот каким образом, помимо образов формы *(портрета, ирреально сияющего в неоновых переливах монитора)*, в постановке Созонова появляются образы материи *(пластика реального актера, движущегося параллельно компьютерному мерцанию)*, т. е. непосредственные концепты воображаемого. «Взгляд дает им имя, знает же их рука», – пишет Башляр, предвосхищая концепцию *преэкспрессивности*, развитую Э. Барба и Н. Саварезе. «Преэкспрессивность, – говорится в «Анатомии актера. Словаре театральной антропологии», – то есть способность актера достигать сценической жизни в кодифицированных формах театра, является следствием использования специфических техник тела». Барба и Саварезе эти техники называют экстраповседневными [2].

В первой сцене, знакомящей зрителей с Дорианом, юноша обнажает торс и встает на беговую дорожку. Физическая красота актера заполняет все сценическое пространство. В том числе за счет трансляции крупного плана на мониторе, расположенном над сценой.

Но самым удивительным становится перерождение телесности Кемпо в световой аналог виртуального портрета Дориана. Душа и тело юноши сливаются и трепещут в руках Холлуорда, который ловит каждую «вспышку молнии», не в силах оторваться от компьютера.

Однако, подобно грезам Башляра, виртуальные концепты Созонова строятся на контрастах. Обращаясь к художнику, Олег Меньшиков подражает бараньему блеянию, по-деревенски растягивая его имя: «Бэ-э-э-зил». Таким образом в художнике – творце от искусства – подчеркивается природное начало, органическая зависимость. Но что делает с его органичным творением форма перформанса – образование надъязыковое и сверхъязыковое? [16]

Как «Портрет Дориана Грея» должен стать грезой? [14] «Греза самая подвижная, преображающая, более всего преданная формам, тем не менее сохраняет некий балласт, плотность, своего рода медлительность, прорастание» [4].

Две силы воображения, обозначенные Башляром, сотрудничают в театральном перформансе Созонова, проникают достаточно глубоко в суть представляемых событий и вещей и обнаруживают субстанциальную причину. Так в театральной и, одновременно, кинематографической постановке сочетаются антураж сцены в стиле «хайтековской мастерской» и «лучезарная светомузыка». Каждое произведение должно расцвечиваться. «Для первого обольщения читателя оно должно воспринять все изобилие формальной красоты» [4].

Начиная с презентации физических принципов, управляющих поведением актеров, Созонов развивает философскую теорию воображения Башляра и под конец представляет зрительской аудитории в полном смысле «театр воображаемого»[7].

«Портрет Дориана Грея» становится перформансом нового поколения. Звучащее слово представляется в нем неподлинным, не имеющим идентичности. Актерская же игра, основанная на формальном и материальном воображении, напротив, становится глубоко духовной демонстрацией телесности, «укореняет слово в теле и жесте» [2].

Спектакль разворачивается в особом, онейрическом пространстве. На сцене, прикрываясь актерами как масками, живут и действуют формальные структуры сновидений, материализовавшиеся по воле режиссера. Театральная греза, таким образом, получает сюжетное развитие, помещается в онейрическое пространство и приобретает качество кинематографической [14].

Зададимся тем же вопросом, который в свое время поставил Башляр: «В каком пространстве живут сновидения?» Башляр полагал, что пространство сна наделено беспрестанным и беспорядочным движением.

Театральное искусство, как и искусство кино, музыкальное и художественное искусство, выявляют результаты действия сновидения, предоставляют возможность для восприятия, а иногда и позволяют читающему, слушающему или смотрящему участвовать в онейрическом процессе.

«В ряду онейрических трансформаций или преобразований, идущих во время сна, мы фиксируем только остановки, мгновения неподвижности. Но, тем не менее, именно *превращения* или трансформации обнаруживают онейрическое пространство как место движений воображения» [5].

Центр онейрического пространства [15] или «порождающий его фокус» становится главным пространством театрального действия Созонова. Так что тела актеров – Кемпо и Меньшикова – выигрывают и укореняются в зрительском восприятии как онейрические образования.

В начале спектакля Кемпо превращается в световое изображение Дориана. В конце – становится физическим воплощением лорда Генри. Каждая трансформация Кемпо мгновенно переживается следящим за ним лордом Генри, который жаждет превратиться в Грея. Смысл романа Уайльда «освобождается от слова и передается новым языком – языком жеста, эмоции, звука, мимики, движения, ритма», что делает пространство спектакля в полном смысле онейрическим.

В этом процессе нет наблюдателей – все участники. Граница между режиссером, актером и ролью, так же как между режиссером, актером и зрителем, размывается. Зрители вовлекаются в виртуальную реальность режиссерского спектакля и переживают те же превращения, что актеры, перевоплотившиеся в лорда Генри и Дориана.

Таким образом, не *мимесис*, а *превращение* приводит зрителя спектакля к *катарсису*. К центру сна, где «гнездятся истоки сновидений», сначала стягивается

[7] Термин введен автором статьи.

онейрическое пространство, и именно от этого центра или порождающего его фокуса пространство сна растягивается, распространяется и структурируется.

Тем самым, как и Арто, Созонов опровергает модель театрального, в которой сценическое действие «центрируется, прежде всего, литературой, языком, словом, озвученным, подсвеченным и раскрашенным». Арсенал выразительных средств Созонова не подчиняется характеристикам литературного первоисточника, их потенциал вырывается из рамок «подгонки визуального ряда к ряду записанному» [11].

В «Действии буквально» Е. Гротовского есть фрагменты, которые могут раскрыть суть постановки Созонова:

1. Теперь представим себе, что все происходящее совершается в том месте, в котором совершается. Пространство не означает другого пространства.

2. ...Действие является буквальным, а не символическим, в нем нет разделения на актера и зрителя, пространство является буквальным, а не символическим.

<...>

5. И без всякого различия между внешним и внутренним, между телом и душой, например. Просто открытое свободное пространство. А где именно я в этом нахожусь? Не знаю. Может, меня нет? Может, я утратил этот проклятый образ?

Комментируя Е. Гротовского, Валерий Подорога писал: «В сущности, появление реальности в том месте, где она есть реальность, провоцирует в зрителе глубинные формы соучастия. Зритель теперь не перед, а в самой реальности. Сняты все посредники, создающие формы театральной условности, зрительская позиция оказывается на свету, нет более оппозиции между тенью/светом, условностью/реальностью и т. п. Пространство этого необычного театра сужается или расширяется до того, чтобы включить в общее действие жизни любое индиивидуальное тело, любой случайный крик, молчание, шепот или протест.

Жест актера переназывает вещи, давая им “первые имена”, преобразует привычную размерность обыденной чувственности в новые топологии, может быть невозможные, но сам себя не дает назвать, запрещает всякое психофизиологическое дистанцирование со стороны участников общего действия» [12].

Авангардная стилистика, присущая «Дориану Грею» Созонова, раскрывает природу жеста, который может воздействовать на зрителя напрямую, минуя умопостигаемый процесс узнавания. Акцент переносится на язык невербальный – пластический и физический, расширяющий сферу физического воздействия, переводящий ее в статус виртуальной. «Процессы восприятия и понимания минуют традиционную литературно-вербальную форму, обращаясь к зрителю непосредственно» [11].

Актером и жестом одновременно, в итоге, становится сам портрет, в котором соединяются Дориан – как персонаж и актер, его играющий. Качества портрета, которые придаются ему технической обработкой, делают его светящимся физическим эквивалентом формально красивой телесности своего первообраза.

Портрет (а с ним и актер) облекаются в свет, звук и цвет, превращаясь в особый кинематографизированный элемент, работающий в пространственно-временном резервуаре сцены (или – пространстве спектакля), с которым более всего прочего работает авангардная театральная традиция. Разрушенный трехмерный кинетический макет-копия узнаваемой фигуры заменяется разомкнутой системой, очищенной от идентифицирующих наслоений, объемом трансформированной фигуративности. «Пространство насыщается атомарными элементами театрального, воздействующими автономно, провоцируя механизм восприятия путем раздражения различных центров организма» [Там же].

Например, убийство Бэзила Созонов скрывает под покровом световых красок. Мертвое тело художника буквально раскрашивается. Дориан стирает личность Бэ-

зила, смешивая на его теле разные краски, которые прежде у него отобрал. Тем самым тело актера нивелируется как тело конкретного человека. Художник буквально растворяется в красках, которые сам же создал, однажды написав портрет.

Сценическое полотно в спектакле размещается Созоновым на разных уровнях. Не только экран монитора, на котором высвечивается техногенный портрет Дориана, но и вся сцена превращается в живописное полотно.

Но полотно сцены обладает многомерностью, выводящей его за рамки пространственно-временного восприятия.

В пространстве сцены, словно внутри кинокартины, сами актеры превращаются в краски, которыми пишется спектакль. «Актер, человек на сцене как комплекс одному ему присущих характеристик и свойств (движения, действия, звуков, состояния), есть тот необходимый праэлемент, который может находиться в сколь угодно сложной и многовариантной связке со всеми другими элементами» [11].

Как отправная точка всех возможных трансформаций, характеристики актера в рамках одного персонажа монтируются и демонтируются, распадаются на праэлементы и собираются вновь, представляя нам уже другой персонаж.

Наиболее яркой трансформацией, безусловно, являются взаимные подмены персонажей Меньшикова и Кемпо. В критической статье «Раздвоение Дориана» Алла Шендерова очень верно подметила: «Дориан Грей кажется помолодевшей тенью лорда Генри» [18]. Так в спектакль Созонова входит фигура Двойника, заимствованная им из системы театра Арто, но развитая за счет современных компьютерных технологий.

Двойник – это понятие, которое Арто применяет не только к театру, но и к актеру. Актер действует в крюотическом театре как собственный Двойник. Не другой человек, но тот же – только перешедший в другое качество. Таково качество мифа – бесконечно реального образования, возрождаемого в каждом к нему обращении.

Мирча Элиаде в «Аспектах мифа» разъясняет: миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления. «Миф говорит только о происшедшем *реально*, о том, что себя в полной мере проявило» [20]. Таким образом, миф всегда рассказывает о некоем творении, раскрывает творческую активность надчеловеческого существа, символизирующего суть общечеловеческого.

Для Арто, если продолжить аналогию, художественно значимо только реальное событие, но актер должен находиться в другой, архетипической реальности.

Но как противостоит личность и архетип в спектакле Созонова?

Актеры, играющие в «Портрете», выступают не как носители личности, а как персонификация «надличностного» начала, чего-то «общечеловеческого».

Крюотическое действие превращает Меньшикова в актора, сочетающего в себе автора и актера (вот откуда идут корни позиции «рассказчика»). Лидерство лорда Генри имеет особое значение. Не ведение повествования, а введение в осознание. Не просто идентификация, а двойничество, сакральная подмена актора – зрителем, в которой оба достигают прозрения.

Также обезличен (с возведением безликости в высшую степень «светового пятна») прекрасный и безобразный одновременно портрет Дориана.

Лицо Дориана на портрете не имеет узнаваемых черт, потому что оно персонифицирует идею прекрасного как такового. Красоту, которую невозможно выразить средствами живописи. Так же как замазанный, поврежденный следами злодеяний продукт жизни не только Грея, но и всех его окружающих людей, портрет неописуем и непредставим.

Как нарисовать вечность? Как изобразить красоту или безобразие в чистом виде? Что способно визуализировать поток сознания?

На все эти вопросы, по замыслу режиссера, каждый зритель по окончании спектакля должен найти ответ самостоятельно. Тогда становится понятен пафос цитат, вырванных из контекста произведений Уайльда. Творчество является откровением, а откровение всегда существует как сверхперсональное образование, но обретается конкретным человеком только индивидуально.

II

В чем же тогда проявляется конструктивизм Леонардо да Винчи? Как «Портрет Дориана Грея» Созонова использует технологию конструирования сценического пространства?

В рамках той же научной конференции 2009 года участниками театральной лаборатории В. И. Максимова была высказана мысль о влиянии на развитие современного авангардного театра постановок Леонардо.

Термин авангард[8] часто соотносится с полемической формой, пронизанной «пафосом низвержения канонов классической эстетики». Авангардный театр характеризует экспериментальный подход к художественному творчеству, выходящий за рамки традиционных эстетических представлений.

Но такова логика развития театра как такового (впрочем, как и любого другого искусства). Движение от традиции к инновации и взаимообратное возвращение.

Авангард как философская концепция, таким образом, напоминает отклонение маятника: «обновление – возвращение» и является неотъемлемым атрибутом развития театрального искусства. Доводя философскую концепцию авангарда до предела, можно сказать, что искусство театра всегда является авангардным. Театр существует за счет «новой фигуративности» каждого произведения и, одновременно, постоянного возрождения традиций и культурных архетипов.

Театроведческий (или внутритеатральный) подход, конечно, допускает традиционное произведение, сделанное «правильно», что является его положительной характеристикой.

Философский подход к театру, напротив, усматривает признаки авангарда в постоянном поиске средств выражения, отвечающих требованиям современности.

Но что есть новое, как не хорошо забытое старое?

Для воплощения своего замысла Созонов использует в постановке спектакля авангардную мультимедийную технологию, которая создает «условное или вымышленное тело актера», или, другими словами, является основой «преэкспрессивных оснований его выразительности» [2].

Созонов разрывает содержание произведения Уайльда и форму его сценической постановки. Казалось бы, выстроенный по тому же сюжету спектакль, по сути, не имеет ничего общего с романом «Портрет Дориана Грея». «Произведение как закрытая и материальная система, которую зритель должен распечатать, дополнить и закрыть, – по существу, просто интерпретировать», – режиссера-постановщика не интересует [11].

В спектакле Созонова работает именно текст, как его понимает Ролан Барт: «Оперативный семиотический концепт, в котором смысл больше не прочерчива-

[8] Авангард – (фр.) *avant-garde* – «передовой отряд» – термин используется как обобщающее наименование течений в европейском искусстве рубежа XIX–XX вв. Авангард как понятие эклектичен, поскольку этим термином обозначают ряд школ и направлений, базирующихся на различных идеях и принципах. Авангардизм трактуется как условное понятие, обозначающее совокупность художественных движений XX века, для которых характерны разрыв с предшествующей традицией реалистического художественного образа, поиски новых средств выражения и формальной структуры произведений. Термин «авангардизм» возник в критике 20-х гг. и утвердился в искусствознании в 50-х гг. XX века.

ется единым навязанным нарративом; утрачены линейность времени и сюжета, единство пространства» [3].

Таким образом, спектакль – его смысл – рассеивается, распыляется на элементы, подлежащие индивидуальному монтажу, который зритель должен осуществить самостоятельно.

Как и Арто, работая с актерами, Созонов требует от них определенного результата. Он не обучает, а просто понимает, что может Меньшиков или Кемпо, и это использует. Дориан Грей в исполнении Сергея Кемпо – красивый юноша, трогательный и непосредственный. Но главным фактором успеха проекта Созонова было то, что Кемпо не играет Дориана (что и вызвало журналистскую критику), он им является, а именно действует – живет и переживает на сцене. Что, собственно, и требуется для «крюотического театра».

В статьях Арто говорится, что актер – это «атлет сердца, который может управлять даже не чувствами, а аффектами так же, как атлет управляет мускулами» [10].

Но у Арто нет конкретной методики превращения актера в своего Двойника. Возможно, в этом и состоит выигрышное преимущество его концепции: четкая теория сочетается с неопределенной методикой ее исполнения, оставляя, таким образом, широкие возможности для новых открытий.

Для Созонова таким открытием становится методика мультимедийного конструкта, в рамках которого рождается некий (критикуемый журналистами) психоделический продукт. Актер Кемпо материализует идею Арто – он играет физически (мускульная сила) и манипулирует своими чувствами, которые незаметно выходят за рамки сцены и трансгрессируют в зрительскую аудиторию. Дориан встает на тренажер (беговую дорожку, расположенную под сияющим монитором), и движения его души на экране, ставшим живописным холстом Холлуорда, коррелируют с телесной пластикой.

Э. Барба и Н. Саварезе в «Анатомии актера. Словаре театральной антропологии» писали: «Экспрессивность, т. е. выразительность, актера проистекает – помимо его воли – из его действий, из того, как именно он использует свое физическое присутствие» [2].

Так что актер на роль Дориана Грея был выбран Созоновым более чем удачно. Принципы, которые управляют действиями Сергея Кемпо, являются преэкспрессивными основаниями его выразительности как актера. Ведь в «крюотическом театре» Созонова актеру не нужно играть Грея, ему нужно им быть. Достижение Созонова состояло в том, что он разглядел в Кемпо не красивого юношу, а того самого красивого юношу, которым был Дориан.

То же самое произошло при выборе Олега Меньшикова на роль лорда Генри. Декорации (фон спектакля) аккомпанируют актерскому воздействию Меньшикова на зрительскую аудиторию. «Предлагаемое их сочетание – не произвольно, их уникальная формула запрограммирована конечным результатом» [11].

Абстрактные макеты, которые Созонов размещает на сцене, – под аккомпанемент реплик Меньшикова – превращаются в живописные декорации. Элементы декораций находятся в постоянном движении и по ходу диалогов Меньшикова и Кемпо монтируются и трансформируются прямо на глазах у зрителя.

Далее – под воздействием спецэффектов – видеомонтажу подвергаются не только декорации, но и играющие на фоне их актеры, и само восприятие зрителя трансформируется. Актеры, вписанные в декорации, не играют, а визуализируют «поток сознания», представляя его в виде «светового» и «разноцветного».

Личность артиста становится мультимедийным достоянием. Так, режиссер не только использует современные технологии или демонстрирует всеобщую компьютеризацию. «Отождествление некой внутренней энергии и внешней формы»

персонажей приводит «к возникновению нового качества, чего-то иного по сравнению и с неведомой силой манна, и с внешней формой – иного, но близкого им» [10].

Таким образом технология Леонардо позволяет Созонову реконструировать на современной сцене абсурдистскую драму со всеми ее архаичными обстоятельствами, столь близкими Арто. При этом Созонов выводит собственный перечень первичных театральных элементов («праэлементов», в терминологии Арто), «раздражающих» и активизирующих комплексное восприятие зрителя, подкрепляющих тот или иной метод воздействия на аудиторию специфической информацией.

Актер, музыка, свет, аксессуары, определенным образом организованное сценическое пространство. Созонов использует каждый из этих праэлементов для создания конечного состояния, реакции зрителя, раскрывающей всю совокупность оказанных на него воздействий. Свет как виртуальный медиатор, а также голос (и вообще звуки во всем их многообразии, будь то тембр голоса актера, манера произнесения, музыка, которой отводится огромная роль в спектакле и прочие эффекты) у Созонова вызывают порождение смыслов.

Реакция зрителя возникает «как следствие ответов организма на внешние раздражители, провоцирующие определенные психоэмоциональные состояния и действующие по разным каналам – визуальному и слуховому» [11].

Не только инсолировать, но и инсталлировать – и освещать, и вмещать, – таков режиссерский принцип Созонова.

Разрушение рампы, разделяющей сцену и публику (характерное для авангардистского театра), вовсе не требует, чтобы актеры выходили в зрительный зал или зрители поднимались на сцену во время спектакля. Все в спектакле Созонова становится сценой (и драмой), но ничего ею больше не является.

Воздействие выстраивается по нескольким каналам восприятия (в противовес простому акту «идентификации – узнавания жизненного») [Там же].

Абсурд возводится Созоновым в высшую категорию, когда стилистически отточенные, являющиеся образчиком остроты ума афоризмы Уайльда начинают символизировать бессмыслицу и интеллектуальную несостоятельность аристократа, их произносящего. Реплики Меньшикова – актера, обладающего личной харизмой и привлекательностью, – превращаются в выразительный нонсенс и полностью обезличиваются. Нонсенс авангардистов всегда был замешен на некотором излишестве, «зашкаливании». В постановке Созонова зашкаливает все: звук (слишком громкий), изображение (слишком сияющее), страсти (слишком наигранные).

В. И. Максимов определял расчленение обыденного, его искажение как ключевую черту современного театра, чего и добивается комедия. «“Игра против текста”, как комическое осмысление трагического, создает эффект крайнего преувеличения чувств, из чего рождается принцип пароксизма в сфере восприятия драмы» [Там же].

Авангардизм Созонова нивелирует приоритет драматургии над режиссурой. Как режиссер Созонов больше не должен воплощать на сцене пьесу автора, «перекладывать текст на сценическую партитуру». Идея транспонирования – перевода с одного языка на другой – отбрасывается им как устаревшая и недейственная.

Все привычное деконструируется. «“Трагическое и комическое” в постановке Созонова получают новое наполнение» [Там же].

Например, сцена разговора Сибиллы Уэйн с матерью. Как только не насмехались над ней журналисты! Алла Шендерова, в частности, называла ее самой нелепой сценой в спектакле. Сибилла, юная актриса и возлюбленная Дориана (Дина Велес-Морозова) открывает свое сердце старой актрисе – своей матери (Светлана Головина), а та в ответ сетует на тяжелую актерскую долю. «Возьмите все штампы и завывания о любви из второсортных мюзиклов, добавьте какой-нибудь сери-

альный диалог на тему “дочки-матери” и представьте актрис, кокетливо хлопающих глазами после каждой реплики. Сцена готова» [18].

Также критиковала Шендерова созоновского художника Бэзила Холлуорда, который демонстрирует «чудеса видеоарта», а «дреды и прикид выдают в герое Ярослава Рося типичного хипстера». Включив огромный монитор в режиме online, он создает портрет Дориана Грея – «завораживающе красивую психоделику, пучок мерцающих радужных лучей» [18].

Другие определения Шендеровой не менее пренебрежительны: Дориан (как и играющий его актер) – «лохматый юноша в джинсах и косухе»; мастерская художника, сооруженная на сцене, – «хайтековская»; рекламные слоганы над тренажером, на который «выкрикивая что-то вроде репа» становится Дориан – «“Безграничная власть”, “Абсолютная красота” и логотип DG» неуместны. Казалось бы, в Дориане, которого придумал Созонов, нет ничего оригинального, но камера Бэзила «завороженно снимает его напряженные мускулы» [18].

Авангардный театр, развиваемый Созоновым, основывается на принципе катарсиса, который, вопреки Аристотелю, распространяется на область комического, создавая эффект преображения с помощью виртуальных технологий. Чувства, которые должен вызывать спектакль, выходят за рамки антиномии «смех – слезы». Даже не смех позволяет достигнуть катарсиса, а какое-то иное, трансформированное чувство, зачастую неверно воспринимаемое критиками как раздражение.

Лозунг авангардного театра, согласно которому для художника подлинно лишь то, что не заимствуется, а создается заново, коррелирует с проблемой создания «антимиметической» драматической реальности.

В. И. Максимов в лекции «Жизнь и театр Антонена Арто» подчеркивал, что для него театр – «иная реальность, противостоящая обыденной» [10].

Трагедия и комедия в постановке Созонова объединяются, постулируя «действительно, более высокую форму драмы» как современное «воплощение дидактической формулы “очищения страстей” Аристотеля», которая тяготеет к универсальности, «создает прецедент дионисийского прорыва к целостности» [11]. Только этот прорыв достигается через эксклюзивно индивидуальное осознание, не-миметическое превращение, виртуальный контакт театрального продукта-проекта и зрителя.

Драма, с которой работает авангардный театр, становится полигоном для экспериментальной работы Созонова. Через разрыв с миметической традицией, а также с самой видимой реальностью, Созонов создает особый мир – театральный и не театральный одновременно: он симулирует реальность, вовлекает зрителя в действие вместе с актерами на сцене, приглашая таким образом в пространство «фантазии, иногда жестко-прфанационной, иногда гротескно-комической, но несомненно несущей идею преображения духа» [Там же].

Катарсис в спектакле Созонова распространяется на область комического, создавая с помощью смеха эффект преображения. «Пародия, парафраз, комическая трансформация трагического сюжета входят на равных в жанровую систему драмы, реформируя одну из ее основополагающих характеристик – конфликт» [Там же].

Дориан Грей превращается у Созонова в «архетип авангарда, универсальный персонаж, профанирующий действие, заставляющий на месте разрушенной реальности увидеть мир патафизический» [Там же]. Так драма наполняется другим содержанием, она разворачивается в виртуальной плоскости. Аристотелевский театр с его катарсисом возрождается в мультимедийном пространстве.

Некоторые итоги

Итак, используя структуру «Первого манифеста» «Театра жестокости» Антонена Арто, попробуем подвести некоторые итоги размышлений о новаторстве Александра Созонова.

В числе «надежных средств», способных привести чувственную сферу к более высокому и тонкому восприятию, которые называет Арто и использует Созонов, приведем следующие:

1. *Техника.* Театр Созонова превращается в «функцию, – нечто столь же определенное и столь же четкое, как кровообращение в артериях, – или же в нечто на первый взгляд хаотичное, как развертывание сновидений в нашем сознании».

2. *Тема*. Созонов выбирает великое (во всех смыслах) произведение и находит в нем собственные «глубинные ключи к мысли и действию, пользуясь которыми можно прочесть весь спектакль».

3. *Спектакль*. Проект Созонова «содержит в себе некие физические и объективные элементы, доступные любому зрителю: крики, жалобы, внезапные появления, сияние света и его физическое воздействие, вызывающее ощущение тепла или холода, певучую красоту голоса, очарование гармонии, волнующие звуки музыки, цвета предметов, физический ритм знакомых движений».

4. *Постановка.* Созонов рассматривает постановку «не просто как преломление какого-то текста на сцене», но скорее как исходную точку «всего театрального творчества».

5. *Язык сцены.* Созонов придает произносимым актерами словам «почти ту же значимость, которой они наделены в сновидениях».

6. *Музыкальные инструменты.* Они отвечают необходимости «глубоко и непосредственно воздействовать на чувствительность зрителя через его органы чувств», вплоть до создания «невыносимых, пронзительных звуков и шумов».

7. *Свет.* Осветительные приборы оказывают «особое действие на дух человека, вовлеченного в игру»; Созонов умело использует психофизические «последствия световых вариаций».

8. *Сцена и зал.* Созонов заменяет зал и сцену единым виртуальным пространством, которое функционирует за счет кинематографических приемов.

9. *Декорации.* Они размещаются по ходу спектакля, трансформируясь по мере изменения его содержания.

10. *Актуальность.* Выбранная тема будет актуальна всегда.

11. *Произведение.* Оно является творческой инсталляцией авторских смыслов в текст, который, по существу, пишется по ходу его представления.

12. *Актер.* Он становится «элементом первостепенной важности», поскольку «от действенности его игры зависит успех всего спектакля».

13. *Кино.* «Визуальное воплощение» замыслов и идей режиссера, ориентированных на индивидуальное истолкование зрителем [1].

В итоге авангардный театр Созонова трансформирует основополагающие для классического театра принципы *мимесиса* и *катарсиса.* Через его постановку «Портрета Дориана Грея» проект авангардного театра состоялся именно как кинематографический. «Новый образ» у Созонова возникает не внутри кадра, а на монтажном стыке: он не зафиксирован на картине или на экране, а возникает в сознании зрителя.

Процесс осознания смысла спектакля Созонова подчинен логике сна. «Как и во сне, образы группируются вокруг некоего центра – личности автора» [10]. Творчество рассматривается Созоновым как способ высвобождения индивидуального бессознательного.

Наконец, трагедия современного человека – абсурдность его существования – с точки зрения Созонова, дает только одну возможность экстраполяции – в виртуальную вселенную, размывающую чисто человеческие характеристики.

Литература

1. Арто А. Театр и его двойник / пер. с франц.; сост. и вступ. ст. В. И. Максимова; коммент. В. И. Максимова и А. Зубкова. – СПб. : Симпозиум, 2000.

2. Барба Э., Саварезе Н. Анатомия актера. Словарь театральной антропологии // Театральная лаборатория Вадима Максимова [Электронный ресурс]. – Гл. 2 : Преэкспрессивность. – URL: http://teatr-labor.info/wp

3. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989.

4. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 1998.

5. Башляр Г. Избранное: Поэтика грезы. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

6. Берман Н. Какую вещь испортили // Газета.ru [Электронный ресурс]. – 2013. – 8 апреля. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_portret.htm

7. Губайдуллина Е. Жертва моды // ПТЖ [Электронный ресурс]. – 2013. – 10 апреля. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_portret.htm

8. Должанский Р. Возраст с человеческим лицом // Коммерсант [Электронный ресурс]. – 2013. – 12 апреля. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_ portret.htm

9. Заславский Г. Если бы молодость знала // НГ [Электронный ресурс]. – 2013. – 8 апреля. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_portret.htm

10. Максимов В. И. Введение в систему Антонена Арто // Театральная лаборатория Вадима Максимова [Электронный ресурс]. – URL: http://teatr-labor.info/wp

11. Новые концепции театра // Театральная лаборатория Вадима Максимова [Электронный ресурс]. – URL: http://teatr-labor.info/wp

12. Подорога В. А. Театр без маски (попытка философского комментария) // Человек. – 1990. – № 1.

13. Рутковский В. Художник может быть только свободным, но независимых режиссеров не существует // Театр М. Н. Ермоловой [Электронный ресурс]. – 2013. – 8 апреля. – URL: http://www.ermolova.ru/theatre/press/view/122

14. Севастеенко А. В. Отсутствующий опыт: К вопросу о действии кинематографической грезы // Эпистемы : сб. науч. ст. / науч. ред. Д. В. Котелевский. – Екатеринбург : Изд-во «Ажур», 2011. – Вып. 6 : Опыт.

15. Севастеенко А. В. Дискурс «ванильного неба» как опыт онейрической киноидентификации (на материале фильмов «Открой глаза» Алехандро Аменабара и «Ванильное небо» Кэмерона Кроу) // Вестник Челябинского госуниверситета. – Вып. 15. – Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2009. – № 42(180).

16. Севастеенко А. В. Дискурс кино как объект философского исследования // Дискурсология : методология, теория, практика : доклады II Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийяра. – Т. 3. – Серия : Дискурсология. – Вып. 7. – Екатеринбург ; Челябинск : Изд. дом «Дискурс Пи» : Изд-во ЮУрГУ, 2008.

17. Севастеенко А. В. Плюрализм как фактор формирования киноидеентичности: сериальная форма реальных и виртуальных идентификаций // Эпистемы – 4 : альманах / сост., общ. ред. д-ра филос. наук Д. В. Анкина. – Екатеринбург, 2005.

18. Шендерова А. Раздвоение Дориана // Огонек. – 2013. – 15 апреля [Электронный ресурс]. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_portret.htm

19. Шимадина М. Дориана Грея превратили в бренд // Известия. – 2013. – 8 апреля [Электронный ресурс]. – URL: http://www.smotr.ru/2012/2012_erm_ portret.htm

20. Элиаде М. Аспекты мифа. – М. : Инвест – ППП : СТ – ППП, 1996.

УДК 008

Курюмова Наталия Валерьевна
канд. культурологии, старший преподаватель
кафедры танцевальных дисциплин,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: currently63@yandex.ru

Kuryumova Nataliya Valer'yevna
Candidate of Culturology,
Senior Lecturer at Dance Teaching Chair,
Department of Contemporary Dance,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ КАК КУЛЬТУРНЫЙ МИКРОКОСМ: ТЕЛЕСНЫЕ МОДЕЛИ НА РУБЕЖЕ МОДЕРНИСТСКОЙ/ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУР

CONTEMPORARY DANCE AS CULTURAL MICROCOSM: CORPOREAL MODELS ON THE THRESHOLD OF MODERNIST AND POSTMODERN CULTURES

Аннотация
В статье предлагается методика рассмотрения явлений современного танца сквозь призму «телесных моделей», фиксирующих изменения отношения к телу и человеческой телесности в той или иной социокультурной ситуации. При помощи данной методики рассматривается один из кризисных, переходных периодов в культуре, результаты преодоления которого – культурно-смысловые и художественные – актуальны по сей день.
Ключевые слова: модели телесности; современный танец; не-искусство; повседневность; феноменология; интерсубъективность.

Abstract
The article offers methods of considering modern dance phenomena through the prism of «corporeal models» fixing the changed attitude towards the human body and corporeality in a particular socio-cultural situation. With the help of this technique one of the crisis transition periods in culture has been studied, the results of its overcoming – cultural and artistic meanings – are relevant to the present day.
Key words: models of corporeality; modern dance; non-art; everyday life; phenomenology; intersubjectivity.

Поворот к телу, отправной точкой которого можно считать высказывание Ницше «тело есть идея более поразительная, чем старая "душа"» [1. С. 306], стал одним из знамений культуры XX века. В новой, неклассической (модернистской, а затем – постмодернистской) культуре происходит «отказ от концепции трансцендентального субъекта, выдвинутого из мира, никак в нем не локализованного, наделенного абсолютной точкой зрения» [2. С. 145]. Тело понимается как сверхценность и источник значений; культуру пронизывает новое, в сравнении с предшествующей классической эпохой, холистическое понимание тела.

В неклассической философии осмысливается концепт телесности – свойства человеческого тела, интегрирующего все его уровни (физический, душевный (психический), духовный (сознательный)), представляющий его как «вид или тип его целостности». Тело понимается не как часть человека, а как весь человек. «Телесное» начало становится новой онтологической реальностью культуры: метафора «телесного», «органического», «тактильного», «чувственного» проникает во все ее сферы. С самого начала XX в. говорят о культуре как организме; о вчувствовании как методе познания; о телесности сознания и телесности языка; о современ-

© Курюмова Н. В., 2014

ном человеке как «человеке осязающем»; о «теле» культуры и «социальном теле»; о «политической экономии тела», «сексуализации мышления» и т. д.

Современный танец, пришедший в начале XX в. на смену танцу классическому, стал своего рода «письмом тела», «сканером», «миметическим удвоением» телесных метаморфоз, происходящих с человеческой телесностью в современной культуре. Подчас именно с помощью танца удавалось и удается передать те состояния, для которых еще не придуманы слова. Эту «способность» танца очень точно «схватил» Жан-Люк Нанси, который в своих размышлениях о теле и возможностях его описаний говорит: «Как… коснуться тела, именно коснуться, а не наделять его значением или что-то с его помощью обозначать? Появляется соблазн ответить сразу: это или невозможно, ибо тело противится записи, или речь идет о том, чтобы подражать телу прямо на поверхности письма, либо слить тело непосредственно с письмом (танцевать, кровоточить...)» [3. С. 30].

Современный танец становится не просто видом искусства, но своеобразным инструментом самоисследования, саморефлексии современной телесноориентированной культуры. Ее, по выражению М. С. Кагана, «портретом», «самосознанием». Коль скоро культура «представляет собой социальный макрокосм, охватывающий все полноту и целостность, глобальность и тотальность человеческой деятельности, то искусство – это микрокосм, в котором, как в капле воды, отражается культурный макрокосм» [4. С. 19].

Современный танец на протяжении своей истории (начиная с конца XIX в., первых опытов «свободного танца») стремится к установлению все более глубоких связей с культурой, самой жизнью, постигая их через исторические, социальные метаморфозы человеческого тела. В его разнообразных явлениях и видах продуцируется особый, не столько символично-образный (как, например, в классическом танце), сколько иероглифичный, тесно связанный пластическими проявлениями тела, язык. В основе последнего – «модели телесности», алгоритмы, наделяющие определенный набор «телесных проявлений» (движений, жестов, особенностей телесной пластики и кинетики, взаимодействия тела с пространством) определенными социокультурными значениями.

В данной статье мы рассмотрим, как в «микрокосме» современного танца и определенных «телесных моделей» оказался запечатлен один из переломных, кризисных периодов современной культуры, художественные результаты которого актуальны сегодня. А именно – период 1960-х гг., переходный от индустриального общества к обществу постиндустриальному; от модернистской культуры («излетом» которой стала контркультура) – к культуре постмодернистской.

Этот период отмечен особым вниманием к феномену повседневности. Обращение людей к сфере частной жизни и личных интересов, социальная апатия и конформизм, повышенное внимание к миру «тривиальных ценностей, стандартных чувств, общих мест и стертых смыслов» [5. С. 10] становится в 1960-х гг. культурным и социальным трендом, связанным с рядом факторов. Во-первых, разочарование в пафосных «метанарративах», осознание их несостоятельности перед лицом исторических потрясений современности (в первую очередь, II Мировой войны); возникновение «общества потребления», новой, консумеристской культуры. Повседневность как феномен активно начинает осмысливаться в социологии. Ученые исследуют «эмпирическую реальность», «мир повседневной жизни», «интерсубъективный повседневный мир», «высшую реальность», развивая феноменологическое учение Гуссерля о «жизненном мире» как мире практической деятельности и непосредственно переживаемого опыта.

Актуальные художественные практики этих лет реагируют на новую общественную тенденцию. По мнению исследователей, одним из самых важных событий искусства 1950–1960-х гг. становится открытие новых объектов художественной

рефлексии «в тех запретных, вытесненных или неизменно отталкивающих сферах сознания, языка, культуры, которые прежде казались монолитными, безжизненными и уморазрушительными» [6], где, в то же время, «протекают наиболее важные жизненные процессы» [7] – т. е. повседневности. Вступая в диалог с массовым обществом, подчиняясь общему стремлению к демократичности и плюрализму, зарождающееся постмодернистское искусство создает все новые формы объединения эмпирической реальности – и реальности художественной, новые стратегии в отношениях «художник – публика». Во взаимоотношениях со зрителями отрабатываются приемы «прямой коммуникации», «соучастия зрителей», «растворения художественного объекта в контексте» и формы (акция, хеппенинг, перформанс, средовое искусство, энвайронмент и т. д.) для возможности все более непосредственного сближения повседневности и искусства. В начале 1950-х гг. в Великобритании возникает поп-арт, сосредоточенный на китчевых образах рекламы и потребительской культуры; в 1960 г. во Франции возникает движение «нового реализма», эстетизирующее «отработанный помоечный материал жизни мегаполиса» [8. С. 103]; в США, в работах Р. Раушенберга, актуализируется техника ассамбляжа, коллажирующего разнородные материалы и «случайные фрагменты жизни»; Клаас Ольденберг создает муляжи обычных вещей и продуктов из гипса; Алан Капроу организует хеппенинги, соединяющие жизненную спонтанность, объекты и явления с театрализацией и художественной метафорой; художники ленд-арта стремятся к внесению эстетических коррективов в природную среду. В своих работах, тиражирующих изображения банок супа, кока-колы, денег, Джоконды и поп-звезд, Энди Уорхол констатирует «глобальное проникновение усредняющих признаков современной цивилизации в жизнь каждого человека» [Там же. С. 115].

Исследователи отмечают «особое чувство жизни» начала 1960-х гг. как «современность для всех»: оно обещает «реализацию социального равенства на широких демократических основах культуры, но с неизбежной потерей прежней элитарной эстетической сферы» [Там же. С. 111]. В искусстве 1960-х гг. «равенство» реализуется как освобождение искусства от существующих канонов, эстетических и композиционных правил, сложных языковых структур.

Подводя итоги поисков внехудожественного, опытов искусства как не-искусства, Алан Капроу в статье «Образование не-художников» (1971) напишет: «Суть искусства стала в какой-то момент настолько сложной, что стало очевидным, что луноход превосходит любые устремления современной архитектуры, а трансляция переговоров между космическим центром в Хьюстоне и Apollo-11 намного интереснее, чем любая современная поэзия… помехи, гудки и сбои связи превосходят исполнение электронной музыки в концертных залах» [9. С. 5–6]. В статье есть и замечания по поводу танца: «Сомнамбулические движения покупателей в супермаркете гораздо выразительнее, чем любые инновации современного танца» [Там же].

Обращение к повседневности как источнику новых возможностей отказавшегося от прежних принципов художественной репрезентативности искусства происходит в американском танце постмодерн 1960-х – начала 1970-х гг. В творческих практиках радикально настроенных танцовщиков и хореографов, объединившихся на площадке бывшей церкви Джадсона [1] в Нью-Йорке на основе исследований простейших физических действий, взаимоотношений тел с пространством и другими телами, обращения к принципиально внехудожественным,

[1] Здание бывшей баптистской церкви, расположенное в нижней части Манхэттена, районе Гринич Вилледж (по замечанию Елизаветы Суриц, этот район с 1910-х гг. являлся центром художественной богемы и теперь стал одним из центров современного искусства).

несимволическим, ординарным движениям и жестам, вырабатывается новый язык танца.

Принципиальной и объединяющей установкой для разнообразных экспериментов танцовщиков Джадсон-церкви стало отрицание художественного опыта их предшественников, хореографов танца модерн. «Новое поколение» танцовщиков не устраивал излишний мелодраматизм, психологизированность, нарративность, а также устаревшие формы и композиционные методы танцевального модернизма. Они полагали, что само по себе формальное качество движения «может быть достаточно веской причиной для хореографии» [10]. Декларируя принципиальное несогласие с художественными установками танца модерн, они определяли свои творческие практики как «постмодерн-танец».

Это не означает их принадлежности к постмодернистской культурной парадигме, которая оформится как таковая позже, в 1970-х гг.[2] Но их эксперименты, действительно, находились в русле становления, вызревания грядущей постмодернистской культуры. Арт-практики сообщества Джадсон-церкви, тесно взаимодействующего с представителями других «цехов» художественного андеграунда 1960-х (композиторами, художниками), являлись тем «плавильным тиглем», где постепенно вызревали и оформлялись ее специфические контуры, смысловые акценты, художественные приемы, знаковые структуры.

Отказ от искусственности, репрезентативности танца был сформулирован Ивон Райнер, одной из ключевых фигур американского танца постмодерн в 1965 г., в опубликованном ею в одной из нью-йоркских газет «манифесте» художественных стратегий Джадсон-сообщества. «Нет зрелищу нет виртуозности нет сценическим превращениям и волшебству и попыткам заставить нас поверить в актера в действие нет сопереживанию зрителя нет стилю нет групповщине нет соблазнению зрителя уловками исполнителя нет эксцентрике нет стремлению растрогать нет желанию быть растроганным» (Цит. по: [11. С. 193]), – призывает хореограф, выражая общую художественную тенденцию времени к безыскусности и демонстрируя ее отсутствием пунктуации уже в самом тексте.

Отказ от субъективности, репрезентации, иллюзионизма и нарративности в арт-практиках хореографов Джадсон-сообщества приводит к необходимости деконструкции прежних композиционных приемов, омертвелых, ставших «общим местом» лексических и синтаксических структур танца. Основными композиционными приемами становятся импровизация, размывающая четкие границы жесткой иерархии произведения, метод случайности и минимализм, где строительным материалом танца становится элементарная движенческая единица. Методом выработки нового танцевального языка, не связанного с устаревшим «содержанием» и «идеологическими» коннотациями, становится телесная феноменология, понимаемая как исследование простейших физических действий и реакций. Главной темой танца, регистрирующего состояния человека, погруженного в «здесь-и-сейчас» эмпирической реальности, становится повседневность.

Из большого количества авторов, экспериментировавших в рамках сообщества в 1960-х гг., среди ключевых фигур, оказавших влияние на дальнейшее развитие современного танца, называют уже упомянутую Ивонн Райнер, а также хореографов Тришу Браун и Стива Пакстона. В своих художественных опытах они представили такие модели телесности, которые сохраняют актуальность и сегодня. Нам представляется возможным определять их как «повседневное тело», «феноменологическое тело», «тело-без-органов».

[2] «Официальное» начало постмодернистской эпохи историк архитектуры Ч. Дженкс датировал 1972-м г., когда в Сент-Луисе (США) было взорвано несколько жилых домов, представляющих собой образец модернистского градостроительства.

Все эти модели достаточно тесно связаны между собой; они представляют разные аспекты человеческого тела, понимаемого не как «промежуточная инстанция» [12], подчиненная «психологическому, интеллектуальному или моральному смыслу», играющему «всего лишь роль посредника в театральном ритуале» [Там же], но как «справочный материал»: «оно [тело] отсылает не кому-либо иному, а к себе самому и не является выражением идеи или психологии» [Там же]. Тело, исследуемое этими авторами, не нуждается в литературно-психологических оправданиях, оно интересно как «проводник бытия в мир», по выражению М. Мерло-Понти.

Возникновение модели «повседневного тела» исследователи связывают с именем Ивонн Райнер. По мнению Erin Brannigan, автора статьи, посвященной хореографу, «Райнер явилась одним из первых практиков танца, который совершил полноценный поворот к “повседневному телу” (“everyday body”) как альтернативе “представляющего тела” (performing body), которое демонстрирует навыки и виртуозность. Инновации Райнер включают сочетания движений, которые полностью уходят от функциональности и драматургической целенаправленности, приобретая тон повседневной безучастности… превращая танцовщика в “нейтрального деятеля” (“neutral doer”)» [13]. Остальные модели названы нами условно, исходя из определенного свойства работ Триши Браун и Стива Пакстона. Оба они подвергают движущееся в пространстве тело своего рода феноменологическому исследованию: так, Браун определяет танец как «ощущения, испытываемые телом» [10. С. 79], а Пакстон – как последовательность «физических образов движения», которые должны постоянно осознаваться танцовщиком.

Наиболее полной реализацией идей Райнер становится ее «Трио А»[3], представляющее собой симультанно исполняемые соло трех танцовщиков, – пьеса, после которой, по словам исследователя, «границы танца были взорваны» [10. С. 44]. Здесь автор разрабатывает модель «повседневного тела» в соответствии с методами «случайности» и минимализма. Используемые в качестве материала обыденные, нетанцевальные движения: ходьба, опускание на пол и продолжительное лежание ничком, повороты тела, сидение «по-турецки» в кувырке, «невыразительные», нарочито «стертые» эмоционально движения ног и жесты рук; случайные «встречи» и поддержки тел (узнаваемые действия, позы, позиции, которые теперь «стали возможны и стали частью словаря» [Там же. С. 43]), – компонуются вне какой-либо ожидаемой логики последовательности движений, являясь строительным материалом для постепенных, минимальных трансформаций.

Особенностью композиции становится отсутствие четко артикулированной драматургии, обязательного деления движения на фразы, выделения основных, акцентируемых движений – и проходных, вспомогательных. Ввиду чего в длящемся от 4,5 до 9 мин. (в зависимости от контекста, ситуации) «произведении» отсутствует экспозиция, развитие и направленность к кульминации, коде. Традиционной иерархической структуре художественного произведения противопоставлен гомогеннообразный, нейтральный материал, лишенный пауз и цезур, возникающий из постоянной телесной активности танцовщиков. Тем самым танец, который «колеблется между свободой процесса своего появления – и исчезновения» [Там же. С. 48] с ее событийной хаотичностью, неструктурированностью и повторяемостью, своей темпоральностью («в повседневной жизни как будто ничего не происходит, ничего не начинается и ничего не кончается, а все только про-

[3] Теоретическую базу своей работы Райнер изложила в эссе «Квазиобзор некоторых минималистских тенденций в количественно минимальной танцевальной активности среди изобилия, или анализ Трио А», которое приводится в кн. Sally Banes. Саму работу можно найти (в записи 1978 г.) на www.youtube.com

должается» [5. С. 11]) становится метафорой «текучей», по выражению З. Баумана, повседневности.

Отсутствие «литературных», содержательных «событий» компенсируется в этой работе осознанием движения как события. Это и имеет в виду Салли Бейнз, когда говорит о «взорванных» границах танца: «Когда артист и перформер исчезают на заднем плане… танец, кажется, достигает ясности, при которой зритель свободен для наблюдения за необычными аспектами обыденных и танцевальных движений. Теперь напряжение вытянутой ноги вызывает наше внимание; теперь значимо физическое оснащение вращения тела само по себе и изменения веса, в результате сальто через голову… Артикуляция каждого отдельного жеста, скручивания, вращения, изгибания или шага складываются в запутанную цепочку разных, одновременных и разнообразных событий» [10. С. 49].

Движение, поданное исключительно как телесно-кинетическое событие, лишено психологической нагрузки, художественной образности, обобщенного символизма. Поэтому такие традиционные художественные способы коммуникации со зрителем, как эвокативность, эмоциональная и психологическая заразительность, здесь не работают. Зато активно «включается» более элементарный, непосредственный, резонансно-телесный способ восприятия, который известный американский критик и историк современного танца, Джон Мартин, называет метакинезисом.

По мнению Мартина, «благодаря присущей телесному движению заразительности, которая заставляет внешнего наблюдателя (зрителя) чувствовать подобное в собственной мускулатуре, танцовщик способен передавать через движение самый неуловимый эмоциональный опыт» [14. P. XIX]. Метакинезис, воздействуя, практически, на «мышечное чувство» воспринимающего, вовлекает зрителя в некий интерактивный диалог с происходящим, осуществляя контакт на более непосредственном, нежели предполагает традиционная эстетика, тактильном уровне; в дальнейшем развитии современного танца он становится одним из важных приемов взаимодействия со зрителем.

Свою модель – «феноменологическое тело» предлагает хореограф Триша Браун. Основу для понимания этой модели дают штудии М. Мерло-Понти, который в своих работах «Феноменология восприятия» (1945), «Око и дух» (1960) определяет тело как «вырастающее из мира тело» [15. С. 111], как то, «что сообщает миру бытие» [Там же. С. 118]. Обладать телом у философа означает для живущего «сращиваться с определенной средой» [Там же]. В основе телесной концепции Мерло-Понти лежит тема самоориентации тела в окружающем пространстве, которое задает телу интенции к движению: «Достаточно мне увидеть какую-то вещь, и я уже в принципе знаю, какие должен совершить движения, чтобы ее достичь, даже если мне не известно, как это все происходит в нервных механизмах. Мое тело, способное к передвижению, ведет учет зримого мира, причастно ему, именно поэтому я могу управлять им в среде видимого. С другой стороны… видение, зрение зависимо от движения… Видимый мир и мир моторных проектов представляют собой целостные части одного и того же Бытия» [16. С. 220]. Зрение здесь не является операцией мышления, но побуждающей к движению, интенциональной операцией: оно как бы приближает мир – к видящему и одновременно выводит видящего в мир. Движение видящего, следующее за взглядом, представляет естественное продолжение видения.

В корреляции видения-движения тела возникает то, что Мерло-Понти называет органическим мышлением, телесным сознанием: «Это своего рода самосознание, однако не в силу прозрачности для себя-мышления, которое может мыслить во что бы то ни стало, только ассимилируя, конституируя, преобразуя в видимое. Это самосознание посредством… присущности того, кто видит, тому, что он ви-

дит, того, кто осязает, тому, что он осязает… оказывается…погруженным в вещи, обладающим лицевой и оборотной стороной, прошлым и будущим» [16. С. 221]. Другие объекты и тела, весь мир – постигаются в результате движения-видения.

В своих работах Триша Браун производит различные «опыты» с человеческим телом, чьи интенции возникают в связи с его погружением в парадоксальную пространственную ситуацию. Ее танцовщики не просто работают в неожиданных, несценических средовых контекстах: на крыше высотного здания; на поверхности пруда, по которой танцовщики передвигаются, лежа на небольших плотах; их тела поставлены в неожиданные гравитационные условия. Так, в 1968 г. она создала несколько пьес под названием «Пьесы экипировки», где использовались приспособления из альпинистского оборудования: веревки, шкивы, передачи, кабели. С их помощью тело танцовщика должно было делать простые физические движения в измененных, с точки зрения действия естественных сил тяжести, условиях и направлениях. В результате происходил сдвиг перспективы, приходило понимание ее двойственности и множественности, осознание возможностей разных «оптик» восприятия и относительности показателей чувственного восприятия.

В одной из самых известных экспериментальных работ хореографа, «Гуляющий по стене» (1971), наблюдающим с земли за танцовщиком, движущимся при помощи страховки по вертикальной стене многоэтажного здания, кажется, что перформер совершает «сверхъестественный подвиг в духе Бэтмена» [10. С. 81]. В то же самое время, у находящегося на стене здания перформера, наблюдающего с отвесной стены людей, идущих вперед-назад по улице внизу, также происходит сдвиг перспективы: его точка зрения представляет этих людей идущими по вертикальной поверхности.

Интересны парадоксы взаимоотношений тела и одежды в работе «Лес» (1969). Два танцовщика облачаются в одежду, привязанную к веревочной сетке, подвешенной параллельно полу на уровне глаз зрителей. Находящиеся в «подвешенном состоянии» перформеры иногда «отдыхают», повиснув в этой одежде, как в гамаке. В экстремально трудных, близких к подвигу условиях (для артистов) механическая каждодневная процедура одевания/раздевания подвергается переосмыслению, превращаясь в событие. Связи тела с одеждой раздваиваются: колготки, к примеру, превращаются в странный туннель, куда погружается нога. Одежда диктует позы человеку, одновременно поворачивая, толкая руки ноги в экстраординарные позиции. Тело выглядит неуклюжим, заключенным в тюрьму его собственной одеждой, становится жертвой, казалось бы, безопасных объектов, которые он обычно контролирует и которыми манипулирует не задумываясь.

В «Leaning Duets» («Наклоненные дуэты», 1969), исполняемых на земле и без всякого оборудования, пять пар вытянутых наклоненных рук свободно «гуляют», падают и помогают друг другу подняться при полном контакте ног. Цель – поддержание баланса, притом что оба партнера выведены из равновесия – была усложнена тем, что угол между ними увеличивался посредством веревок, продернутых через две части трубы. В этих дуэтах танцовщики развивали специфический язык, который Браун называла «озвученным анализом их гравитационного состояния и естественных реакций» [10. С. 83]. Тело, поставленное в сложные условия, производит не только функциональные действия, но и жесты, которые сложно было бы «изобрести» вне этих условий.

В 1970-х гг. Браун, на основе возникшего в ее экспериментах нового движенческого языка, создает свой метод «структурной импровизации». В «Locus» («Местоположение», 1975) танцовщики двигаются в условной системе координат: каждый находился как бы внутри воображаемого куба, на гранях и углах которого «зафиксированы» 27 точек, обозначенных одной из 27 букв латинского алфавита. Для каждого танцовщика Браун создала 4-частную партитуру, переведя написан-

ную автобиографическую справку каждого в числа, а затем – в точки куба. Движения разных частей тела танцовщиков от точки к точке должны были пространственно «воплощать» историю каждого; центр куба был пространством между «словами» в тексте, образованными интенциями тела.

Благодаря тому что хореограф не сочиняет партитуру движения, но задает алгоритмы для организации движения тела в пространстве, исполнитель получает некоторую свободу в выборе последовательности и также – пространственных ракурсов движений. С одной стороны, он становится соавтором произведения, а с другой – авторство в принципе растворяется в необходимости совершения тех или иных движенческих процедур по определенной схеме.

Отметим еще одну важную деталь: к чистой феноменологии движущегося тела, работающего как коррелят, посредник между внутренним «я-чувством» танцовщика и пространством хореограф формально, на уровне структурирования движения, добавляет личный, биографический сюжет каждого из участников. Эта деталь – еще одно указание на связи постмодерн-танца, закладываемых им основ, со структурами повседневности. Так, интерес к «биографически детерминированной ситуации» является важным аспектом социальной феноменологии, возникновение которой связано с именем Альфреда Шюца. В его концепции социального мира человек, который изначально получает представление о повседневности как типизированной, в форме объективированного «наличного знания», постепенно определяет собственную позицию по отношению к миру, оценивает свои будущие возможности (практические, теоретические) в постановке «наличных целей». Интерпретация мира, определение своей позиции в нем и элементов, релевантных собственным целям, происходит в связи с личной, биографически детерминированной ситуацией. Наличие последней означает, что ежемоментное существование, «определение ситуации» человеком в социуме уникально, связано с его личной историей и всем предшествующим опытом. Создавая свои композиции как некий алгоритм, программирующий пространственное поведение тела, включая в это «программирование» биографический момент, американские авторы танца постмодерн представляют повседневное существование человека как предопределенное, с одной стороны, воздействием внешних факторов (среды, социальных законов – в танце американского андеграунда их метафорой являются физические законы, гравитационные условия, в которых «работает тело»), а с другой – его личной историей.

Стив Пакстон, который в поиске все более гибких возможностей и структурных стимулов для свободно разворачивающегося во времени-пространстве телесного движения, создает в 1972 г. метод «контактной импровизации», предлагает собственный вариант повседневного, феноменологического тела. Тéла, свободного от ограничений и строгой функциональности привычных телесных схем, выработанных культурой и отраженных в той или иной танцевальной системе правил движения (так, одно из главных правил «контакта» – он возникает при соприкосновении любых точек двух тел, и нежелательно осуществлять его простейшим способом – руками). Тела, полностью раскрывающего свои потенции (понимаемые как «зашифрованная» в теле информация) в свободно протекающем темпоральном[4] времени. Модель С. Пакстона имеет, на наш взгляд, определенное сходство с формируемой примерно в это же самое время в философии постструктурализма, а именно – в работах Жиля Делёза, моделью «тела-без-органов».

[4] Темпоральность – термин, активно используемый в неклассической философии, психологии, в т. ч. феноменологии и социальной феноменологии. Бергер и Лукман определяют его как свойство сознания, ощущение индивидом внутреннего течения времени, которое основано на психологических ритмах организма, хотя и не тождественных ему.

Это понятие Делёз позаимствовал у Антонена Арто. В записанной революционером театра, незадолго до смерти (в 1947 г.), радиопостановке «Pour en finir avec le Jugement de Dieu» («Покончить с Божьим судом») он произнес следующие слова: «Тело есть тело, оно одно, ему нет нужды в органах, тело не организм, организмы – враги тела» (Цит. по: [17. С. 47]). В контексте радикальной театральной концепции самого Арто одним из базовых понятий которой является «аффектированный» (чувственный) атлетизм, «тело-без-органов» может быть понято как страстное, инстинктивное сверх-тело актера, наделенное некой «аффективной мускулатурой», объединяющей мускульные и душевные силы: «…страсть материальна… она подчиняется пластичным колебаниям материи… у души есть телесное начало» [18. С. 143].

Жиль Делёз разрабатывает эту модель, в том числе, в своей работе «Логика смысла» (1969), где «тело-без-органов» выглядит как аффектированное «шизотело», «превозмогающее свои границы» в некоем захватывающем, как поток, интенсивном психосоматическом действии. Этому телу не нужны органы, систематизированные и специализирующиеся в определенных способностях восприятия и функциях (глаза – для зрения, язык – для осязания, руки – для касания и т. д.). «Тело без органов – интенсивная, неоформленная, нестратифицированная материя» (Цит. по: [17. С. 71]), представляющее полную глубину субъекта; причем, в духе леворадикальной, антибуржуазной риторики Делёза, этому телу, открытому для свободного протекания сквозь человеческое тело чистых сил становления, противостоит «организм» – воплощенный порядок, «не жизнь, а темница жизни» (Цит. по: [Там же. С. 87]).

Модель «тела-без-органов», которая возникает в технике контактной импровизации Пакстона, не столь аффектирована. Телам, участвующим в демократичной дуэтной форме, впитавшей кинетические элементы и принципы движения самых разных техник (боевых искусств, социальных танцев, спорта и детских игр) и основанной на постоянной отдаче-принятии веса партнерами в их бесконечном взаимодействии, близка не столько метафора борьбы с порабощающим организмом (социумом), сколько метафора непротиворечивого партнерства, равноправной коммуникации как основы социальности.

Первая пьеса, сделанная с использованием метода контактной импровизации с характерным названием «Magnesium», была показана в Нью-Йорке, после чего контактное движение получило распространение в США, Канаде, Англии, европейских странах.

Используемый материал – это движения, которые возникают в разных дуэтных ситуациях, в диапазоне от рукопожатия – до соития, от ссоры – до примирения. Это подъемы и падения, органично вовлекающие тела в постоянно продолжающийся процесс нахождения и потери баланса. Пакстон объясняет, что цель каждого участника – найти «простейший путь для взаимодействия масс их тел» [10. С. 65]. Прикосновение и баланс суть два ключевых чувства для работы внутри контакт-системы. Танцовщики постоянно находятся в контакте друг с другом через касание; точка контакта подвижна, тела движутся относительно друг друга, соприкасаясь разными частями тела, но сам контакт тел никогда не должен прерываться. Искусство контакта состоит в продолжительности совместного движения, разнообразии траектории соприкосновения и форм движения, чувстве партнера, которые создают иллюзию постоянного перетекания и метаморфоз двух тел.

Пакстон нашел свой алгоритм (взаимодействие, наличие точки контакта, избегание фиксированных поз и жестов, «редукция» воображения), благодаря которому процесс реализации телом заложенной в нем информации является не результатом сложного творческого процесса, доступного лишь избранным авторам, а рутинной телесной практикой, доступной каждому. Он позволяет избегать «вся-

ких двусмысленных обращений к воображению» [19], руководствуясь исключительно физическими ощущениями, осознаваемыми в момент их возникновения. Поэтому, рассуждая о методе, Пакстон говорит об образах не художественных, а исключительно телесных и кинетических: «Ощущения – это то, что мы чувствуем в данный момент. Они становятся образами, когда мы замечаем, что наблюдаем их… Необходимо указать на связь образа и действия» [Там же].

Контактная импровизация также ориентирована на «телесное сознание» и «самоориентацию в пространстве», о которых говорит Мерло-Понти. Описывая свой метод, Пакстон говорит о «периферийном восприятии пространства, времени и веса», о пространстве, которое становится «сферическим» (т. е. представляет собой некий локус для исполненного интенциями тела), времени, которое становится «реальным», весе, который «меняется все время вместе с направлением гравитации», об «осознавании тела» как о «способности сознания слиться с телом в настоящем моменте и оставаться в нем, оставаться в теле, когда условия изменились», о «пробуждении дремлющих физических возможностей, чувств, которые мы приучены не замечать», о необходимости ежемоментно принимать решения «как вести себя с непредсказуемым» [Там же].

Тело у Пакстона, вернувшееся к «диффузному целому… неструктурированному, лишенному двигательных штампов и зажимов» представляет собой «сложное переплетение социальной, физиологической, пространственной, гормональной, интимной и биографической информации» [Там же]. Оно синтезирует и реализует всю заложенную в нем информацию через движение, в ответ на импульсы, поступающие из собственных тактильных и гравитационных ощущений – и взаимодействий с телом партнера. В контактной импровизации, где единственным правилом является постоянное удержание контакта, возникают самые разнообразные соотнесения двух тел, теряющих жесткие структурные схемы. Их тела становятся диффузными «телами-без-органов», открытыми к постоянному максимально гибкому, пластичному взаимодействию.

Нетрудно заметить, что принцип контактной импровизации близок структуре интерсубъективного взаимодействия, которое является основой конструирования повседневности. «Социальный мир – это не просто чей-то частный мир, он является интерсубъективным миром культуры. Мир интерсубъективен, так как мы живем среди других людей: нас связывает общность забот, труда, взаимопонимание», – пишет основоположник феноменологической (или «понимающей») социологии Альфред Шюц еще в 1950-х гг. [20]. Так же как во взаимодействии «лицом-к-лицу», когда «другой предстает передо мной в живом настоящем, которое мы оба переживаем» [21. С. 52] здесь происходит постоянный обмен взаимозаменяемыми индивидуальными перспективами (в данном случае пространственными, гравитационными, тактильными, связанными с постоянной переменой местоположения тел). Возникающие из этого обмена алгоритмичные, повторяемые, предзаданные самой структурой контакта «телесные» смысло-образы интерпретируются и обновляются, обогащаясь той субъективной информацией, которая присутствует в каждом из взаимодействующих «тел без органов».

Подводя итоги, отметим, что в практиках американского танца постмодерн, нацеленного на стратегии «не-исскусства», происходит открытие такой новой сферы, как повседневность. Обращение к ней связано

- с использованием незнаковых, ординарных, случайных или связанных с приспособлением тела к пространству движений;

- с использованием для танца несценических средовых контекстов и обычной, повседневной одежды;

- с отказом от событийной драматургии и четко структурированных, завершенных художественных форматов, представляющих результат авторской работы –

в пользу процессуальных и импровизационных структур (в духе work-in-progress), организованных на основе определенного алгоритма.

Представляя тело не как инструмент, а как смысловой терминал, постмодерн-танцовщики вырабатывают особые телесные модели («повседневное тело», «феноменологическое тело», контактирующие «тела без органов»), исходя из предпринимаемых в их арт-практиках феноменологических исследований ординарного, «повседневного» тела и возможностей его взаимодействия с пространством, коммуникаций с другими телами.

Содержательный переворот, совершенный американским постмодерн-танцем, заключается в том, что, осуществляя методологию феноменологической редукции – «вычленяя» элементарные движения и способы координации (шаг, бег, жесты рук, повороты головы, корпуса; прикосновение; удержание баланса и т. п.) из общего потока обычных действий тела, воспринимая их «с белого листа», позволяя танцующему телу «пережить-осознать» их на острие перцептивной чувствительности/осознания, – они представляют «общие места» как значимые события. В свете этого переворота все, что считалось ранее «событием» – выраженные сложной танцевальной лексикой, экзальтированными жестами и мимикой в предшествующих модернистских танц-пьесах психологические коллизии и особые душевные, напротив, предстают как «общие места», риторические «топосы», как банальность и китч.

Отказ танца от традиционных эстетических канонов и творческих приемов, тенденция ко все большей телесной свободе и исследование возможностей тела формируют новые, созвучные своему времени модели телесности – модели повседневного, феноменологического тела и тела-без-органов. В них оказывается закреплено максимальное сближение танца с эмпирической реальностью, полная свобода выбора материала и нацеленность на актуальное, в режиме on-line, «здесь и сейчас» присутствие тела: «Современный танцор выходит на сцену не для того, чтобы, исчезнув из настоящего, повествовать нам о своем прошлом – он создает и переживает новую историю, складывающуюся из диалога со зрителем в настоящем времени и в данном пространстве» [22]. Новые принципы работы с телом формируют и новый тип восприятия танцевальных структур – в их основе лежит принцип метакинезиса.

В момент кризиса самого принципа художественной репрезентации выработка новых принципов взаимоотношений с эмпирической реальностью и новых способов коммуникации со зрителем дают постмодерн-танцу, открывающему новые телесные модели, лишенные театральной аффектации, эмоционального прикрытия, литературной референции и манипулирования временем, возможность полного обновления. Вместе со всей культурой танец, который представляет собой одну из ее художественных моделей, совершает то, что исследователь определяет как «интеллектуально-пластический переход… культуры через ноль» [23. С. 578], открывая дальнейшие горизонты работы с телом, а через него – осмысление современной картины мира.

Литература

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей // Избранные сочинения : в 3 т. / пер. с нем.; предисловие Г. Рачинский. – М. : REFL-book, 1994.

2. Круткин В. Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4.

3. Нанси Ж. -Л. Corpus : монография / сост., общ. ред., вступ. ст. Е. Петровской ; пер. Е. Петровской, Е. Гальцовой. – М. : AD MARGINEM, 1999.

4. Каган М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. М. С. Каган; предисл. Э. С. Маркарян. – Ленинград : Наука, 1987.

5. Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни : монография. – М. : Новое литературное обозрение, 2002.

6. Кропотов С. Л. Модернизм – Авангард – Соцреализм – Постмодернизм // Авангардные направления в советском изобразительном искусстве: история и современность. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1993.

7. Ильин И. П. Повседневность. Постмодернизм : словарь терминов. – М. : Интрада, 2001.

8. Андреева Е. Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX – начала XXI века. – СПб. : Азбука-классика, 2007.

9. Капроу А. Искусство, которое не может быть искусством // Художественный журнал. – М., 1997.

10. Banes S. Terpsichore in Sneakers: Post-Modern dance. – Boston : Houghton Mifflin Company Boston, 1978.

11. Суриц Е. Я. Балет и танец в Америке: очерки истории : монография. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2004.

12. Пави П. Тело // Словарь театра / пер. с фр. под ред. Г. Беляевой. – М. : Прогресс, 1991.

13. Brannigan E. Yvonne Rainer // Senses of Cinema : online journal. – 2003. – 17 Iuly. – Issue № 27. – URL: http://www.sensesofcinema.com/2003/great-directors/rainer/

14. Olbright A. C. Choreographing difference: the body and Identy in Contemporary Dance. – Connecticut, Middletown: Wesleyan University Press, 1997.

15. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – СПб. : Ювента : Наука, 1999.

16. Мерло-Понти М. Око и дух / пер. с фр. А. Густыря // Французская философия и эстетика XX века / предисл. П. Морель ; коммент. А. В. Густырь, И. С. Вдовина. – М. : Искусство, 1995.

17. Подорога В. А., Иванов А. Т. Феноменология тела: введение в философскую антропологию : материалы лекционных курсов 1992–1994 годов. – М. : Ad Marginem, 1995.

18. Арто А. Театр и его двойник. Театр Серафима / пер. с фр., коммент. С. А. Исаева. – М. : Мартис, 1993.

19. Пакстон С. Заметки по внутренней технике // Притяжение : альманах / под ред. А. Гиршона ; пер. с англ. А. Андреянов. – СПб., 1999. – Вып. 1.

20. Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. с англ. Е. Руткевича // Социологические исследования. – 1988. – № 2.

21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевича. – М. : Медиум, 1995.

22. Барковская Е. Современное пространство? // Притяжение : альманах / под ред. А. Гиршона. – СПб., 2001. – Вып. 3.

23. Лексикон нонклассики: Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – Серия : Summa culturologiae.

УДК 7.069

Батюта Екатерина Анатольевна
канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: yekaterina-anat@mail.ru

Batyuta Yekaterina Anatol'yevna
Candidate of Philosophy, Associate Professor at Hospitality Management and Tourism Chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Каменский Сергей Юрьевич
канд. культурологии, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: skam81@yandex.ru

Kamenskiy Sergey Yur'yevich
Candidate of Culturology, Associate Professor at Hospitality Management and Tourism Chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

Рамзина Снежана Александровна
канд. социол. наук, завкафедрой социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии, НОУВПО Гуманитарный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: media-plan@mail.ru

Ramzina Snezhana Aleksandrovna
Candidate of Sociology, Head of Hospitality Management and Tourism Chair, Department of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Ekaterinburg)

«МУЗЕЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСЕТИТЕЛЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С НОВЫМ МУЗЕЕМ

MUSEUM ANTHROPOLOGY: VISITOR'S IDENTITY CONSTRUCTING THROUGH NEW MUSEUM RELATIONSHIPS

Аннотация:
Авторы статьи анализируют феномен меняющегося музея в современном мире с точки зрения философской антропологии, социологии и культурологи и стараются показать прикладные следствия этих изменений для осуществления проектов в сфере социально-культурного сервиса и туризма.
Ключевые слова: музейная антропология; меняющийся музей; сервисное взаимодействие; новые целевые аудитории; туристские артефакты; проект «Искусство путешествий».

Abstract
The authors analyze the present-day changing museum from the point of view of philosophical anthropology, sociology and culturology. They also strive to find applied aspects of modern museum changes and their use for social, cultural and tourist projects implementation.
Key words: museum anthropology; changing museum; service relationships; new target audiences; tourist artifacts; «The Art of Travel» project.

Формирование идентичности человека всегда было связано не только с самопрезентацией человека, но и с консолидацией его с какой-нибудь группой и в ситуации презентации других людей и предметов. Чтобы определить, кто ты, нужно было сравнить себя с неким показанным объектом и отнести себя к некой группе, ассоциируемой с ним или избегающей этот объект. При этом самоопределяющий

© Батюта Е. А., Каменский С. Ю., Рамзина С. А., 2014

ся субъект чаще всего занимал позицию аутсайдера по отношению к презентируемым объектам, оценивая их и себя как бы со стороны. Даже в «дешевых» коммерческих презентациях наподобие цирка Барнума и ярмарочных шоу зритель находился на позиции «нормального» человека среди явных «ненормальных» диковин, повышая таким образом самооценку и на этом основании формулируя идентичность. Постсовременное общество порождает новые модели отношений во время показа чего-либо, в которых человек-презентатор выступает как «торговец культурой». Смыслы представляемого им объекта возникают в процессах по форме напоминающих «торговые» переговоры, диалоги и согласование интересов всех вовлеченных сторон. Даже по определению консервативные структуры – музеи сегодня меняют позицию высококультурного аутсайдера по отношению к посетителям на положение активного посредника между инсайдером и аутсайдером в рамках представленных экспозиций и коллекций, основываясь на собственном опыте и отношениях с окружающим музей сообществом.

Человеческие существа некогда смогли выжить в мире, не столько создавая материальные условия своего существования, сколько придавая миру смысл и определяя свое место в нем. Это культурное производство представляет собой формирование самопонимания как активного деятеля в своем собственном культурном мире. Культурные практики самовыражения человека через презентации чего-либо глубоко мотивированы, поскольку они служат средством идентификации человека и его «самоконструирования». Создавая элементы мира культуры, человек создает себя. В коммерческой сфере акценты представлений о значимости предметов и людей давно сместились от функционализма и инструментализма в сторону повышения экспрессивности и суггестивности, другими словами коммерция сегодня создает в равной мере как материальные, так и культурные блага. Выбор сегодняшнего потребителя поддерживается его культурной идентичностью и требованиями выделиться из группы и получить признание. В некоммерческой области «высокой» музейной культуры новые веяния выразились в распространении «критической музеологии», требующей синтеза различных подходов к современному музею и его посетителю (См. [1; 2]).

Обращаясь к музейной экспозиции, человек хочет конструировать новые смыслы вещей и нового себя. Способы означивания вещей в культуре постиндустриального общества, по сути, представляют собой пути формирования субъективности, модель субъектификации – символического потребления. Лиотар выделяет два способа означивания: нарративный (основанный на словах) и фигуральный (основанный на визуальных образах).

Эти два различных способа предполагают различные типы субъектов означивания – рационально познающего и обрабатывающего значение в первом случае и «сконструированного индивида», больше погруженного в ощущения и восприятия, что позволяет ему концентрироваться на подробностях, недоступных рациональному субъекту, – во-втором. Рациональный субъект находится вне объекта означивания, он эгоцентричен, а фигуральный субъект «погружен» в объект.

Нарративное означивание происходит по схеме семиотического треугольника: информация – репрезентация – символ. Информативные и репрезентативные модели понимают субъект как рационального обработчика языковой информации. Обработка происходит на уровне сознания. Информировать – значит заставить собеседника понять то, чего он прежде не осознавал при обычном порядке вещей и действий. Репрезентировать – значит действовать в реальном мире субъекта. Информация и репрезентация подразумевают существование субъекта, интерпретирующего коммуникацию, т. е. устанавливающего произвольные и недостающие связи между тремя элементами семиотического треугольника. Однако в случае символизации, такого закрепления значения в реальности не существует. «Недос-

таточность реальности» субъекта формирует его гибкое отношение к объекту и некритическое поведение. Информация, репрезентация и символичность выражаются в значении, при этом такой способ означивания предполагает сознательную обработку информации как часть субъекта. Главное различие между информацией и репрезентацией, с одной стороны, и символами – с другой заключается в том, что первые более или менее соотносятся с реальностью (с референтом), а последнее может никак не относиться к реальным вещам и событиям, а только к их значениям (т. е. означаемому). Эффективность символического сообщения зависит не от значения, а от воздействия на аудиторию. Смысл появляется только во взаимодействии означаемого и того, кто приписывает значение. Иными словами, сам субъект может рассматриваться как элемент социального или культурного продукта – происходит сдвиг интереса от характеристик вещей и услуг к характеристикам субъекта-потребителя. Объекты начинают приобретать большую символическую ценность. Большинство музейных экспозиций сохранили этот смысл коммуникации с посетителем – на основе предложенной информации человек должен самостоятельно и рационально репрезентировать и символизировать представленные в экспозиции объекты.

Фигуральный способ означивания, вовлекающий восприятие, является непосредственным, сиюминутным, хотя происходит в пространственно-временных пределах. В отличие от абстрактного познания, восприятие всегда конкретно и чувственно. Нечто подобное Кант называет интуицией. Первичная функция фигурального означивания – воздействие, впечатление, захват внимания, очарование и т. п. Эти действия визуальных образов включают изрядную долю бессознательного и мгновенно удовлетворяют желания человека: подобным образом театральные образы удовлетворяют потребности зрителей. В этом процессе субъект сфокусирован на хрупкой искусственной реальности, которая дестабилизирует и самого субъекта. Такое поведение делает возможным для человека наслаждение воображаемыми отношениями с тем, чего ему недостает, или с тем, что ему принципиально недоступно. В данном случае желания утоляет именно воображаемое, иллюзорное отношение. Чтобы стать объектом внимания современного человека, вещь должна стать знаком, оторваться от означаемого и соединиться с переживающим нехватку чего-либо субъектом. Отношение представляет собой не прямой и здравый «опыт», а абстрактное, быстро проходящее, нестойкое «переживание» знака-объекта. Сознание субъекта формируется не реальным, а иллюзорным отношением, позволяя свободно переносить свои желания на вещи. Значение объектов для человека коренятся в ценностях общества и позволяют человеку обеспечить ощущение принадлежности и самореализации. Посетитель не просто приходит посмотреть выставку, он, скорее, «озвучивает» свое желание того, чтобы ученые, экскурсоводы, рабочие и т. п. удовлетворили это желание. Если он встречает понимание своих намерений, он готов действовать и проявлять свои силы.

Различие между нарративным, символическим и фигуральным оформляется не мгновенно. Фигуральная модель означивания распространена в условиях развития и распространения сложной технологии создания визуальных образов: в первую очередь компьютера, кино и телевидения. Выросло новое поколение, которое в условиях избытка неспецифицированной и недостатка конкретной информации и репрезентации обратилось к визуальным образам. В таких условиях главными мотивами посетителя музея выступают желания, связанные с социальным престижем, поисками одобрения, гордости, чувством обладания, вины, озабоченности, статуса и т. п. Нарративные, текстовые репрезентации не исчезают полностью, но отступают на второй план, в то время как визуальная модель означивания становится доминирующей. Сам акт посещения музея помещается в искусственное социальное окружение, само по себе уже гиперреальное. Визуальные образы

конституируют и контролируют субъекта-потребителя двояким образом. С одной стороны, они захватывают, «колонизируют» сознание и тело человека через бессознательное, с другой – через гиперреальную среду виртуальных миров. Сами экспонаты начинают циркулировать в форме образов, или имиджей. Современное отношение людей к вещам, в том числе и к музейным экспонатам, характеризуется преобладанием фигурального означивания. Визуальная коммуникация больше, чем словарная, фокусирует свободные и изменчивые желания человека на объектах, которые она снабжает масками, как будто выражающими его желания. Но только имиджи, характерные для постмодернистской эпохи, уже не удовлетворяют желания, а несколько разочаровывают, их действие – одновременно создавать и разрушать иллюзии, уводя от реальности. Если на предыдущей стадии означивание предполагало создание иллюзорной реальности, то на этой ступени такой реальности нет. Смысл визуального образа – в отсутствии иллюзорной реальности, он притягивает внимание потребителя к отсутствию того, что он обозначает. В этом контексте у субъекта создается впечатление, что мир состоит из «ссылок» на другой, нездешний, но вполне настоящий, хотя и недоступный ему мир. В результате критическая направленность субъекта, характерная для информации и репрезентации, ослабевает, визуальная коммуникация возбуждает внимание, но не вызывает критического отношения. Субъект-наблюдатель исполняет роль и судьи, и оценщика, и единственного референта – субъекта дискурса. Он читает скрытый в экспонате призыв к действию и одновременно наделяет его смыслом, при этом означиваемый предмет имеет изменчивый смысл в зависимости от «силы» самого потребителя. Визуально-образная коммуникация трансформирует рационально действующего субъекта в зрителя, который заполняет «разрывы» между означаемым и означивающим в собственных целях самоидентификации. В тематических парках, музеях и виртуальных мирах особо явственно видно, что человеку предписывается роль активного участника создания смысла, не только потому, что он сам создает свои желания, а затем их же и удовлетворяет, но и через вовлечение всех его телесных и духовных сил в акт взаимодействия. В Диснейленде, например, нереальное становится реальным и человек переживает опыт «воплощения мечты». В музеях потребитель воочию встречается с ностальгическими, якобы реальными, переживаниями прошлого, возможно идиллическими, когда имеет дело с артефактами определенного периода. Это подобно тому, что Бодрийяр называет симуляцией, в которой пересекаются технологии, образы и знаки, становясь самодвижущейся силой и давая потребителю возможность оживить фантастические образы. Постсовременное ожидание человека от посещения музея – выйти из настоящего и переместиться в «другое» место и время (неважно, существующее или нет). Субъект впитывает «атмосферу» другого мира, обогащая свой опыт «усилением предрассудков», испытывая счастье от наглядного подтверждения своих фантазий. Позиция зрителя-посетителя становится конструированием субъекта в гиперреальном мире, где различие между реальным и фантастическим больше не служит определяющим критерием. Логическое размышление и оценочные суждения срастаются с гедонистическими развлекательными ценностями образа или спектакля (См. [3]).

Итак, современный посетитель музея – не рациональный мыслитель, а зритель, который оказался в искусственном окружении декораций. Он не накапливает опыт, а, наоборот, испытывает его постоянный недостаток, поскольку основой его жизни служит обладание значимыми в текущий момент вещами или переживаниями – он жертва, обреченная примерять бесконечный ряд идентичностей, предписанных изобилием предложения. Причем самосовершенствование понимается как заполнение пустоты существования, когда основанием для идентифика-

ции служит не конкретная вещь или информация, а иллюзорные отношения с миром в целом.

В свете этого традиционная структура музейной сферы – экспозиционные и выставочные организации, спонсорские системы, научное сотрудничество между различными музеями и т. п. – выглядит недостаточной для привлечения посетителей. Она ориентирована на нарративного интерпретатора, а сегодняшний человек, не будучи лично вовлеченным в процесс, не видит ценности в посещении музея. Отсюда нестабильность музейной системы и огромное количество музейных экспериментов. Среди них – новые экспозиционные жанры, варьирующиеся от гиперреальных восковых фигур, сопровождающих выставки, до интерактивных виртуальных футуристических экранов, драматургические подходы к экскурсиям (начиная с «саунд-гайдов» и заканчивая театральными представлениями в стенах музеев). Нередки попытки использовать инструментарий мистики и магии; один из авторов помнит музей в Тобольске, где сетующие на недостаток внимания к музею сотрудники вздыхали: «Придется запускать привидение…» В то же время музеи, может быть в отчаянии, обращаются и к серьезной науке, предлагая посетителям переосмысленные и переложенные в визуальные формы самые глубокие научные разработки. Активно желающее учиться и одновременно развлекаться, современное поликультурное сообщество людей требует нового музея в текучем мире.

Каковы основные проблемы современного российского музейного сообщества? Стоит отметить, что они особенно остро проявляются на уровне регионов. Это, конечно, социокультурные проблемы в городском сообществе: неудовлетворенность посетителя качеством музейной среды, не предлагающей ему возможностей для самоидентификации. При этом, даже при наличии свободного времени и потребности посетителя в привлекательном культурном продукте, со стороны музеев предложение ограничено. Эта проблема связана с закрытостью музея, работающего преимущественно в режиме монолога. Тематика выставок задается не зрителями, а музейными специалистами и часто не соответствует запросам посетителя, не связана с его жизнью и увлечениями, волнующими его проблемами. В силу этого взрослый потребитель за самоидентификацией, смыслом, за со-бытием чаще ходит на спектакль, в кино или на концерт, а не в музей.

Игнорируя во взаимодействии эпох современную культуру и общество, музейные исследователи превращают фигуративный диалог-интерпретацию в нарративный монолог-популяризацию научных фактов. Забывая, что артефакт по-настоящему существует лишь в многообразии его современных прочтений.

Особенно остро это касается краеведческих музеев, предлагающих экспозиции и экскурсии, как правило, в стиле учебных пособий или даже научных докладов по истории, искусству, естествознанию и т. д. Музей не рассказывает истории про зрителя, зритель отвечает ему тем, что не ходит в музей.

Таким образом, однообразие, ограниченность существующих интерпретаций экспонатов музеев порождают их откровенную скучность для зрителя. Рассмотрим для примера музейную экспозицию Екатеринбургского краеведческого музея «Восточная коллекция». Это собрание более 300 артефактов, привезенных жителями Екатеринбурга из 7 стран мира в начале XX века. Подача их в контексте культуры Востока или отдельных зарубежных стран (выставка, посвященная Японии XIX века) не заинтересовала зрителя города. Аналогичная проблема есть и в других краеведческих музеях России, где «восточные» коллекции подаются через другие, но тоже нерабочие ракурсы (например, «Восток глазами русского офицера» – выставка Томского краеведческого музея). Если понимать под культурным наследием ту часть прошлого, которая значима и интересна для настоящего, то можно сказать, что музей не находит точек стыковки прошлого и настоящего в этих контекстах. На фоне роста туристского потока и интереса к путешествиям

даже потенциально заинтересованный в этих экспонатах зритель получает их в неактуальной для него интерпретации.

Еще одна проблема – недостаточность опыта и навыков прикладных, актуальных научных исследований и разработок у региональных музейных специалистов. Работа над злободневными темами требует от исследователей не только знания исторических реалий, но и осведомленности в исследованиях современного обществах и образцах музейной интепретации, а также умения творчески интерпретировать коллекции. Не последнее место занимает формирование новых навыков коммуникации со зрителем, умения включать его в процесс соосмысления, интепретации коллекций.

Есть и просто организационные проблемы. На региональном уровне не хватает площадок и возможностей обсуждения исследовательских (а в итоге выставочных) проектов, работающих с актуальной общественной проблематикой. Музейщикам, работающим над прикладными исследованиями, необходимы дискуссионные площадки.

Что может быть сделано, чтобы «привести в соответствие» музейную культуру и культуру современного человека, его потребности и поиски идентичности? Наверное, применение идей особой «музейной антропологии», вида визуальной антропологии, популярной в наши дни. Именно визуальная антропология логически отталкивается от простой идеи, что культура проявляется через видимые символы, содержащиеся в церемониях, ритуалах и артефактах, рассмотренных как в искусственной, так и в естественной среде. Культуру, можно понимать как то, что проявляет себя в сюжетах, в которые вовлечены люди со своими характерами, костюмами, позициями и окружением. Культура – это сумма сценариев, в которых люди участвуют [См. 4].

Из института, фиксирующего определенный уровень развития общества, музей может превратиться в «воспитательную» тренинговую площадку для формирования самоопределения человека. Если музей видит свои ценностные ориентиры в новизне, оригинальности интерпретации, то создаваемые экспозиции и выставки, культурно-образовательные проекты становятся результатом творческого поиска. Музейное сообщение из области «декларации» и «монолога» перемещается в область «диалога» или «полилога». Важным становится разнообразие форм интерпретации аккумулированной в музее информации, а не ее односторонняя трактовка, что привело к «взрыву» музейно-педагогической активности и возрастанию роли музейного проектирования. Развивается идея создания в музейном пространстве экспозиционно-художественной среды, органично включающей в себя, наряду с экспозицией, построенной на основе образно-сюжетного метода, также и элементы торгово-рекреационной инфраструктуры (См. [5; 6]). Приоритетное развитие социокультурной составляющей деятельности современного музея заставляет понимать его не только как образовательное и просветительское учреждение, но и как компонент индустрии досуга и развлечений. Процессы социокультурной коммуникации привели к трансформации музея в соответствии с изменившимися представлениями о нем публики, стремящейся к интерактивному взаимодействию с музеем как равноправный участник коммуникативного диалога, происходящего в пространстве музея (См. [7]). Музеи, как предполагается музеологами, имеют достаточный потенциал для формирования такой творческой личности, которая «усвоив текст гуманитарной культуры, интерпретирует его в контексте собственной жизни» [8]. Для реализации этой амбициозной задачи требуется применение личностно ориентированных музейных технологий, истоки которых часто усматривают в положениях диалоговой концепции культуры Бахтина, где обосновывается идея всеобщности диалога как основы человеческого сознания, и музей, в свою очередь, должен видеть свое призвание в развитии меж-

личностного, внутрикультурного, межкультурного диалога ([См. [9]). Музей может обратиться к «интервенциям и конвергенциям» с художественными практиками. Инсталляция, перформанс, акционерство, видео по сути уже стали частыми приемами музейной активности. Современный музей должен работать на стыках и границах между традиционно старыми занятиями и более молодым интерактивом. Более того, подвергаются пересмотру прежде конвенционально признанные нерушимые границы и, соответственно, антагонизмы абстрактного и реального, концептуального и пластического: границы стремительно размываются, пришло время получения новых продуктов. Так, «в Пермском художественном музее на выставке с громковатым названием “Новый канон” года полтора назад была представлена большая группа молодых художников, работающих на стыке реальности и абстракции: там, где “жизненные” фактуры и предметы, являясь реальными, выглядят или интерпретируются как абстрактные – эдакий “реалистический абстракционизм”» [10].

Музей, как можно заключить из сказанного, должен стать особым коммуникационным феноменом, «коммуникационным гибридом». Современная эпоха – по преимуществу время нарастающего господства коммуникативных гибридов. Так, «кино вобрало в себя и роман, и газету, и сцену – все сразу. Потом в кино просочилось телевидение, возвратив публике круглый театр» [11]. Музей – еще одно средство, аккумулирующее новые технологии и сохраняющее культурное наследие одновременно. Такая разносторонность, расширение коммуникационного пространства позволит ему привлекать посетителей, ищущих в современном мире образцы для самоидентификации.

Вариант применения антропологических подходов можно обнаружить в новом музейном проекте одного из авторов статьи (С. Б. Каменского) в рамках конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Проект называется «Искусство путешествий» и призван создать новое взаимодействие между посетителем и музеем и получить эффект воспитания нового посетителя, живо участвующего в деятельности музея. Содержание проекта направлено на исследование и презентацию коллекций музея, связанных с путешествиями, в рамках новой, актуальной для общества интерпретации. В основе исследований проекта лежит диалоговая концепция культуры в понимании М. М. Бахтина. Она подразумевает, что человек формируется, среди прочего, в процессе освоения культурного наследия. А это процесс диалога между культурами, обществами, людьми прошлого и сегодняшнего дня. В применении к музею она означает открытость и многомерность прочтения музейных артефактов и текстов, возможность по-разному интерпретировать и делать значимым прошлое, учитывая разные современные контексты, смыслы и практики (См. [12; 13]).

Проект реализуется на базе артефактов из фондов Свердловского областного краеведческого музея, связанных с путешествиями и путешественниками прошлого (сувениры, фотографии, путевые заметки, воспоминания, дорожные вещи и др.). Это четыре тематические коллекции XIX–XX вв. и серия предметов, включенных в коллекции другой тематики (суммарно – около 500 предметов). Часть из них выставлялась музеем, но оказалась не востребованной зрителями. Так, подача «Восточной коллекции» в контексте географических открытий, традиций и культуры стран Азии в XIX веке оказалась интересна в большей степени историкам и этнографам, а не широкой общественности. Тем не менее эти материалы обладают большим потенциалом для актуализации в современной культуре, если включить их в систему современных расширенных гибридных коммуникаций и таким образом дать возможность посетителю оценить себя в контексте культуры путешествий. Они близки современному мобильному человеку-туристу, обществу досуга, экономике впечатлений.

В связи с этим проект предполагает исследование и сравнение нескольких вариантов интерпретации указанных коллекций через значимую для современного человека туристскую проблематику. Проект дает возможность представить музейные артефакты в многообразии современных контекстов, в системе ценностей, взглядов, знаний, ассоциаций путешественников сегодняшнего дня. Эта цель достигается с помощью инновационных инструментов.

Ситуацию общения создает образовательный семинар для исследователей музеев, который позволит взглянуть на указанные артефакты в контексте истории и социологии туризма, истории повседневности, современных туристских трендов.

Посетитель изучается и привлекается при помощи фокус-групп, интервью и интернет-конкурсов, вовлекающих рядового зрителя – путешественника и позволяющих выявить современные контексты и смыслы, актуализирующие рассматриваемые артефакты, собрать банк частных историй, ассоциаций, высказываний.

Для совершенствования организационного обеспечения проекта используются организационно-деятельностные игры на основе репертуарных решеток Келли, позволяющие прийти к историческим, культурным, смысловым сценариям прочтения предметов коллекции (участники: дизайнеры, культурологи, историки, художники).

Творческие задумки позволит реализовать открытая проектная мастерская, где совместными усилиями разных групп интерпретаторов, а также дизайнерской группы разрабатывается концепция и архитектурно-художественное решение итоговой выставки.

Для реализации этих задач будет создан рабочий вариант экспозиции – тестовая площадка для эксперимента и диалога с возможностью выбирать, переставлять, выделять, комментировать экспонаты (музейный тест-драйв). Первым продуктом проекта станет мультимедийный интерактивный каталог выставки в форме мобильного приложения для планшетов. Вторым выступит выставка «Человек путешествующий». На ней предполагается провести социологические опросы, которые определят эффективность предложенных вариантов подачи данных коллекций. Результаты исследования также будут представлены в виде отдельной публикации на сайте Свердловского областного краеведческого музея.

Какова целевая аудитория проекта, какие цели преследуют участники? Во-первых, это потенциальные посетители, люди, которым музей может предложить площадку для реализации своих «антропологических» потребностей. Это взрослые люди, примерно за 25 лет, фанаты путешествий, имеющие большой туристский опыт, активно путешествующие сегодня, пишущие на тему путешествий в социальных сетях, блогах. Их потребности, которые можно удовлетворить, – поиграть в туриста разных эпох, окунуться в атмосферу путешествия, понять, как менялся туризм, что-то узнать про себя (стили путешествий, типажи туристов), повысить качество своих путешествий, узнать другие способы путешествовать, выделиться, ответить на вопросы «куда поехать дальше?», «как получить от путешествия больше?», «как описать свой опыт?». Данная целевая аудитория посещает сегодня преимущественно привозные, а не собственные проекты музея. Планируется привлечь 4–5 тыс. человек из данной группы.

Во-вторых, это бывшие «советские туристы», люди, преимущественно, от 55 лет и старше, те, кто активно путешествовал в советскую эпоху. Их основной мотив, с которым можно работать, – это потребность не забывать и вписать свой советский опыт в современный контекст. Кроме того, многие из этих людей продолжают путешествовать и сегодня. Они могут стать также дарителями экспонатов и историй, отражающих культуру путешествий советского периода. Планируется привлечь до 2 тыс. человек из этой аудитории.

В третьих, это *профессионалы* (студенты и преподаватели профильных вузов, директоры и менеджеры турфирм). Потребности работников турфирм: познакомиться с развитием своей профессии, туризма в целом, попробовать себя «в шкуре» турагента разных эпох. Также эту группу может заинтересовать исследование на тему типажей туристов и потребительских трендов. Из этой аудитории планируется привлечь от 200 до 300 человек.

Потребности студентов: интерес к истории путешествий, профессиональная ориентация и понимание своей профессии, а также выбор личного стиля путешествий. Из этой аудитории планируется привлечь до 500 человек. Важность привлечения «профессионалов» заключается в том, что они являются агентами влияния и способны привести на выставку своих клиентов, друзей, коллег-путешественников. В том же качестве они могут способствовать продвижению выставки среди туристов.

В четвертых, это региональное музейное сообщество. Его потребности – образовательная поддержка и коммуникативная среда для создания «новых» исследовательских и выставочных проектов. Планируется привлечь в качестве участников проекта до 5 музеев региона, распространить сборник материалов проекта по всем музеям Свердловской области.

Музейный продукт, который планируется получить в итоге, представляет собой комплекс событий и мероприятий. Мультимедийный интерактивный каталог выставки – в форме мобильного приложения для iPad и устройств на Android приблизит музейный проект к современным средствам коммуникации. В нем каждый экспонат будет сопровождать облако тегов – текстовых, звуковых, фото- и видеокомментариев – ассоциаций, историй специалистов и участников фокус-групп, интернет-конкурсов. Принципиальная диалогичность этого каталога реализована через равенство текстов профессионалов и непрофессионалов, возможность добавлять собственные комментарии и распространять их в социальных сетях. Каталог позволит создать вокруг путешествий прошлого мир современных прочтений и смыслов. Просмотр каталога выстраивается в логике интеллектуального путешествия – переходы от страницы к странице, от экспонатов к комментариям создаются на основе ассоциаций участников исследования. Приложение будет использоваться на выставке, как на стационарных экранах в экспозиции, так и на планшетах, выдаваемых посетителям. Также его можно скачать на свое устройство и продолжить ознакомление дома. Таким образом музей следует за интересами потребителя, входит в частную жизнь и становится феноменом, влияющим на самоопределение человека.

Выставка «Человек путешествующий» – экспериментальная площадка и итоговый продукт проекта. Итоговая выставка – это конструкт, созданный на базе темы «Путешествие». Выставка будет работать с такими современными контекстами, как «Экономика впечатлений», «Общество досуга», «История повседневности». Принцип создания выставки – ее открытость и диалогичность, возможность для зрителя просматривать и добавлять комментарии к экспонатам, экспозиционным комплексам и выставке в целом. Это достигается с помощью мультимедийного интерактивного каталога выставки. Цель выставки состоит в том, чтобы посетитель задумался о путешествии как таковом. О том, какой смысл он вкладывает в свои поездки, зачем он вообще куда-то едет и что оттуда привозит; что существуют разные способы, стили путешествия и целая культура дороги. О разных типажах туристов, о выборе пути и уникальности своих путешествий.

Из описания выставки для СМИ: «Это выставка не про XVIII, XIX или XX век. Она про то, как люди путешествуют, описывают свои путешествия, живут с помощью путешествий, про туристский чемодан, в котором собраны ожидания, мечты, иллюзии и воспоминания. Она про вневременных “гедонистов”, “сумасшедших”,

“циников”, “исследователей” и прочие типажи Путешествующих. Она про людей и их багаж. Она про тот круг ассоциаций и смыслов, которые создают мир путешествия и дороги». По завершении проекта выставка продолжит работать в передвижном варианте и будет представлена на площадках музеев-партнеров. Такого рода экспозиция позволит активизировать деятельность посетителей по самооценке и самопрезентации [14].

Итоговым продуктом выступит сборник материалов проекта, размещенный на сайте музея. В нем будут представлены общее описание проекта, программа и тексты образовательного семинара, сценарии фокус-групп, организационно-деятельностных игр, открытой проектной мастерской, исследовательские и интерпретативные кейсы музеев-участников, результаты опросов и музейных экспертов по восприятию выставки и каталога.

«Расширение» средств коммуникации с потенциальными посетителями также послужило основой для формирования системы коммуникаций. Учитывая специфику проекта, продвижение строится на стратегиях и инструментах btl-коммуникаций. Среди них выделяются прямой маркетинг (direct marketing) и специальные мероприятия (special events).

Директ-маркетинг предполагает выход на ключевых персон – агентов влияния в среде целевой аудитории. Для нас – это медийные личности, геоблогеры, известные путешественники, директора крупных туристских фирм, руководители туристских клубов. Планируется целевая рассылка по представителям этой аудитории, система личных встреч, приглашение их на событийные мероприятия проекта, приглашение их в статусе VIP-экскурсоводов в первые недели открытия выставки (подобная практика опробована музеем на других проектах). Событийный маркетинг предполагает как создание собственных мероприятий, так и участие в крупных городских проектах. Предполагается участие с собственной тематической программой в таких мероприятиях, как Всемирный день туризма (показ уникальных исторических экспонатов туристской тематики, презентация проекта VIP-гостям мероприятия), Библионочь (выставка травелогов и исторических фотографий из фондов музея), Ночь музеев (организация географических викторин, анимационной программы (покупка в турфирме XIX века) и др.). Собственные мероприятия планируется провести в партнерстве с культурными центрами зарубежных стран, представленных в Екатеринбурге. Вечера Франции, Китая, США будут посвящены изменению восприятия этих стран в России за последние 150 лет, традициям туристских путешествий и крупным центрам туризма в них, национальной культуре и сувенирной продукции этих стран. Продвижение строится также на широком использовании рекламно-информационных возможностей партнеров, имеющих доступ к нашей целевой аудитории: прежде всего, турфирм Екатеринбурга, а также вузов города, областной универсальной библиотеки им. В. Г. Белинского. Разнообразие коммуникационных инструментов предполагает: рассылку пресс-релиза о проведении мероприятий в региональных СМИ (городских и областных), размещение информации на российских интернет-порталах о музейной деятельности в социальных сетях, а также в бумажных и электронных специализированных журналах о культуре; PR-кампанию: пресс-конференцию, пресс-тур (по выставке), интервью с участниками проекта в СМИ, проведение открытия выставки, организацию паблисити мероприятия, расклейку афиш в учреждениях-партнерах – вузах, областной универсальной библиотеке им. В. Г. Белинского, распространение приглашений на открытие выставки; публикацию статей в профессиональных и научно-популярных изданиях; презентации результатов проекта на форумах и конференциях; размещение информации о проекте на интернет-ресурсах турфирм-партнеров, вузов-партнеров; раздачу в офисах турагентств билетов на выставку (оформленных в стиле туристского ваучера или авиабилета) в ка-

честве подарка клиентам; проведение в социальных сетях конкурсов историй «Искусство путешествий – это…» и «Выставка о путешествиях вашей мечты».

Уникальность проекта заключается в его явной антропологической направленности: в открытости и диалогичности, в возможности индивида вовлечься в музейный процесс, попав на музейную «кухню», участвуя в музейном тест-драйве, создании и модернизации выставочного продукта. Человеку создаются уникальные возможности по конструированию себя через участие в работе музея.

Необычность проекта можно увидеть и в тематике исследования и выставки (аналогичных на территории Свердловской области и в России не проводилось), и в мультимедийном интерактивном каталоге выставки – инновационном продукте, который не имеет аналогов в российской музейной среде.

Итогом проекта можно считать ряд преимуществ, которые получат все участники, формируя новый музей в новом мире. Музей раскроет возможности музейных коллекций, стимулирует появление их новых интерпретаций. Расширение коммуникации со зрителем на новом уровне может способствовать привлечению внимания к музею. Совпадение с актуальными социокультурными трендами позволит в будущем организовать новую конкурентоспособную выставку, обновить инструмент создания музейных каталогов, а также использовать опробованные инструменты музейной коммуникации для формирования идей новых выставок.

Посетители могут оценить изменение в восприятии имиджа музея благодаря созданию в нем открытой к диалогу, дружественной, человекосоразмерной среды, появлению необычной интерактивной выставки, максимально учитывающей тренды и потребности времени, а также шанс проявить свои творческие способности в создании нового культурного продукта.

Для музеев-партнеров проект предоставляет возможность показать экспонаты своего музея в новом ракурсе на другой площадке, принять участие в образовательной программе проекта, апробировать новые методы проектирования выставок и организации диалога со своим зрителем.

Музейное сообщество (и музейная антропология в целом) вполне может получить новые исследовательские инструменты, возможность перенять и использовать опыт построения открытых музейных коммуникаций, научиться делать свои музейные каталоги более современными, интересными, мультимедийными и интерактивными.

Проект «Искусство путешествий» даст возможность активизировать исследования в области культурной антропологии, истории, социологии туризма, истории повседневности, опыт социологических, психологических исследований, исследований в области теории музейной коммуникации, семиотики музейной экспозиции, философии.

Литература

1. Shelton A. Critical Museology: A Manifesto // Museum Worlds: Advances in Research. – 2013. – № 1. – Vol. 1. – P. 7–23(17). – URL: http://www.ingentaconnect.com/content/berghahn/armw/2013/00000001/

2. Bouquet M. Heritage: Renovation, Relocation, Remediation, and Repositioning Museums Museum Worlds: Advances in Research. – 2013. – № 1. – Vol. 1. – P. 85–100(16). – URL: http://www.ingentaconnect.com/content/berghahn/armw/2013/ 00000001/00000001/

3. Батюта Е. А. Трансформация «человека потребляющего» при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу : автореф. дис. … канд. филос. наук : 09.00.13 / Е. А. Батюта ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2008.

4. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность : сб. науч. ст. / под ред. Е. Ярской-Смирновой, В. Романова, В. Круткина. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 398– 412.

5. Поляков Т. П. В поисках «живого музея»: сценарная концепция системы экспозиций «Музея города Кранца» // Музей и новые технологии. – М. : Академия, 1999.

6. Гиль А. Ю. Изменения в деятельности музеев с учетом тенденций развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364.

7. Грачева Е. С. Музей как поле социокультурной коммуникации : дис. канд. социол. наук. – М., 2010 // Научная библиотека диссертаций и авторефератов «disserCat». – URL: http://www.dissercat.com/content/muzei-kak-pole-sotsiokulturnoi-kommunikatsii#ixzz2rIgRc Xbj

8. Библер В. С. Культура: диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 34.

9. Сапанжа О. С. Современный художественный музей на службе человечеству или человеку? // В поисках музейного образа : материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2007). – СПб., 2007. – С. 6–17.

10. Файбисович С. Пейзаж после постмодерна // Знамя. – 2012. – № 6. – URL: http://magazines.russ.ru/znamia/2012/6/f15-pr.html

11. Маклюэн М. Г. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М. : Гиперборея : Кучково поле, 2007. – С. 63.

12. Каменский С. Ю. Травелог как форма конструирования музейных экспозиций (на примере археологических выставок) // Дискурс травелога : сб. науч. статей. – Екатеринбург : Институт международных связей : Дискурс-Пи : Уральский финансово-юридический институт, 2009. – С. 76–81.

13. Каменский С. Ю. Туризм как практика поиска идентичности // Современная Россия: путь к миру – путь к себе : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета (Екатеринбург, 10–11 апреля 2008 года) : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2008. – Т. 1. – С. 203–206.

14. Рамзина С. А. Социальные ресурсы формирования клиенториентированного подхода в сервисе // Образование и наука. – 2008. – № 6.

УДК 378

Росновская Людмила Валентиновна
канд. пед. наук, завкафедрой конструирования и дизайна одежды,
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)
E-mail: lvr.gu@mail.ru

Rosnovskaya Lyudmila Valentinovna
Candidate of Education, Head of Clothes Design Chair, Fashion Design Department, Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

УЧЕБНО-ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ФОРМАТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ

STUDENTS' LEARNING AND PROJECT ACTIVITIES IN COMPETENCE-ORIENTED TEACHING

Аннотация
В статье рассматривается проблема формирования общекультурных и профессиональных компетенций будущих конструкторов – дизайнеров одежды: раскрыта специфика проектно-конструкторской задачи, рассмотрены формы организации учебно-проектной деятельности, критерии их выбора и психолого-педагогические условия формирования компетенций в процессе решения проектно-конструкторских задач, раскрыта роль педагога как носителя творческого опыта проектной деятельности.
Ключевые слова: проектная деятельность; проектно-конструкторская задача; индивидуальное и групповое творчество; поисковый диалог; личностное общение; личностный смысл; образовательная ситуация.

Abstract
The article explores the problem of cultural and professional competencies formation for the future fashion designers. The author focuses on specific engineering design objectives, considers various forms of students' learning and project activities organization, as well as learning activities choice criteria. Psychological and educational conditions favorable for competencies development, such as engineering project training are distinguished. The paper also stresses the role of a teacher who has valuable creative knowledge and skills in project activities.
Key words: project activities; engineering design objective; individual and group creative projects; searching in dialogue; personal communication; personal meaning; educational situation.

Профессиональные компетенции будущих конструкторов – дизайнеров одежды задаются по отношению к основным видам профессиональной деятельности, среди которых доминирующим является проектная деятельность. Овладение этой деятельностью в рамках учебного процесса и формирование соответствующих компетенций обусловливает такие характеристики процесса обучения, как системность и межпредметность приобретаемых знаний и умений, ролевая интерпретация действий и поступков, динамично развертываемое содержание в соответствии с технологией проектировочного процесса.

Участие в проектировании ставит студента в позицию не исполнителя, а творца. Согласно известной философской формуле «изменяя обстоятельства, человек изменяет самого себя», т. е. без внешнего принуждения преобразовывает себя. Поэтому проектирование есть специфический индивидуально-творческий процесс, требующий оригинальных новых решений, и в то же время – процесс коллектив-

© Росновская Л. В., 2014

ного творчества. Работа в режиме группового творчества развивает одно из главных качеств, необходимых для овладения профессиональными компетенциями, – проектировочные способности, а это, прежде всего, способность к рефлексии, целеобразованию, выбору адекватных решений и умение выстраивать из частей целое. Более того, проектная деятельность содержит в себе принцип саморазвития (самоопределение, самореализация, развитие творческих способностей и др.), т. е. решение одних задач и проблем приводит к постановке новых задач и проблем, стимулирующих развитие новых форм проектирования.

Таким образом, проектирование, с одной стороны, можно считать средством интеллектуального и социального творческого саморазвития всех субъектов учебного процесса, а с другой – средством формирования и развития профессиональных и общекультурных компетенций студентов [4].

Компетентностный подход предполагает успешное формирование и развитие компетенций посредством моделирования в учебном процессе предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности [1. С. 43].

Определяя проектную деятельность в качестве основного вида профессиональной деятельности конструктора – дизайнера одежды, уместно остановиться более подробно на специфике этого вида деятельности. Дело в том, что, в отличие от традиционных форм, она не может замыкаться в границах проектирования на бумаге, т. е. в рамках воображаемого. Проект одежды, как таковой, имеет трехуровневую структуру, которая выражается тремя последовательными формами существования объекта проектирования: изобразительной – художественный образ; абстрактно-геометрической – чертеж конструкции; материальной – опытный образец модели. Поэтому учебно-проектная задача включает разработку модели изделия в семиотическом плане и дальнейшую проверку в опытном образце (представляющем материализованный художественно-эстетический образ модели), т. е. предполагает в итоге реализацию проекта. Иными словами, процесс проектной деятельности представляет собой подлинное созидание «реального» в виде опытного образца модели (аналога серийного образца), в котором соединяются художественная ценность и техническая точность исполнения, своеобразный поиск и уточнение формы в материале, и математически выверенные параметры технологической обработки. Это по праву можно назвать пластическим творчеством студента, который создает вокруг тела человека искусственную оболочку, соединяющую утилитарно-технические и художественно-эстетические качества.

Формы организации учебно-проектной деятельности должны быть направлены на создание условий для индивидуально ориентированной работы преподавателя и студента, в которой развивается самостоятельность, ответственность, инициативность, творческая активность обучающегося. Они могут быть как индивидуальными, так и групповыми, что зависит от специфики проектно-конструкторской задачи, уровня формируемых компетенций и соответствующего уровня обучающей модели. Эффективность каждой из них зависит от способности преподавателя управлять индивидуальной и групповой деятельностью для того, чтобы каждый студент смог наилучшим образом раскрыть свой творческий потенциал. Степень сложности проектно-конструкторской задачи должна соответствовать индивидуальным способностям студентов, уровню их теоретических и практических знаний, что дает возможность безошибочно устанавливать причины затруднений и выбирать наиболее целесообразные пути оказания помощи студентам. В итоге это будет способствовать наиболее эффективному освоению компетенций в учебном процессе.

Весьма перспективной формой групповой творческой работы представляется разработка художественно-технических решений моделей одежды (как проектно-

конструкторская задача высокого уровня обобщения) малыми творческими коллективами студентов с возможным разделением функций участников.

Работа в малых группах имитирует условия малых профессиональных объединений творческого типа, где обычно осуществляет профессиональную деятельность конструктор-дизайнер одежды. Сценарии малых творческих групп могут быть использованы в рамках любой дисциплины. Организация таких занятий предполагает не только совместный исполнительский труд, но и, прежде всего, решение собственно творческих задач, поиск нестандартных решений, поддержку друг друга в творчестве. Они способствуют развитию общности интересов, психологической совместимости, пониманию невозможности решить задачу единоличноно, потребности в творческой дополнительности и готовности взаимопонимания. В этих условиях формируются не только профессиональные, но и общекультурные компетенции.

Формирование и развитие общекультурных компетенций происходит через формы совместной деятельности студентов, предполагающие учет личностных особенностей каждого, его интересов и предпочтений, следование нравственным нормам учебного и будущего профессионального коллектива. Попадая в различные ситуации (моделируемые в процессе обучения, выполнения групповых заданий и т. п.), студенты постигают специфику особого профессионального общения. Они должны научаться понимать, где и когда наиболее эффективна коммуникация, монолог, сообщение, а где и когда оптимальны общение, диалог, отношение к другому как субъекту [3]. Так, технологическая деятельность, предусматривающая четко заданный алгоритм, требует определенной субординации и умений. Собственно поисковая деятельность не имеет жесткого алгоритма и требует принципиального равенства всех его участников. Совместная работа позволяет каждому из них не только пройти весь путь решения творческой задачи с момента зарождения идеи до ее воплощения, но и развить такие общекультурные компетенции, как способность к взаимопониманию, основанную на владении языками профессиональной коммуникации, позволяющими предугадать конкретное поведение партнера, и готовность к взаимопомощи, основанную на сознании приоритетности общих интересов перед частными.

Большую роль в процессе решения проектно-конструкторских задач играют неосознаваемые или плохо осознаваемые впечатления, импульсы, ассоциации, совершаемая бессознательно мыслительная работа. Они предопределяют развитие таких компонентов компетенций, как способность к критическому анализу и пересмотру принятых позиций, т. е. рефлексивность мышления, а также аргументированность. Рефлексия – способность человека объективировать психические процессы, воспринимать и анализировать свою деятельность. Рефлексивное мышление – это мышление о самом процессе мышления, способность проверять, анализировать и оценивать свои рассуждения [5]. Обучение рефлексии как специфической форме теоретической деятельности эффективно в условиях коллективной мыследеятельности. В этом случае рефлексия – это не просто знание и понимание субъектом проектной деятельности самого себя, но и выяснение того, как его понимают другие и как они оценивают его личностные качества, позиции, установки. Освоение рефлексивной практики осмысления групповой проектной деятельности невозможно без умения аргументировать свое мнение. Аргументированность предполагает критичность и самокритичность мышления. Критичность – это самостоятельная оценка чужой позиции (общей или авторитетной) и приводимых в ее обоснование доводов. Самокритичность – это умение объективно оценивать обоснованность своих собственных мнений и суждений.

Целенаправленная, специально организованная деятельность студентов на основе личностно- и общезначимого содержания позволяет актуализировать умение

слышать, воспринимать и понимать друг друга, высказывать критические замечания, аргументированно отстаивать свою точку зрения. Эти компетенции могут успешно развиваться во взаимодействии участников малого творческого коллектива студентов.

Наиболее благоприятной формой организации такого взаимодействия является поисковый диалог, которому в компетентностно ориентированном обучении отводится особая роль. Каждый участник такого диалога получает возможность отстаивать свою точку зрения, свою идею, свободно раскрывая свой потенциал. Но диалог – это не просто выдвижение и столкновение разных идей, а, скорее всего, столкновение разных линий мышления. Разделение обязанностей между членами группы обусловлено спецификой проектно-конструкторской задачи. Обычно это художники, конструкторы, технологи, клиенты («генераторы идей», «методологи», «критики» и др.). Становясь носителями разных функций, одни из них увлеченно предлагают все новые и новые варианты композиционных решений конкретных моделей одежды (или коллекций), другие – холодно и придирчиво проверяют их соответствие условиям творческой задачи (структуре материала, способам формообразования, нормам технологической обработки и др.), третьи – характеристикам предполагаемой группы потребителей. Первые уверены, что предлагаемые ими решения интересны, неординарны, экспрессивны и принципиально новы; вторые, активно вмешиваясь и критикуя их результаты, призывают соблюдать «технологические нормы»; третьи – интересы потребителей (клиентов). Но это не обособленные точки зрения, не разные образы мышления, а единое смысловое содержание творческого процесса решения задачи. Просто одни ответственны за новизну, а другие за значимость (социальную и экономическую) результатов творческого поиска. А новизна и значимость – это и есть характеристики творческой учебно-проектной деятельности.

Именно поисковый диалог позволяет учесть специфическую коллизийность проектной ситуации, возможность изложения и защиты различных точек зрения, целесообразность «материализации» этих позиций в различных ролях, образах представителей разных профессиональных групп и типологических групп потребителей, моделируя между ними отношения сотрудничества или конфликта. В этом случае в учебно-проектной деятельности студентов будут утверждаться и реализовываться категории авторства, уникальности, субъектности участников деятельности, диалога культур, эстетической целостности мироздания, игры творческих сил познающего и преобразующего мир человека.

Стоит отметить и особую форму взаимодействия преподавателя и студента. Отношения между ними должны строиться по принципу не только функционально-ролевого, но и личностного общения. Это, прежде всего, форма живого, естественного человеческого контакта равноценных партнеров. В нем осуществляется двусторонний обмен информацией и задействован не только интеллект, но и эмоции, воля, нравственность, социальные чувства. Обучение в такой форме – это не просто «учебный процесс», а самообучение, которое каждый студент вместе с преподавателем организует по-своему сообразно своим психологическим особенностям. Реализовать такую форму взаимодействия преподавателя и студента можно в условиях модели специфической образовательной ситуации, активизирующей личностные смыслы в учебном процессе [2]. В ней можно выделить:

- проектную проблему, актуализирующую творческую проектную деятельность студента;
- педагога – носителя творческого опыта проектной деятельности;

- студента, испытывающего потребность и одновременно осознающего дефицит творческого опыта в той или иной проектной ситуации, где он хотел бы себя реализовать;
- «факторное поле» ситуации – личностно значимая (притягательная для личности) деятельность и ее жизненный контекст, востребующие творческий потенциал студента;
- ценностно-смысловые компоненты ситуации: социальные, эстетические, художественные, утилитарные и др.;
- процессуальные (деятельностно-коммуникативные) компоненты: система диалогов с носителем творческого опыта (педагогом), совместная игровая имитация социально-профессионального пространства (роли, конфликты, проектные ситуации и связанные с ними ожидания и переживания).

Несомненно, что личность преподавателя приобретает при этом огромное значение и должна быть яркой, талантливой, творческой и компетентной.

Итак, обобщая высказанные позиции, можно сформулировать следующие выводы:

- учебно-проектная деятельность студентов является универсальным видом деятельности, в рамках которой формируются как профессиональные, так и общекультурные компетенции. При этом в качестве основных дидактических единиц используются проектно-конструкторские задачи разных уровней обобщения;
- необходимым условием формирования профессиональных компетенций будущих конструкторов-дизайнеров одежды в процессе учебно-проектной деятельности является соответствие уровня и специфики проектно-конструкторской задачи уровню формируемых компетенций, индивидуальным склонностям и способностям студентов;
- наиболее эффективной формой организации творческой учебно-проектной деятельности является работа в малых творческих группах, имитирующих малые профессиональные объединения творческого типа, в которых предстоит осуществлять профессиональную деятельность будущим конструкторам-дизайнерам одежды;
- взаимодействие участников групповой творческой работы целесообразно организовать в форме поискового диалога, позволяющего максимально учесть специфику проектной ситуации, создать условия для формирования общекультурных и профессиональных компетенций;
- одним из необходимых условий формирования компетенций, побуждения к творчеству, проявлению индивидуальных установок и склонностей будет общение с яркой, талантливой, компетентной личностью преподавателя. Организовать такое общение возможно в особой образовательной ситуации, позволяющей активизировать личностные смыслы в процессе совместной учебно-проектной деятельности преподавателя и студентов.

Литература

1. Вербицкий А. А. Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. – 2006. – № 11.

2. Зеленцова А. В. Личностный опыт в структуре содержания (теоретический аспект) : автореф. дис. … канд. пед. наук. – Волгоград, 1996.

3. Каган М. С. Эстетика как философская наука. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997.

4. Росновская Л. В. Проектирование программ учебных дисциплин при реализации компетентностно-ориентированной профессиональной подготовки конструктора – дизайнера одежды // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 2(2).

5. Семенов И. Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. – М., 1990.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области
Законодательное собрание Свердловской области
Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Ассоциация преподавателей права Свердловской области

ПЕРВЫЙ ПРАВОВОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

(30 января 2014 года, Екатеринбург)

30 января 2014 г. в г. Екатеринбурге состоялся Первый правовой педагогический форум, посвященный 65-летию Всеобщей декларации прав человека, 20-летию Конституции РФ, 10-летию Ассоциации преподавателей права Свердловской области «Правовое образование – XXI век», организаторами которого выступили Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, Законодательное собрание Свердловской области, Гуманитарный университет, Уральский федеральный университет, Ассоциация преподавателей права Свердловской области и социальные партнеры ассоциации.

Участниками Форума стал 91 человек: преподаватели высших (УрФУ, РГППУ, Гуманитарный университет), средних специальных учебных заведений (ЕПТ), школ, лицеев и гимназий из 23 территорий Свердловской области, а также представители органов законодательной и исполнительной власти, Аппарата Уполномоченного по правам человека в Свердловской области, общественных организаций, учреждений культуры Свердловской области.

На форуме прозвучали выступления председателя Законодательного собрания Свердловской области Л. В. Бабушкиной, Уполномоченного по правам человека в Свердловской области Т. Г. Мерзляковой, директора Школы политософии «Достоинство», известного российского политического деятеля Г. Э. Бурбулиса (г. Москва), педагогов Свердловской области, председателя Ассоциации преподавателей права Свердловской области И. С. Огоновской.

Отмечая юбилей Конституции РФ, участники предлагали: 1) более пристально проанализировать смысл, содержание и особенности конституционного развития России за истекшие 20 лет; 2) актуализировать понимание того, что Основной закон является фундаментом демократического, правового и светского развития Российской Федерации и должен стать духовно-нравственным ориентиром каждого гражданина страны; 3) осмыслить уроки формирования национального конституционного сознания.

За последние 15 лет в Свердловской области сложилась система гражданско-правового образования и просвещения, которая способствует развитию гражданских качеств личности, социальных компетенций детей и взрослых. В течение 10 последних лет под эгидой областного омбудсмена по правам человека Т. Г. Мерзляковой Гуманитарным университетом и Ассоциацией преподавателей Свердловской области успешно реализуется областная программа правового просвещения педагогов и старшеклассников г. Екатеринбурга и Свердловской области. Развивается активное взаимодействие общеобразовательных учреждений, высших учебных заведений, общественных организаций в процессе формирования и развития правовой культуры личности обучающихся. Фактически сложилась система правового образования школьников в рамках обществоведческих курсов и самостоятельных курсов правовой направленности (факультативных, элективных, специальных и др.). Идет активный процесс формирования правового пространства общеобразова-

© Глушкова С. И., Огоновская И. С., 2014

тельных учреждений Свердловской области, результатом которого является создание органов школьного самоуправления. В то же время начинается формирование школьных и муниципальных служб примирения.

Одной из важных задач, поставленных участниками форума перед педагогическим и научным сообществом нашей области, стала разработка комплексной программы развития гражданско-правовой культуры населения Свердловской области, а также Концепции и комплексной программы гражданско-правового образования в системе общего, профессионального и высшего образования Свердловской области.

Подводя итоги форума, важно отметить, что в современной России необходимы научная разработка и тщательный анализ новых понятий и явлений, тенденций и процессов, которые формируются и происходят в современной средней и высшей школе. Это важно прежде всего для разрешения острых проблем и противоречий во взаимодействии всех участников образовательного процесса, профилактики конфликтной среды, формирования толерантной атмосферы и правового пространства в российских школах, колледжах и вузах.

Глушкова Светлана Игоревна, д-р полит. наук,
завкафедрой прав человека, замдекана юридического факультета,
директор Центра правового просвещения и прав человека Гуманитарного университета,
приглашенный профессор Университета Париж – Запад (Франция).

Огоновская Изабелла Станиславовна, канд. ист. наук,
доцент Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, председатель Ассоциации преподавателей
права Свердловской области «Правовое образование – XXI век».

Редакционная коллегия

Закс Лев Абрамович – доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета.

Мясникова Людмила Анатольевна – доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе Гуманитарного университета.

Агеносов Александр Васильевич – кандидат технических наук, доцент, декан факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Балмаева Светлана Дашиевна – кандидат философских наук, доцент, декан факультета телерадиожурналистики Гуманитарного университета.

Борисова Ирина Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного университета.

Брандт Галина Андреевна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессор Гуманитарного университета.

Глушкова Светлана Игоревна – доктор политических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, заведующая кафедрой прав человека Гуманитарного университета; приглашенный профессор Университета Париж-Запад (Франция).

Дроздова Алла Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по научной работе, заведующая кафедрой рекламы факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зотова Ольга Юрьевна – доктор психологических наук, доцент, заместитель декана по развитию факультета социальной психологии Гуманитарного университета.

Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой регионоведения Гуманитарного университета.

Крутько Инна Сергеевна – доктор психологических наук, заведующая кафедрой управления персоналом факультета социальной психологии, профессор Гуманитарного университета.

Мицек Сергей Александрович – доктор экономических наук, доцент, декан факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Мицек Елена Борисовна – доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Перелыгина Елена Борисовна – доктор психологических наук, профессор, декан факультета социальной психологии Гуманитарного университета, член Президиума Российского психологического общества, действительный член Международной академии педагогических наук и Международной академии акмеологических наук.

Рамзина Снежана Александровна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Гуманитарного университета.

Росновская Людмила Валентиновна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой конструирования и дизайна одежды Гуманитарного университета.

Семитко Алексей Павлович – доктор юридических наук, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор Гуманитарного университета; приглашенный профессор университета Париж-Запад (Франция).

Семякин Михаил Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой частного права Гуманитарного университета; профессор УрГЮА.

Хмелькова Наталья Владимировна – доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики и информатизации факультета компьютерных технологий Гуманитарного университета.

Ямалетдинова Галина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой оздоровительной тренировки и профессионально-прикладной физической подготовки, профессор Гуманитарного университета; профессор Института физической культуры, спорта и молодежной политики (ИФКСиМП) УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

Редакционный совет

Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН.

Аман Ив – профессор факультета славистики Университета Париж-Запад (Нантер, Франция).

Болдыгин Геннадий Васильевич – кандидат философских наук, доцент, консультант ректора по экономическим вопросам, почетный профессор Гуманитарного университета.

Бурбулис Геннадий Эдуардович – кандидат философских наук, проректор Международного университета в Москве, Президент Гуманитарно-политологического центра «Стратегия», почетный профессор Гуманитарного университета (Москва).

Голынец Сергей Васильевич – кандидат искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории искусств УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина, академик Российской Академии художеств, профессор Гуманитарного университета.

Зборовский Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор УрФУ им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Сургутского государственного педагогического университета.

Киселева–Кастельс Эмма – исполнительный директор Кафедры ЮНЕСКО по образованию и технологиям для социальных изменений, Universitat Oberta de Catalunya (Барселона, Испания).

Руденко Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института философии и права УрО РАН.

Руткевич Алексей Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и декан философского факультета НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ, заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН (г. Москва).

Тарасьев Александр Михайлович – доктор физико-математических наук, старший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН, профессор факультета бизнеса и управления Гуманитарного университета.

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

Разделы журнала, включающие научные статьи, соответствуют основным направлениям научных исследований Гуманитарного университета:

1. Социально-психологические и личностные основания общественных отношений, коммуникаций и социального управления (психология, реклама и PR, управление персоналом).
2. Оптимизация управления экономикой России: финансово-экономические, математические и информационно-компьютерные модели (экономика, информационные технологии).
3. Правовая и политическая культура в социальной, государственной, военной истории России и мира (юриспруденция, политология, регионоведение, история).
4. Мир культуры: субъекты, институты, практики (философия, культурология, искусствоведение, теория и методика физической культуры, журналистика, моделирование и конструирование одежды, сервис и туризм).
5. Образование как социальный институт (социология).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- **Гуманитарные науки** (исторические науки, филологические науки, языкознание, философские науки, искусствоведение и культурология)
- **Социально-экономические и общественные науки** (экономические науки, психологические науки, педагогические науки, социологические науки, юридические науки, политология)
- **Технические науки** (информатика, технология материалов и изделий текстильной и легкой промышленности)
- **Физико-математические науки** (математика, математическая логика)

Периодичность издания – 4 номера в год: март, июнь, сентябрь, декабрь.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 (март) – до 10 февраля
№ 2 (июнь) – до 10 мая
№ 3 (сентябрь) – до 10 августа
№ 4 (декабрь) – до 10 ноября

Журнал рецензируемый, с регистрацией в РИНЦ.

Требования к оформлению материалов:

- К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья уже была опубликована (полностью или частично), автор должен сообщить об этом редакции.
- Объем статьи 19 000–40 000 знаков (не считая пробелов, с учетом сносок).
- Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см, поля сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
- Ссылки на литературу – в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы, список литературы – в конце статьи.

- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Каждой научной статье должен быть присвоен код УДК.
- **На русском и английском языках** приводятся:

– **название статьи;**

– **сведения об авторе** (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание, должность, место работы – полное название организации; контактная информация: адрес электронной почты для каждого автора, телефон);

– **краткая аннотация** (5–10 строк);

– **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Необходима латинская транслитерация списка литературы.

- **Обязательна рецензия на статью** специалиста по данной отрасли знания, для аспирантов – также рецензия научного руководителя. Рецензии заверяются подписью и печатью организации и высылаются в адрес редакции (возможен отсканированный вариант – по электронной почте).
- Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
- **Публикации бесплатные**. Авторский гонорар не выплачивается.
- Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru **с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук»**, например «Вестник ГУ, психология». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.
- Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

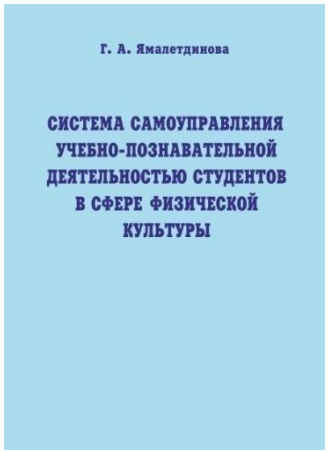
Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207, тел. (343) 365-99-73.

Приглашаем Вас опубликовать свои работы в «Вестнике Гуманитарного университета»!

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетику А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысляется трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.



Ямалетдинова Г. А.

Система самоуправления учебно-познавательной деятельностью студентов в сфере физической культуры : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 278 с.

ISBN 978-5-7741-0218-1

В монографии раскрывается сущность и специфика самоуправления учебно-познавательной деятельностью студента вуза с использованием средств физической культуры и возможностей модульно-проектных технологий.

Рассмотрены структура и содержание комплекса условий (организационно-функциональных, процессуально-содержательных, управленческих и информационных) повышения эффективности процессов самоуправления учебно-познавательной деятельностью для проектирования личностных программ здорового стиля жизни и управление ими.

Монография носит теоретико-методологический и эмпирический характер и предназначена для специалистов сферы физиической культуры, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Зборовский Г. Е.

Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 484 с.

ISBN 978-5-7741-0191-7

Автор рассматривает проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи; дает характеристику основным вехам изучения знания и образования в рамках классического и современного этапов развития зарубежной и отечественной социологии и ее метапарадигм; показывает становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре внимания автора находятся наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности, большое внимание уделено образовательному знанию как особому виду знания, в том числе и образовательному знанию социологии. Исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

Книга рекомендуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям социологических дисциплин, специалистам в области социологии, педагогики, управления образованием, всем тем, кто стремится к осмыслению проблем современного знания и образования.

Хмелькова Н. В.

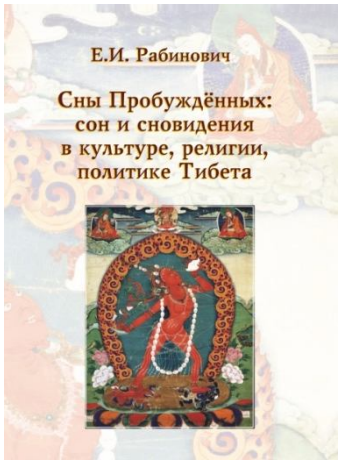
Теоретико-методологические основы ко-брендинга : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 294 с.

ISBN 978-5-7741-0217-4

В монографии предложен авторский взгляд на формирование теоретико-методологических подходов, позволяющих совершенствовать маркетинговые взаимодействия организаций в рамках ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов.

Структура работы обусловлена стремлением автора раскрыть теоретические аспекты, методологию формирования и реализации ко-брендинга с междисциплинарных позиций и на основе системного подхода. В первых главах монографии дано теоретико-методологическое обоснование предпосылок возникновения ко-брендинговых стратегических маркетинговых альянсов, предлагаются направления совершенствования теории объединения брендов, методология, алгоритм и инструментарий ко-брендинга и организационно-экономический механизм его реализации. В заключительной главе работы определены современные направления реализации ко-брендинга в России и мире, представлены результаты апробации предложенных автором теоретико-методологических подходов в условиях международных и российских ко-брендинговых альянсов.

Монография адресована руководителям коммерческих и некоммерческих организаций, бренд-менеджерам, преподавателям, аспирантам, студентам и всем интересующимся последними тенденциями в теории и практике маркетинга и брендинга.



Рабинович Е. И.

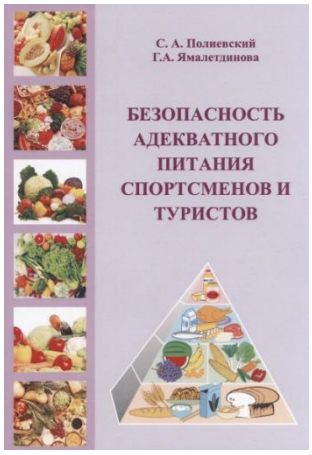
Сны Пробуждённых: сон и сновидения в культуре, религии, политике Тибета : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 200 с.

ISBN 978-5-7741-0196-2

Монография посвящена исследованию сна и сновидений как культурного феномена. Выявляются происхождение и эволюция представлений о сакральной природе сновидений в традиционных сообществах. Теоретические положения применяются автором к исследованию культурной модели сновидений в Тибете. Представлена и специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм.

Читатель узнает, как из пространства снов индийских и тибетских святых возникали религиозные тексты, священные танцы, иконография божеств, актуальные политические модели. Познакомится с магическими практиками обретения пророческих сновидений, снами в тибетских житиях, явлениями божеств и кладами, извлеченными из мира снов. Увидит, как сновидения становились источником религиозных реформ и орудием политической борьбы.

Книга может быть полезна преподавателям и студентам гуманитарных факультетов – культурологам, религиоведам, востоковедам, историкам. Она адресована и широкому кругу читателей, интересующихся буддизмом Центральной Азии и иррациональными аспектами культуры в целом.



Полиевский С. А., Ямалетдинова Г. А.

Безопасность адекватного питания спортсменов и туристов : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2013. – 172 с.

ISBN 978-5-7741-0189-4

Авторы пособия рассматривают питание как важнейший фактор адаптации организма спортсменов и туристов к физическим нагрузкам.

Гигиеническая и экологическая адекватность питания, контроль за качеством продовольственного сырья и пищевых продуктов на всех этапах их получения, переработки и реализации, характеристика пищевых отравлений, врачебно-санитарный контроль за организацией питания спортсменов и туристов – актуальные проблемы, находящиеся в сфере научных интересов авторов.

Пособие предназначено для студентов спортивных вузов, факультетов БЖД, врачей, тренеров, спортсменов. Книга может представлять интерес и для работников пищеблоков, обеспечивающих питание спортсменов.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

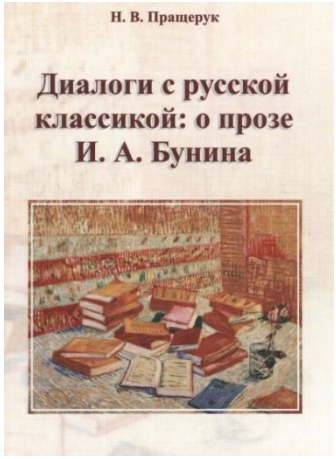
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антеверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.



Пращерук Н. В.

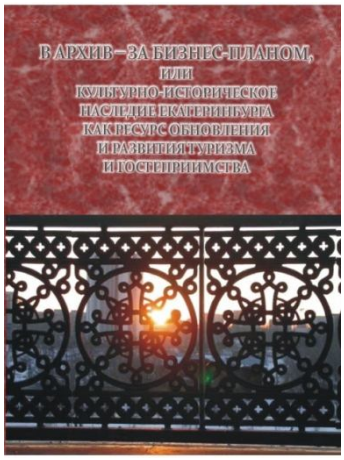
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философов-коммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.



В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография / Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионоведам, культурологам.

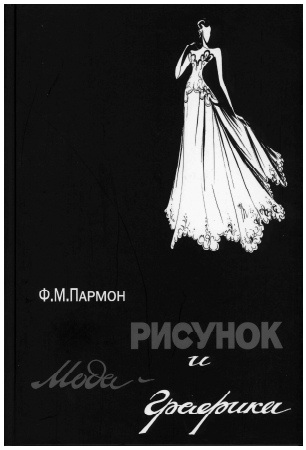
Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиатекст в идеологическом контексте : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиатекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.



Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов /натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Лицензия на осуществление образовательной деятельности
серия 90Л01 № 0000079, рег. № 0074 от 29.05.2012 г.
Свидетельство о государственной аккредитации серия ВВ № 001701, рег. № 1683 от 25 мая 2012 г.

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе принимаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра по следующим направлениям:

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Языкознание и литературоведение (45.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)

Срок обучения в аспирантуре
составляет 3 года (очная форма),
по заочной форме – 4 года.

Подготовка аспирантов в университете осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- за счет средств университета (целевая подготовка в соответствии с Положением о целевой подготовке научно-педагогических кадров).

Прием в аспирантуру проводится в следующие сроки:
- прием документов: с 1 июня по 25 августа;
- вступительные экзамены: с 1 сентября по 15 сентября.

Телефоны приемной комиссии: (343) 369-10-11, 271-58-56

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.
Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Научное издание

Вестник Гуманитарного университета
2014. № 1 (4)

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Е. А. Батюта
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 27.03.2014.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 15,6
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19.
Лицензия № 0074 от 29.05.2012

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3